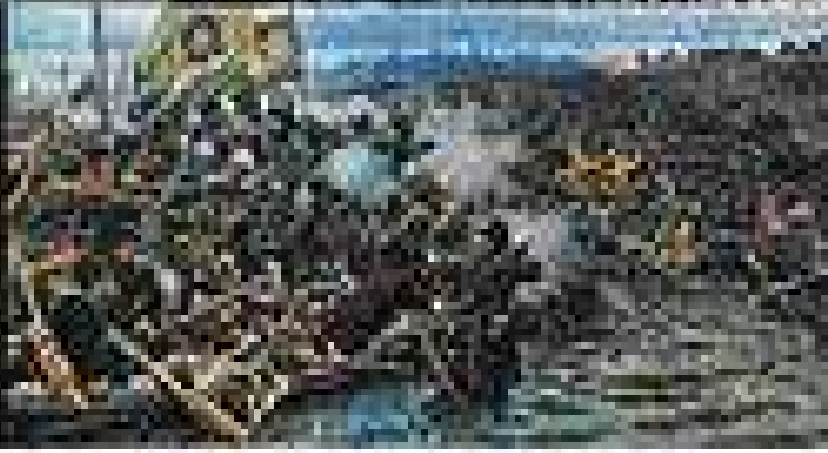
ЕРМАК

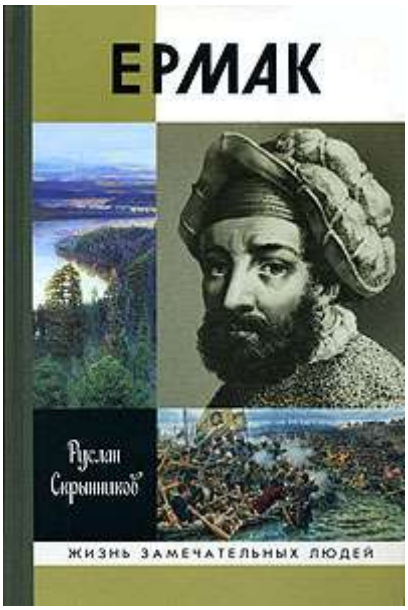


Руслан Скрынников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Руслан Скрынников
Ермак

Жизнь замечательных людей – 1300



«Ермак»: Молодая гвардия; Москва; 2008
ISBN 978-5-235-03095-4

Аннотация

Книга о Ермаке, покорителе Сибири, принадлежит перу признанного классика историко-биографического жанра Руслана Григорьевича Скрынникова. Основанная на кропотливом анализе обширного документального материала, она воссоздает грандиозную панораму экспедиции русских казаков во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем (1582–1585), результатом которой стало присоединение к Российскому государству Сибири. Нет сомнений, что это событие стало одним из важнейших во всей русской истории, а сам Ермак принадлежит к числу выдающихся людей нашего Отечества.

В качестве Приложения в книгу помещены тексты двух сибирских летописей XVII века, рассказывающих об эпопее Ермака, а также подлинный текст Синодика Ермаковым казакам, составленного в 1622 году при участии уцелевших казаков его дружины.

Руслан Скрынников
Ермак

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XV — начале XVI века на месте разрозненных русских княжеств образовалось обширное Российское государство. Русь покончила с иноземным игом и принялась расчищать почву от осколков рассыпавшейся империи завоевателей — Золотой Орды.

Время Ивана Грозного было временем крупных успехов и одновременно больших неудач обретающего мощь Российского государства. «Казанское взятие» открыло русским путь в низовья Волги и на Каспийское море. Однако все попытки России получить выход на Балтийское море и установить прямые торговые связи со странами Западной Европы по

кратчайшим морским путям закончились неудачей. Последние годы двадцатипятилетней Ливонской войны были отмечены голодом, разрухой и тяжелейшими поражениями.

Среди сплошных неудач конца войны «сибирское взятие» Ермака блеснуло подобно молнии в ночной тьме. Горстка ермаковых казаков нанесла сокрушительное поражение «царю» Кучуму, властителю Сибирского ханства и наследнику Золотой Орды.

Освоение Сибири, начало которому было положено экспедицией Ермака в Зауралье, явилось крупнейшей вехой в русской средневековой истории. Казаки Ермака сделали первый шаг, открыв пришедшим на смену им землепроходцам путь в глубины неведомого и огромного азиатского материка. Вслед за великими географическими открытиями на западе настало время русских географических открытий на востоке. Через полвека после гибели Ермака русские вышли на берега Тихого океана.

Сохранилось совсем немного достоверных данных, которые позволили бы составить правдивое жизнеописание Ермака. Раскрыть незаполненные страницы его биографии поможет исследование эпохи и среды, выдвинувшей прославленного покорителя Сибири. Эпоха — вот ключ к пониманию характера и деяний Ермака, одной из самых примечательных фигур русской средневековой истории.

«РОДОСЛОВНАЯ» ЕРМАКА

«Сказки» и челобитные грамоты ермаковцев служат незаменимым источником для тех, кто задался целью составить биографию Ермака.

На склоне лет ветераны не раз вспоминали о своей долгой службе в станице у Ермака. «Старый» казак Гаврила Ильин писал в челобитной грамоте царю, что в былые времена он двадцать лет «полевал» (нес полевую службу) с Ермаком в «диком поле». Его слова вскоре же подтвердил другой ветеран — Гаврила Иванов. По свидетельству Иванова, он служил царю «на поле двадцать лет у Ермака в станице» и в станицах у других атаманов.

Достигшие самого преклонного возраста сибирские казаки вспоминали то доброе старое время, когда сами они были совсем молодыми. Если Ермак уже тогда командовал станичниками и числился атаманом, то, значит, он провел «в поле» никак не меньше 25–30 лет. Отсюда следует, что Ермак покинул родные места то ли во времена «Казанского взятия», то ли в первые годы войны за Ливонию.

Жизнь в казачьих зимовьях была трудной, и ее могли вынести лишь люди, достигшие «совершенных лет». Ермаку едва ли было меньше пятнадцати, когда судьба забросила его в степные станицы.

Самые приблизительные подсчеты подсказывают, что атаману Ермаку Тимофеевичу исполнилось ко времени похода в Сибирь никак не меньше 40–50 лет. Значит, родился он в глухую пору боярского правления на Руси — то ли в 30-х, то ли в 40-х годах XVI века.

Придет время, и многие волости и городки будут оспаривать честь именоваться родиной покорителя Сибири. По одной версии, Ермак происходил из волости Борок на Северной Двине, по другой — из Тотемских волостей Вологодского уезда, по третьей — из строгановских вотчин на Чусовой. Все это не более чем предания, возникшие в позднее время.

В XVIII веке некий книжник старательно переписал «Сказание», принятое им за автобиографию Ермака. Строка за строкой ложились на страницы летописи известия, одно удивительнее другого. «О себе же Ермак известие написал, откуды рождение его. Дед его был суздалец посадский человек, жил в лишении, от хлебной скудости сошел в Володимер, именем его звали Афонасей Григорьевич сын Аленин, и ту воспита двух сынов Родиона да Тимофея, и кормился извозом, и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда бежал з женью и з детми в Юрьевец Поволской, умре, а дети Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породи детей: у Родиона два сына: Дмитрей да Лука; у Тимофея дети: Гаврило да Фрол да Василей. И онной Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в

работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибрав себе дружину малую и пошел от работы на разбой, и от них звашеся атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган, по вол(ж)ски — жерновой мелнец рушной».

Даже среди дворян не все имели свою письменную родословную. Вольному же казаку «написание» о предках было просто ни к чему. Приведенное «родословие» Ермака — всего лишь наивная выдумка.

Сочинители родословия Ермака допустили забавную ошибку. Они рассматривали имя «Ермак» как прозвище и приписали ему чуждое значение — «таган» или «жернов». Они не догадывались о том, что атаман носил православное имя Ермолай, от которого и произошло сокращение «Ермак». Недоразумение привело их к очевидной ошибке — замене подлинного имени вымышленным. Возможно, в строгановских вотчинах XVI или XVII века и жил разбойник Василий Аленин, но к Ермолаю Тимофеевичу — историческому Ермаку — он не имел никакого отношения.

Настоящее прозвище атамана известно из документов Посольского приказа, использованных составителем Погодинской летописи. В связи с первым упоминанием имени Ермака ее автор сделал ремарку: «Прозвище ему было у казаков Токмак». Русские люди XVI века придавали прозвищу особое значение. Те, кто боялся дурного взгляда, скрывал всю жизнь свое молитвенное имя и довольствовался прозвищем. Большинство людей откликались и на имя, и на прозвище.

Человек не выбирал прозвище по своему усмотрению. Прозвищем его награждала народная молва. Оно приклеивалось к нему навек и указывало либо на достоинство, либо на изъян, либо на какую-нибудь другую характерную черту. Были «Горбатые» и «Глухие», «Красные» и «Сухорукие», «Слизни», «Ерши», «Нюньки», «Брюхатые» и «Благие».

Ермак получил весьма красноречивое прозвище — Токмак. В России были разные говоры, оттого слово «токмачить» имело неодинаковый смысл. Одни под словом «токмачить» подразумевали «толочь», а словом «токмач» обозначали увесистый пест либо «бабу» для трамбовки земли. Другие говорили «токмачить», подразумевая «бить», «колотить», «толкать». В их понимании «токмак» означало деревянную колотушку.

Давним обычаем в русских городах и деревнях были кулачные бои. Либо деревня шла на деревню, либо улица на улицу. Не в таких ли состязаниях получил свое прозвище Ермак? А может быть, казаки стали звать Ермака Токмаком уже после того, как он стал их предводителем и отличился в битвах с врагами? В любом случае прозвище указывало скорее на достоинство, чем на недостаток. В имени Токмак угадывался намек на несокрушимую физическую силу, которую умели ценить в народе.

Как прожил Ермак первую половину своей жизни? Откуда он был родом? На эти вопросы невозможно ответить изза отсутствия достоверных данных. Известно лишь, что Ермак «гулял» в казаках по полю не одно десятилетие. Этот факт имеет исключительное значение для составления его жизнеописания.

«Служба» Ермака относилась к тому самому времени, когда вольное казачество сделало решающие успехи в освоении «дикого поля».

Чтобы заполнить пробелы в ранней биографии Ермака, надо составить возможно более полную историю казаков при Иване Грозном. Ермак не только пережил эту историю вместе со своими будущими соратниками, но был одним из подлинных ее творцов.

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ

Монголо-татарское нашествие смело с лица земли славянские поселения в степной полосе между Днепром и Волгой, на Дону и в Приазовье. Но пути вглубь степей не были забыты на Руси. Едва Золотая Орда утратила былое могущество и стала распадаться, русское население начало возвращаться в донские, приазовские и волжские степи. Медленное, но ощутимое движение происходило на всем пространстве от Киева до Нижнего Новгорода.

Выходцы из Руси небольшими ватажками отправлялись вниз по течению рек на

промыслы, с наступлением холодов возвращались домой либо «полевали» в степях. На окраинах находили прибежище прежде всего те, кто искал спасения от тягла, даней и оброков. Немногочисленные русские переселенцы очень часто присоединялись к татарским станицам, население которых по своему социальному облику мало чем отличалось от них самих. То были выходцы из татарских кочевий, беглые «черные люди» и рабы. Сами наименования, усвоенные вольным населением степей — «казак», «есаул», «атаман», — бесспорно татарского происхождения.

На первых порах среди казаков преобладали татары, выходцы из разных орд. В 1538 году московские власти во время переговоров с Ногайской ордой отметили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят».

Приток населения со славянских территорий со временем изменил лицо вольных станиц. Сказалось то, что земледельческое население Руси было куда более многочисленным, нежели редкое кочевое население степей. Сказалось и быстрое развитие самодержавных форм власти в России, сопровождавшееся усилением гнета и насилий в отношении низов.

Число выходцев с русских «украин» умножалось из года в год. В 1546 году путивльский воевода писал Ивану IV в Москву: «Ныне, государь, казаков на поле много: и черкасцев, и кыян, и твоих государевых, вышли, государь, на поле изо всех украин».

Беглый люд поначалу жил в станицах и «зимовьях». Со временем в местах наибольшего скопления колонистов появились укрепленные «засеки» и «городки».

Выходцы из Киева и других украинских мест основали себе «сечь», или засеку, за днепровскими порогами уже в середине XVI века. Запорожская Сечь, объединившая казачьи городки на Днепре, стала оплотом обороны Украины от нападений крымцев.

Вскоре же выходцы из Чернигово-Северской земли основали поселения на Дону. Ногайцы тотчас потребовали от царя свести с Дона казаков-севрюков и всю ту «русь», которая живет на Дону. Но Иван IV отвечал ногайцам, что казаки поселились там без его ведома, убежав из государевых владений.

Ногайский князь Юсуф жаловался, что подданный царя Сары-Азман и его товарищи «на Дону в трех или в четырех местах города поделали» и громят послов и торговых людей. Московские люди не отрицали того, что Сары-Азман прежде действительно служил царю, но впоследствии «те наши холопи в нашей земле многое лихо учинили», из-за чего и принуждены были бежать в поле.

Поначалу вольные казаки жались к государевым «украинам», но с годами уходили все дальше и дальше в «дикое поле».

В начале XVI века московские власти решили установить постоянные дипломатические отношения с Турцией. С этой целью вызвали казаков и задали им вопрос о степных путяхдорогах. Казаки отвечали, что с Черного моря турки могут пройти мимо Азова на Переволоку. Но «сходиться» на Переволоке нельзя из-за постоянных нападений со стороны Астраханской орды. В конце концов, местом съезда послов были избраны реки Медведица и Хопер.

Более полувека Казань находилась в вассальной зависимости от России. Мир на казанских границах облегчал русским продвижение на северные притоки Дона — Хопер и Медведицу. Хопер далеко отстоял от порубежных русских крепостей. Но вольные казаки в такой мере освоили эту реку, что называли ее вполне безопасным («крепким») для встречи послов местом.

Ко времени Казанской войны казаки продвинулись далеко на юг и в Поволжье, и на Дону. Московский посланник Семен Мальцев в 60-х годах XVI века видел два казачьих городка на нижней Волге. Донские казаки к тому времени обжили низовья Дона. В 1571 году Иван IV впервые отрядил гонцов к донским атаманам в устье Северского Донца. К следующему десятилетию относятся достоверные известия о существовании нескольких укрепленных казачьих городков на Дону и на Маныче. Самым значительным из них стал

городок Раздоры, будущая столица Войска Донского.

В «диком поле» казаки вели жизнь, полную опасностей и тревог. Оттого женщины, если и попадали в их станицы, оставались там недолго. Членами степного братства могли быть только мужчины.

«Нагулявшись» в поле, казак возвращался в родные места, женился, заводил детей. Но даже семья не всегда становилась для него прочным якорем. Тех, кто однажды побывал в вольных станицах, трудно было удержать на одном месте. Случалось, что крестьяне сами отпускали взрослых сыновей в казаки, стремясь избежать раздела земли. В степи крестьянский парубок мог либо сложить голову, либо найти свою удачу. В крестьянской семье нежданная подмога ценилась очень высоко.

Много людей покидало родную деревню в лихую годину. Воротившиеся назад нередко находили заколоченные избы. Помянув близких в церкви, они вновь уходили в степь — на этот раз навсегда.

Царские послы, ездившие в Турцию через землю донских казаков в 80-х годах XVI века, писали из Азова в Москву, что «на Дону и вблизи Азова живут казаки, все беглые люди: иные казаки тут и постарились живучи».

К тому времени, когда Ермак задумал поход в Сибирь, среди казаков было немало таких, кто век свой прожил в станицах на Дону, в Поволжье, на Яике и Тереке. Рядом с этими «старыми» казаками появились «новые» — недавние беглые. Власти адресовали свои грамоты «донским атаманам и казакам старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова».

Благодаря тому что в станицах жили бок о бок татары и русские, станичникам нетрудно было наладить торговлю с ближайшими ордынскими базарами. В то же время они не порывали связи с Россией. Казаки возили рыбу, дичь и другие товары в ближайшие русские города и возвращались в степь с хлебом.

Жившие под Азовом донские казаки постоянно посещали базары в пригородах турецкой крепости. Характеризуя мирные отношения казаков с Азовом, турецкий султан писал в 1575 году: «А ведь де Азов казаками и жил, а казаки де Азовом жили, о чем де у них по ся места все было смирно».

Азовские власти и ордынская знать не прочь были превратить казаков в своих подданных. Но казаки оказывали вооруженное противодействие их поползновениям. Обстановка анархии, царившая на бывшей территории Золотой Орды, благоприятствовала им.

Азов был крупнейшим невольничьим рынком в Восточном Причерноморье. Татарские мурзы везли сюда полоняников, захваченных во время постоянных набегов на пограничные русские земли и казачьи станицы. Торговля русскими невольниками явилась еще одной причиной вражды казаков с азовцами. Царские дипломаты заявляли турецким властям в Константинополе, что «азовские люди и Казыева улуса и Дивеевых детей (люди) с крымскими и ногайскими людьми ходят на государевы окраины войною и многих русских людей емлют в полон и возят в Азов, и казаки, того не мога терпети, на них приходят».

С давних пор из Азова русских невольников продавали по всему Востоку. Успехи казачества нанесли сильный удар азовской работорговле. Отныне русский «полон», отбитый казаками, стал постоянным источником пополнения степных станиц.

Москва исподволь поддерживала «малую» войну вольных казаков против ордынцев. Но как только их действия приводили к дипломатическим осложнениям или наносили ущерб царской казне либо союзникам, власти отказывались нести за них какую бы то ни было ответственность и призывали ордынцев к истреблению «воровских людей». При этом они разъясняли туркам и татарам, что «воровские» казаки не являются подданными царя и тот сам их казнит при первом удобном случае. Эти заявления царских дипломатов нельзя принимать за чистую монету. Правдой в них было лишь то, что московские власти никогда не могли полностью подчинить себе вольные казачьи окраины.

В «диком поле» вольные казацкие общины основывали свои станицы либо на больших

речных островах, либо на гористых берегах, наподобие волжских Жигулей. В реках колонисты ловили в большом количестве рыбу, в окружающих лесах промышляли дичь. Реки давали им не только пропитание, но и служили надежным укрытием. Легкие речные суда — струги заменяли переселенцам лошадей. Верхом на коне казаку трудно было ускользнуть от подвижных татарских отрядов. Когда казакам приходилось надолго покидать свои станицы и отправляться в походы с царскими воеводами, они почти всегда сражались в пешем строю либо на стругах.

Русское население имело давнюю земледельческую культуру. Покидая пески и суглинки, оно находило в степях чернозем. Переселенцы могли завести пашню, но никогда не заводили ее в своих станицах. Они знали: там, где будут возделанные поля, немедленно появятся данщики. На русских «украинах» даже государевы крепости не могли спасти крестьянские поля от набегов кочевников. Среди ордынских кочевий казак не имел шанса вырастить и сохранить урожай.

Нападения ордынцев приучили казаков к войне. Беглый люд был недостаточно вооружен. Но со временем война дала им необходимое оружие, и тогда казаки нашли дополнительный источник доходов в войне и военной добыче.

Казаки предпринимали походы по морю к крымским и турецким берегам. Временами они собирались в ватаги и грабили проезжих купцов — ногайских, крымских, реже русских, иногда англичан.

Разбойные нападения казаков нередко обсуждались дипломатами и приобретали громкую известность. Но военная служба в России открыла перед казаками гораздо большие возможности. На службе казаки получали хлебное жалованье, свинец и порох. Без всего этого они никогда бы не выстояли в борьбе с ордынцами. Отправляясь на Русь, казаки получали возможность видеться с родными.

Московские власти употребляли всевозможные средства для того, чтобы привлечь казаков на постоянную военную службу. Их усилия давали определенные результаты. Гарнизоны пограничных крепостей непрерывно пополнялись казаками либо людьми, прибранными в казаки. Они получали от казны содержание, иногда пашенные наделы.

Однако население, обитавшее в «диком поле», цепко держалось за свою вольную жизнь. Станицы пополнялись беглыми холопами, крестьянами, посадскими людьми, не помышлявшими о возвращении в тягло. Иногда они поступали со своими атаманами «в найм» и отправлялись в походы с царскими воеводами. Казна платила им деньги, пока они непосредственно участвовали в военных действиях. Едва поход заканчивался, вольные казаки возвращались в свои зимовья.

Казаки выбирали атаманов из своей среды, собравшись в «круг». Правительство принуждено было считаться с их порядками и молчаливо признавало их самоуправление.

Никто не знает, из каких мест происходил Ермолай Тимофеев и в какой семье он родился. Если он прожил в «диком поле» двадцать и более лет, значит, нити, привязывавшие его к родным местам, порвались.

Молодые казаки начинали службу, подряжаясь в «товарищи» к старшим по возрасту и опыту казакам. Через это проходили все выходцы из России. Вероятно, и Ермак жил в «товарищах», пока не стал «старым» казаком. Затем казаки оказали ему доверие, избрав в атаманы. Шли годы, менялся состав станиц. «Погуляв» в поле, молодежь возвращалась домой. Место выбывших тотчас занимали другие люди: беглого народа всегда хватало на окраине. Не менялся лишь круг «старых» казаков. В их среде сложился свой кодекс, неписаные законы вольницы.

НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Власть монголо-татарских ханов держалась на восточной окраине Европы в течение веков. Едва Золотая Орда пала, возникла новая опасность. Народам Восточной Европы стала угрожать Османская империя, которая сокрушила тысячелетнюю Византийскую империю,

завоевала Балканы, подчинила Крым и утвердилась в устье Дона. Крымские Гиреи, ставшие вассалами Османской империи, пытались использовать силы султана, чтобы вновь объединить бывшие владения Золотой Орды. Представители крымской династии водворились на престоле в Казани, столице самого сильного из татарских «царств» на берегах Волги.

После падения ордынского ига степные набеги на Русь на время прекратились. Но затем они возобновились с новой силой. При Василии III крымцы подошли к Москве и подвергли страшному опустошению всю столичную округу. Отряды казанских мурз грабили окрестности древнего Владимира и Костромы. Вспоминая то лихое время, царь Иван с горечью писал: «От Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше».

Вскоре после коронации на царство Иван IV предпринял свой первый поход на казанцев. Дождавшись морозов, русские полки двинулись в поход по накатанным зимним дорогам. Неожиданно в разгар зимы наступила оттепель и прошли дожди. Оттепель застала русских на берегах Волги неподалеку от Казани. Царь не желал отменять поход и приказал начать переправу. Но лед подтаял и во многих местах ломался под тяжестью пушек и ратников. Потеряв немало людей, Иван IV «со многими слезами» вернулся в Москву.

Два года спустя царь привел свои рати к самым стенам Казани. Но наступление было плохо подготовлено и, простояв у Казани одиннадцать дней, воеводы повернули прочь.

В 1552 году столичное население вновь провожало ратных людей в поход. Крымский хан пытался помешать планам царя. Он устремился к Москве и вышел в район Тулы. Но тут воеводы нанесли ему сильный удар.

Наступили последние летние дни, когда полки обложили Казань со всех сторон. Татарская крепость располагалась на вершине обрывистого холма у речки Казанки. Под ее стенами зиял ров.

В течение нескольких дней русские соорудили осадную линию из бревенчатого частокола и плетеных корзин, наполненных песком. Расположив тяжелую осадную артиллерию в непосредственной близости от стен, воеводы подвергли город усиленной бомбардировке. Против главных ворот русские соорудили трехъярусную деревянную башню высотой около 15 метров. С башни пушкари обстреливали город поверх крепостных стен. Искусные мастера соорудили подкоп и взорвали колодцы, питавшие город водой.

На рассвете 2 октября 1552 года мощные взрывы потрясли крепостную стену. В нескольких местах укрепления были разрушены. Русские полки устремились с разных сторон на приступ.

В битве за Казань участвовало много казаков. Воеводы знали их храбрость и направляли их туда, где больше всего лилось крови. В день решающего штурма первыми к стенам крепости пошли «многие атаманы, и казаки, и стрельцы, и многие боярские люди, и охотники». Казаки яростно рубились с врагом в проломах, карабкались на стены по лестницам. Наступавшие в первом эшелоне понесли наибольшие потери, но задача была выполнена. Захватив привратные башни, казаки и ратники распахнули ворота, через которые в город вступила дворянская конница.

На узких и кривых улицах Казани произошла кровавая сеча, столица ханства пала.

Народная память сохранила давний миф, будто Казань добыл царю не кто иной, как Ермак. По преданию, царь Иван стоял под Казанью несколько лет, пока на помощь к нему не явились казаки. В поход их позвал Ермак:

Пойдем-ка, братцы, под Казань-город:
Под ним Грозный царь стоит,
У него ли там много силушки,
Он семь лет стоит под Казанию,
Он семь лет стоит, не возьмет ее!

«Казанское взятие» отозвалось в веках гулким эхом. В своих песнях донские казаки

славили победителей и даже происхождение свое связывали с давним подвигом. В награду за разгром Казани казаки просили пожаловать им вольный Дон:

Казаки в Казань ворываются,
А орда из ней убирается,
Царь въезжает во Казань-город,
Он там хвалится, прославляется.
Вот Ермак к нему является:
— Чем, Ермак, тебя пожаловать?
— Ты отдай, государь, нам Тихий Дон
Снизу до верху, сверху до низу,
С его реками и вершинами!

Память об отважных атаманах, бившихся за Казань, долго жила в донских станицах. В начале XVII века донцы подали царю такую челобитную. «В которыя время царь Иван стоял под Казанью, — писали они, — и по его государеву указу атаманы казаки выходили з Дону и с Волги и с Яика и с Терека: атаман Сусар Федоров и многие атаманы казаки ему, государю, под Казанью служили…»

Семь лет длилась Казанская война, и в течение всего этого времени население вольных казачьих станиц боролось с ордынцами то вместе с московскими отрядами, то на свой страх и риск.

Выступления казаков на всем пространстве от Перекопа до Астрахани вызвали тревогу в далеком Константинополе. Послы повелителя «правоверных», прибывшие в Ногайскую орду, утверждали (согласно русской информации), будто султан терпит от московского государя многие обиды. Царь, говорили они от имени султана, «поле де все, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял… поотымал всю волю в Азове: казаки его с Азова оброк емлют, и воды из Дона пить не дадут; а крымскому де царю потому же обиды чинят великие, какую де соромоту казаки крымскому царю учинили — пришед, Перекоп воевали; да казаки Астрахань взяли…».

Сведения относительно «речей» султана не отличались достоверностью. Доброжелатели Москвы, сообщившие царскому послу об обидах султана, сознательно сгустили краски. Они добивались, чтобы царь унял казаков. Но их старания не достигли цели.

Чем дальше продвигались в степи русские воеводы, тем энергичнее поддерживали их казаки. Волжские казаки, знавшие как свои пять пальцев пути в Нижнем Поволжье, вели русские отряды к Астрахани в качестве «вожей» (проводников).

Атаман Федец Павлов укрепился на волжских перевозах и отбил ногайцев, пытавшихся оказать помощь астраханскому хану. После взятия Астрахани казаки Павлова прошли на стругах в низовья Волги и захватили там ханские суда с оружием, а затем и гарем хана.

Иван IV отдал Астрахань служилому хану Дервиш-Али. Но в 1556 году тот нарушил присягу. Запросив помощь из Крыма, он выбил воеводу Мансурова с Переволоки между Волгой и Доном. Отступив с Переволоки, Мансуров нашел прибежище у вольных казаков в их городке Зимьево.

Османская империя, владевшая устьем Дона, давно лелеяла планы захвата Волги. По приказу султана крымский хан направил в Астрахань воинские силы — 700 всадников, 300 янычар с огнестрельным оружием и артиллерию.

Казаки понимали, сколь важно не упустить время и не дать крымцам закрепиться в Астрахани. Они решили действовать, не дожидаясь подхода подкреплений из Москвы. Атаман Филимонов напал на астраханские улусы и нанес Дервишу-Али жестокое поражение. В его руки попали двое крымских мурз и много других пленных. Помощь султана не спасла хана. Дервиш-Али бежал из Астрахани.

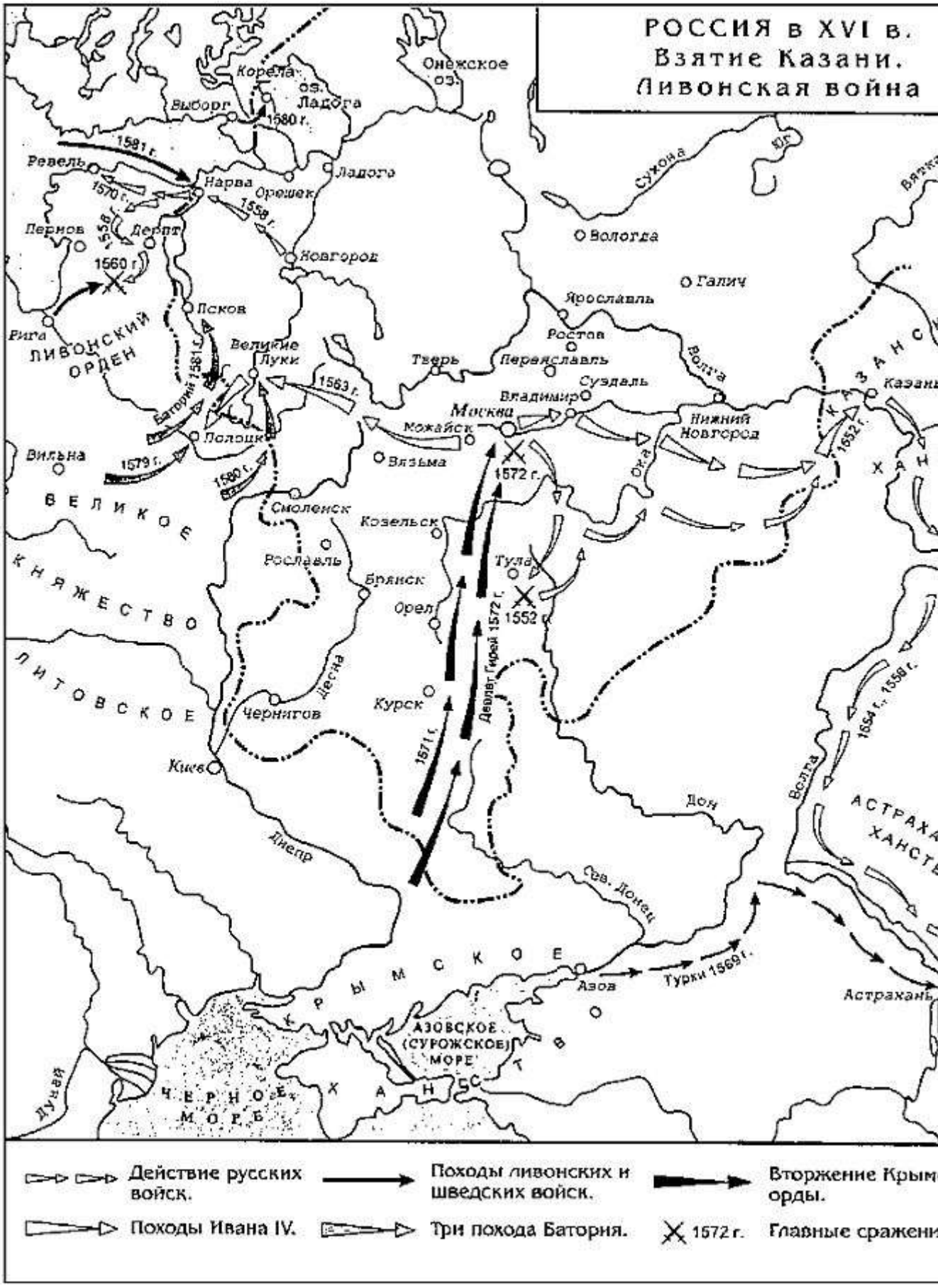
Когда государевы воеводы Черемисинов и Писемский явились в низовья Волги, они

нашли город пустым. Наспех починив укрепления, ратные люди отправились по следам Дервиша-Али вниз по Волге. В первой посылке они захватили много ханских судов и сожгли их. В другой раз Федор Писемский получил сведения о том, что Дервиш-Али стоит в 20 верстах от Волги. Покинув суда, воевода посреди ночи напал на ханский лагерь. Там поднялся переполох. Наутро Дервиш-Али с астраханскими, ногайскими и крымскими отрядами напал на малочисленный русский отряд. На этот раз отступить пришлось Писемскому. Бой длился весь день. В полном порядке отряд отступил к Волге и, погрузившись в струги, ушел к Астрахани.

С вестями о втором «Астраханском взятии» в Москву выехал гонец от воевод и атаман Архипко от казаков.

Волжские казаки помогли воеводам утвердиться в Астрахани. Но они вскоре же почувствовали тяжесть царской десницы.

Гонцы уведомили Ногайскую орду, что царь намерен поставить на Волге стражу — «казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет». Весной 1557 года Посольский приказ обратился к ногайцам с новым разъяснением. Московские дипломаты заявили, что государь послал на Волгу отряды Степана Кобелева и Ляпуна Филимонова, «а велел с Волги казаков всех сослать». На главнейших волжских перевозах появились царские караулы. Атаман Филимонов с отрядом расположился на Переволоке, перекрыв пути с Волги на Дон. Сотня стрельцов водворилась на Иргизе.



Среди вольных казаков существовал неписаный закон, запрещавший атаманам целовать крест царю и поступать в государевы служилые люди. Даже при царе Михаиле

Федоровиче Романове в XVII веке донские казаки отказывались присягать правительству, ссылаясь на времена Грозного, когда Сусар Федоров и другие вольные атаманы служили царю под Казанью «не за крестным целованьем».

Ляпун Филимонов был одним из подлинных героев «Астраханского взятия». Царские дипломаты называли его сыном боярским. Значит, Филимонов принадлежал к числу служилых атаманов. Скорее всего власти наградили его поместьем за его выдающиеся военные заслуги.

Как только Филимонов и другие «добрые» казаки взялись за укрощение вольницы, наступила трагическая развязка. Станичники призвали атамана в свой лагерь и по приговору круга казнили его.

Хан не терял надежды на то, что при помощи турок ему удастся вновь посадить своих ставленников в Казани и Астрахани. Война между Россией и Крымом приобретала все больший размах, и московские власти все чаще обращались за помощью к вольным казакам — сначала к донцам, а затем и к запорожцам.

Воевода Данила Чулков в 1556 году отправился в поле на Дон и разгромил близ Азова отряд в 200 крымцев. Тогда же отряд воеводы Ржевского предпринял поход против хана в Поднепровье. Едва русские ратные люди показались на Днепре, к ним тотчас присоединились черкасские атаманы из Канева — Михайла Еськович с отрядом в 300 казаков. Ржевский сжег предместья турецкой крепости Очаков и нанес поражение крымцам. Его наступление поддержал атаман Миша Черкашенин с донскими казаками. Черкашенин спустился по реке Кальмиус в Азовское море и напал на крымские улусы в окрестностях Керчи.

Среди украинского населения победа над крымцами вызвала подлинное воодушевление. Не только казаки, но и некоторые шляхтичи оказались захвачены общим потоком. К ним присоединился православный магнат князь Дмитрий Вишневецкий, недовольный королем.

Едва Ржевский вернулся из-под Очакова, каневский атаман Михайла Еськович помчался в Москву с сообщением исключительной важности. Вишневецкий уведомил Ивана IV о том, что вместе с казаками выстроил укрепления на Хортицком острове у Конских Вод и готов перейти на царскую службу. Вскоре казаки предприняли нападение на турецкую крепость Ислам-Кармен. В отместку крымцы напали на Хортицу и разрушили возведенные там укрепления.

Не имея возможности удержать Хортицу, Вишневецкий вскоре же занял Черкассы и Канев и предложил Ивану IV принять эти города под свое покровительство. Грозный не желал нарушать перемирие с Польшей. Он пригласил Вишневецкого в Москву и пожаловал ему удельное княжество.

Московские ратные люди и казаки теперь ежегодно появлялись на Дону и Днепре. В 1559 году брат правителя государства Алексея Адашева Данила возглавил морской поход в Крым. Его отряд на судах вышел из устья Днепра и, миновав Кинбурнскую косу, подошел к Перекопу. Несколько недель русская флотилия ходила у берегов Крыма, наводя страх на татар и производя нападения на прибрежные улусы. Адашев освободил из плена много русских невольников и с большой добычей благополучно вернулся в казачью «засеку» на Монастырский остров. Тем временем запорожцы рассеяли крымцев на Айдаре близ Азова.

Успехи русского оружия благоприятствовали формированию казачьих общин в бассейне Дона, Волги и Яика. Совместные боевые действия упрочили братство русских казаков с запорожцами и «черкасами» — украинскими казаками.

Ливонская война круто изменила внешнеполитический курс Российского государства. Начав борьбу за выход в Балтийское море, Россия вскоре оказалась в состоянии войны с Польско-Литовским государством.

Польский король Сигизмунд II Август заключил договор о протекторате с Ливонским орденом и предпринял попытку изгнать русских из занятых ими ливонских замков.

Королевские дипломаты старались поднять на Москву крымцев. Тогда Иван IV

снарядил в Поднепровье Вишневецкого, поручив ему «делать недружбу царю Крымскому и королю Литовскому». Вместе с Вишневецким на Днепр отправились 300 ратных людей князя, 400 украинских казаков и 150 казаков «прибору» московского атамана Водопьяна.

Служба московского царя давно тяготила Вишневецкого. Его колебаниям пришел конец, когда к нему явились двое его братьев. Воевода попытался силой увести с собой в Литву каневских казаков, перешедших прежде других на московскую службу. Но атаманы Савва Балыкчей Черников, Ивашка Пирог Подолянин, Ивашка Бровка и другие отказались повиноваться ясновельможному пану и вернулись в Москву.

Недолго прожил Вишневецкий после отъезда из Москвы. Год спустя он попал в руки к туркам и был подвергнут мучительной казни.

Ввязавшись в войну с польским королем, Иван IV в 1563 году занял одну из его сильнейших пограничных крепостей Полоцк. Как и в дни Казанской войны, московское командование призвало под знамена многих станичников. В штурме Полоцка участвовало до шести тысяч служилых и вольных казаков. Ни в одной военной кампании казачьи отряды не были столь многочисленны, как в полоцком походе.

Война в Ливонии оставила след в истории казацких окраин. Прикованные к западным границам, отряды государевых ратных людей перестали появляться у Перекопа и под Азовом. Царское правительство не помышляло более о том, чтобы «свести» казаков с их рек.

Едва отряды ратных людей ушли с Дона, казаки подверглись сильному натиску со стороны крымцев и азовцев. Кочевники громили казачьи станицы, истребляли жителей, а взятых в плен казаков продавали в рабство на невольничьих рынках в Азове и Крыму. Страшная участь ожидала вольных атаманов, попавших в руки к врагам. С них живьем сдирали кожу, закапывали в землю, сажали на кол.

Властитель Османской империи лишь ждал случая, чтобы изгнать русских с Дона и Волги. Воспользовавшись тем, что русские армии увязли в Ливонии, он решил силой захватить Астрахань и твердой ногой стать в Поволжье.

Тревогой повеяло в казачьих станицах, когда там узнали о прибытии турецкого флота и многочисленной армии в устье Дона. Казаки понимали, что завоевание Астрахани турками означало бы конец их вольной жизни.

Русско-турецкая война стала событием в жизни многих донских и волжских атаманов. Ермак был одним из них. События разворачивались на его глазах и скорее всего при его участии. Атаман Ермак Тимофеевич не принадлежал к числу тех, кто в минуту опасности отсиживался в углу.

С наступлением лета 1569 года турецкий флот двинулся из Азова вверх по Дону к Переволоке. Капудан-паша имел под командой около сотни больших и малых судов. Флотилия растянулась по реке на много верст.

Две с половиной тысячи гребцов не выпускали из рук весел. Кого только тут не было: пленные венгры и итальянцы, албанцы и русские, греки и молдаване. Среди русских преобладали казаки волжские, рязанские, мещерские да еще севрюки из пограничных северских городков.

Чем ближе к Волге подходили турки, тем медленнее двигались их суда. Глубоко сидевшие в воде галеры то и дело садились на мель. Тогда на борту поднималась суматоха. С невольников снимали цепи, и они на шлюпках возили на берег пушки. Когда корабль освобождался от груза, люди волочили его через отмели.

Гребцы на галерах недоумевали: «Куда запропали донские казаки?» «Хотя бы было казаков с две тысячи, — говорили они, — такие бы им богатства в руки попали, только бы напасть им на турецкие катарги на речных отмелях и теснинах. А у нас, христианских пленников, одна мысль: освободившись, будем царю служить».

Однако пленники тщетно ждали появления своих освободителей. Вольные казаки еще не располагали силами, чтобы отважиться на борьбу с огромной вражеской армией. Прошли десятилетия, прежде чем окончательно сложилось Войско Донское со своей столицей и общевойсковым кругом. Пока же малочисленные станицы предпочли уйти с Дона, чтобы

действовать сообща с государевыми воеводами.

Отборное султанское войско, насчитывавшее 17 тысяч всадников, двигалось к Астрахани, сметая все на своем пути. Их сопровождало 40 тысяч крымцев.

На Переволоке турецкий паша разбил лагерь и велел прорыть канал, чтобы открыть своим судам путь с Дона на Волгу. Две недели невольники трудились под палящим солнцем, обливаясь потом. Наконец паша убедился в том, что затеял непосильное дело. Тогда он отправил суда с тяжелыми пушками вниз по Дону, в Азов. К Астрахани турецкое войско добралось без артиллерии и припасов.

Не только донские казаки, но и государевы воеводы избегали столкновений с многочисленным врагом. Русское командование опасалось нападения на Москву и держало главные силы поблизости от столицы на Оке. На помощь к Астрахани была послана легкая судовая рать воеводы князя Петра Серебряного. Воевода стоял на Царицыне острове у Переволоки, пока турки не показались в излучине Дона. Тогда Серебряный ушел вверх по Волге, поближе к Казани.

Между тем враг покинул Дон и подошел к Астрахани. 16 сентября 1569 года он начал строить осадный лагерь на берегу Волги против Астрахани.

Убедившись в том, что турецкий флот ушел в Азов, воевода Петр Серебряный устремился вниз по Волге. Его суда под покровом ночи проскользнули мимо турецкого лагеря и встали на якорь у астраханских пристаней. Государевых ратных людей у воеводы было не слишком много. Но он мог рассчитывать на помощь казаков. Русский посланник Семен Мальцев, захваченный турками в плен, записал как очевидец, что «в ночи пришли (в Астрахань) суды многие и с казаки».

Прибытие воевод и казаков, вынужденное бездействие, болезни и недостаток провианта посеяли страх во вражеском войске. Взбунтовавшиеся янычары отказались зимовать под Астраханью. Простояв на виду у крепости 10 дней, турки сожгли свой лагерь и бежали к Азову. Переход по безводным степям Северного Кавказа дался им нелегко. Много воинов погибло от недостатка воды и голода. До Азова добрались лишь жалкие остатки турецкой армии.

Крымцы избежали больших потерь и уже через год после неудачи под Астраханью смогли возобновить войну с Россией. Они перешли границу и подвергли страшному опустошению Рязанщину.

Начавшись на окраинах, война быстро распространилась на центральные районы страны. Хан Девлет-Гирей, собрав сорокатысячное войско и призвав на помощь отряды из Большой и Малой Ногайских орд и из горских княжеств, внезапно напал на Москву.

Ливонская война давно поглощала все силы и средства Российского государства. Накануне ханского вторжения Иван IV направил в Прибалтику отборные силы. Воеводы получили приказ любой ценой овладеть Ревелем. Но осада крепости закончилась неудачей. Русские понесли тяжелые потери. В их лагере свирепствовала чума. С наступлением весны воеводы увели полки на родину и распустили ратных людей по домам.

Когда казаки, несшие дозорную службу в степи, дали знать в Москву о приближении Крымской орды, для Ивана IV эта весть явилась полной неожиданностью. Его воеводы успели собрать на Оке не более шести тысяч воинов. На помощь к ним прибыло опричное войско во главе с царем. Полки надежно прикрыли переправу у Серпухова. Но татары обошли русскую армию с фланга. Иван IV оставался в полной уверенности, что враг еще за Окой, как вдруг опричный сторожевой отряд был атакован и разгромлен превосходящими силами. По совету воевод царь покинул полки и ускакал в Ростов. Тем временем подвижная ханская конница устремилась к Москве, угрожая отрезать пути отступления на север малочисленным русским войскам. Воеводы едва успели укрыться в городе.

Хан вышел к Москве одновременно с воеводами и обосновался в Коломенском, его войско разграбило незащищенные слободы, а затем подожгло предместья Москвы.

С утра стояла ясная, тихая погода. В нескольких местах к небу поднимались черные столбы дыма. Неожиданно налетел ураганный ветер, и пламя охватило город, подобно

огненному шквалу.

Звон бесчисленных колоколов возвестил о начале пожара. Удары набата слились в сплошной гул, а затем стали стихать. Огонь уничтожал звонницы одну за другой. Вскоре сильные взрывы потрясли город до основания. Взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные под башнями Кремля и Китай-города.

При появлении ордынцев окрестное население бросилось в столицу под защиту крепостных стен. Когда пожар охватил весь город, масса населения стеснилась у северных ворот, где не было неприятеля. В воротах и на прилегавших к ним узких улочках образовался затор. Люди шли по головам других «в три ряда». Кому удавалось спастись от огня, погибали в ужасающей давке. Полки утратили порядок и смешались с бегущим населением. Потери армии были неисчислимы. «От пожарного зною» задохнулся главнокомандующий русской армией.

В течение трех часов столица выгорела дотла. На месте, где только что был цветущий город, остались лишь бесконечные ряды обгорелых печных труб. Татары, пытавшиеся грабить горящий город, гибли в огне. На другой день после пожара хан спешно ушел по рязанской дороге в степи.

Московское правительство сознавало, что разоренная страна не в силах вести борьбу с такими сильными противниками, как Османская империя и Крым. Царь уведомил Девлет-Гирея, что готов «поступиться» в его пользу Астраханью, если тот согласится на военный союз с Россией. Но в Крыму уступки царя посчитали недостаточными и предложение о союзе отклонили.

Россию три года опустошали голод и чума. Ее армия понесла тяжелые потери в Москве. Крымцы не сомневались в том, что русская столица будет для них легкой добычей. Ее старые укрепления были уничтожены огнем, а новые, наспех построенные, не могли их заменить.

Военные неудачи поколебали русское владычество в Нижнем Поволжье. Ногайская орда окончательно примкнула к антирусской коалиции.

Союзниками Крыма выступали многие черкесские князья с Северного Кавказа. За спиной Крыма стояла крупнейшая в Европе военная держава — Османская империя.

Неудача под Астраханью была забыта правителем Порты. Султан разделял и поддерживал планы грандиозных завоеваний в Восточной Европе, выдвинутые Девлет-Гиреем. Страшная угроза нависла над Русью. Хан рассчитывал не только отторгнуть от России Казань и Астрахань, но и захватить Москву. Накануне вторжения он разделил между мурзами будущую добычу — города и уезды России. Мусульманские купцы получили от него грамоты на льготную торговлю по всей Волге. Султан направил в Крым особую миссию для участия в завоевательном походе на Русь.

В ожидании вражеского нашествия русские собрали на южной границе около 12 тысяч конных дворян, более двух тысяч стрельцов. Вместе с казаками, ополчениями северных городов и боярскими холопами армия насчитывала до 30–35 тысяч. Хан имел в своем распоряжении от 40 до 50 тысяч всадников и турецкую артиллерию.

В час опасности власти постарались привлечь для обороны Москвы население вольных казачьих окраин. На Оку прибыла тысяча «казаков польских наемных с пищальми» на стругах. «Польскими» называли тех вольных казаков, которые набраны были в «диком поле» специально для войны с ордынцами.

Еще тысячу казаков наняли своей казной Строгановы. К ним на службу шли прежде всего волжские казаки.

С Дона на Оку прибыл Миша Черкашенин со своим отрядом. Численность отряда осталась неизвестной Разрядному приказу — высшему военному ведомству России. Но дьяки не сомневались, что атаман приведет с Дона значительные силы. Посчитав общую численность армии, приказные записали в итогах: «И всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей 20 043, опричь Мишки с казаки».

Ценя боевой опыт вольных казаков, царь включил их в состав Большого полка и тем

самым непосредственно подчинил главнокомандующему князю Воротынскому. Две с половиной тысячи казаков значительно усилили Большой полк, насчитывавший 6 тысяч дворян и стрельцов.

Командование разработало подробнейшие планы кампании. Вольным казакам эти планы отводили особую роль. Как только враг будет на Оке, гласил приказ, воеводы должны немедленно перекрыть переправы, а «казакам с пищальми к тому месту спешить в стругах и промышляти у реки со царем, сколько Бог помочи даст». Подвижная казачья флотилия должна была первой вступить в бой с Ордой на речных переправах. Надеясь на мужество казаков, командование поставило перед ними задачу задержать крымцев на Оке, пока не подойдут главные силы.

В случае отступления хана командование предписало пятистам вольным казакам выбрать «крепкое место у речки или у крепи (в теснине) у ржавца в лесу» и устроить засаду. «Как царь с полоном из земли (Русской. — Р. С.) пойдет», так на него надо напасть и отбить сколько можно пленников.

Миша Черкашенин свято берег традиции донской вольницы и не принимал в свое войско никаких дворян. Во главе всех прочих казачьих отрядов воеводы поставили дворянских голов. Каждому из голов подчинялось пять пеших или конных сотен. Всякий рядовой казак сражался под знаменем выборного вольного атамана.

В июле 1572 года огромные скопления ханской конницы пересекли русскую границу, обошли Тулу и попытались перейти Оку за Серпуховом. Воеводы ждали неприятеля на сильно укрепленных позициях и не дали хану использовать серпуховские переправы. Тогда татары прошли вверх по Оке и ночью захватили Сенькин брод. Русские полки поспешили к броду, но прибыли слишком поздно.

Воевода Хворостинин первым атаковал хана, но вывел свои силы из-под удара, убедившись в том, что ему противостоят главные силы Орды. Полк правой руки пытался перехватить врага на Наре, но был отброшен прочь.

По серпуховской дороге полчища Девлет-Гирея беспрепятственно двинулись к Москве, оставив в тылу русскую армию. Ожидая удара с тыла, хан оставил в арьергарде сыновей с отборной конницей. Князь Хворостинин с передовым полком следовал по пятам за неприятелем и, выждав момент, разгромил его. Крымские «царевичи» бежали до самой ханской ставки. Чтобы выправить положение, Девлет-Гирей выделил в помощь сыновьям 12 тысяч всадников. Сражение разрасталось, и Воротынский в ожидании татар расположил свой полк на косогоре у деревни Молоди, окружив его подвижными укреплениями на повозках — «гуляй-городом». Казаки и стрельцы заняли места у амбразур с изготовленными для стрельбы пищалями.

Троекратное превосходство противника вынудило Хворостинина отступить. Но при этом он осуществил блестяще задуманный маневр. Отступая, русская конница прошла вплотную подле стен «гуляй-города». Увлекшиеся преследованием крымцы оказались возле русских укреплений. Казаки и стрельцы разрядили в них свои пищали. Заговорили пушки. Клубы порохового дыма окутали «гуляй-город». Конная лавина дрогнула и остановилась. Всадники торопливо поворачивали лошадей.

Двукратное поражение вынудило хана остановиться в 30–40 верстах от русской столицы. Целый день он стоял за Пахрой, ожидая нового нападения воевод. Но воеводы решили дать бой на избранных ими позициях. Они укрепили «гуляй-город», наспех вырыв вокруг него рвы. Полк Воротынского остался в центре кольца из повозок. Остальные полки расположились поодаль, прикрывая его тылы. У подножия холма за речкой Рожай заняли позиции три тысячи стрельцов, чтобы поддержать Воротынского «на пищалях».

Ханское войско быстро преодолело расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушилось на русских. Стрельцы полегли на поле боя все до единого. Стоявшие за холмом полки также не сумели удержать свои позиции. Но полк Воротынского успешно отбил все атаки неприятеля.

Обеспокоенный неудачей, главный ханский воевода Дивей-Мурза выехал на разведку и

неосторожно приблизился к «гуляй-городу». Здесь его захватили в плен «резвые» дети боярские.

Кровопролитное сражение продолжалось до сумерек. В бою погибли предводитель ногайской конницы, трое знатных крымских мурз и множество рядовых воинов.

Обескураженный потерями, Девлет-Гирей прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию.

Воротынский одержал победу, но в любой момент победа могла обернуться поражением. Когда поредевшие полки укрылись в «гуляй-городе», выяснилось, что запасы продовольствия и фуража на исходе. К концу суток некормленые и непоеные лошади не стояли на ногах. Жажда и голод все больше томили людей. Ратные люди пытались копать колодцы «всяк о своей голове». Но проку из этого было немного.

2 августа хан возобновил штурм русских укреплений, бросив в бой все свои силы. Ханские сыновья, руководившие атакой, решили любой ценой выбить у русских пленного главнокомандующего Дивей-Мурзу.

Рвы у подножия холма были скоро завалены трупами, но татары продолжали упорно лезть вверх по склону холма. Дощатые стены «гуляй-города» содрогались под ударами татарских сабель. Они были столь неустойчивы, что воины хана пытались опрокинуть их руками. Ратники секли врага саблями и топорами.

К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход боя. Оборону «гуляй-города» взял на себя Хворостинин. В его распоряжение поступили вся артиллерия, отряды казаков и немцев-наемников. Воротынский же с дворянами покинул укрепления и, продвигаясь по дну лощины за холмом, скрытно вошел в тыл неприятельского войска.

По условному сигналу Хворостинин приказал выстрелить из всех орудий и пищалей, а затем бросился с казаками и немцами вниз с холма навстречу врагу. В тот же миг с тыла обрушился Воротынский. Враги не выдержали удара и бросились в бегство. Множество воинов было перебито и взято в плен. Девлет-Гирей лишился разом сына и внука. Много его мурз попало в плен к русским.

На другой день русские настигли пятитысячный арьергард противника на Оке и разгромили его.

Сражение на Молодях было крупнейшим событием русской истории XVI века. Наголову разгромив Орду в многодневном кровавом сражении, Русь отстояла независимость и надолго обезопасила свои границы от опустошительных вторжений степняков. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью и поражение Крымской орды под Москвой ослабили угрозу османо-крымской экспансии в Восточной Европе.

Победа над Крымом имела не меньшее значение для вольных окраин, чем «Казанское взятие». Русское население пережило опустошительные неприятельские вторжения и пустило в «поле» глубокие корни.

«Казанское взятие» прославило донского атамана Сусара Федорова, астраханское — волжских атаманов Федца Павлова и Ляпуна Филимонова.

В годы Ливонской войны вольные казаки выдвинули из своей среды новую плеяду героев. Самым известным из них был донской атаман Михаил Черкашенин. Его имя рано попало в русские летописи и в записи Разрядного приказа. В 1559 году Черкашенин со своей станицей разгромил крымцев в верховьях Северского Донца и прислал пленных в Москву. В 1570 году Миша с атаманами и казаками охранял царского посла Ивана Новосильцева во время следования его в «дикое поле» от Рыльска до Азова. За службу казаки получили «государево жалованье: деньги, и сукна, и селитру, и свинец». Два года спустя Черкашенин со своим отрядом принял участие в грандиозном сражении с Крымской ордой под Москвой.

Вместе с Мишей Черкашениным героями московской битвы были также несколько десятков других атаманов — цвет волжского и донского казачества.

На Дон Черкашенин вернулся в ореоле славы. Крымцы долго лелеяли планы мести и наконец осуществили их. Они захватили в плен сына атамана Данилу и приговорили его к

смерти. Ради спасения сына Миша решился на отчаянный шаг. Созвав со всех концов «поля» товарищей по оружию, Черкашенин совершил нападение на мощную турецкую крепость Азов. Казаки ворвались в город, разгромили посад Тапракалов и взяли в плен 20 «лучших» людей. В руки к ним попал шурин турецкого султана Сеин. Черкашенин дал знать азовскому паше, что освободит всех пленных, если паша вызволит у крымского хана его сына.

Крымский хан не послушал азовского пашу и велел казнить Данилу. Султан, узнав об этом, сделал выговор своему вассалу. «Нынече деи, — писал султан, — ты меж казаков и Азова великую кровь учинил».

Весть о жестокой казни атаманского сына разнеслась по степям. Война между азовцами и казаками запылала с новой силой. Донцы, что ни год, нападали на турецкую крепость.

Русское государство отразило вражеские вторжения с юга. Но его военное положение катастрофически ухудшилось, когда пришлось вести войну с Речью Посполитой и Швецией одновременно.

Трудные времена переживала в то время страна. После голода и чумы население ее сократилось. Властям все труднее было проводить сборы дворянского ополчения. Дворянам надоела бесконечная война. От былого энтузиазма не осталось и следа.

В 1579 году польский король Стефан Баторий собрал на русской границе сорокатысячную рать. Царь Иван, не располагая точными сведениями о планах Батория, его силах, прибыл тем временем в Псков для похода в Ливонию. Посланный им крупный отряд разгромил курляндских немцев. То был последний успех. Между тем Баторий осадил Полоцк, а шведские корабли вошли в устье Наровы и сожгли предместья Ивангорода и Нарвы. Несколько позже десятитысячный шведский корпус осадил Нарву.

Русские оказались между двух огней. Собранная в Пскове рать насчитывала немногим более 30 тысяч человек. Ей противостояло более 50 тысяч поляков и шведов.

Не зная, что предпринять, Иван IV послал на помощь Полоцку «легких» воевод Бориса Шеина и Федора Шереметева. Воеводам был придан отряд донцов Миши Черкашенина. Ратные люди и казаки должны были «засесть» в Полоцке. Но приказ запоздал. Ратным людям не удалось пробиться в крепость.

Следом за Шеиным на выручку к осажденным двинулся лучший из воевод князь Хворостинин. Но время было упущено. Баторий осадил Полоцк и приказал бомбардировать город калеными ядрами. Защитники Полоцка проявляли редкое мужество. Не только воины, но и жители — старики, женщины, дети — с опасностью для жизни тушили пожар. Невзирая на пушечную пальбу, они не раз спускались по веревкам за стены. Сверху им подавали воду в бадьях. Смельчаки заливали огонь, подбиравшийся к стенам снаружи. Многие гибли. Но на их место тут же заступали другие. Сам Баторий в своих манифестах признал: в борьбе за Полоцк москвитяне доказали, что в деле защиты крепостей они превосходят все прочие народы.

Осада затягивалась. Армия Батория таяла. Осажденные предпринимали вылазки и наносили неприятелю ощутимый урон. Однако в конце концов королевским наемникам удалось поджечь стены. Пожар не утихал день и ночь. Зарево пожара ярко освещало небо. Огонь причинил такие повреждения крепости, что оборонять ее стало невозможно. Тогда дети боярские и стрельцы начали переговоры о сдаче крепости. Они требовали, чтобы король предоставил им право покинуть город и вернуться к своим. Баторий принял их условия.

Между тем царь Иван IV неподвижно стоял в Пскове, по временам рассылая полки по разным дорогам. Не только воеводы Полоцка, но и Шеин с ратниками и казаки были брошены на произвол судьбы. Они не могли выдержать столкновения с главными силами Батория, но не получали приказа об отступлении. В результате русский отряд подвергся поголовному истреблению. Шеин и другие воеводы были убиты на поле брани.

Шереметев с уцелевшими дворянами пытался бежать по псковской дороге. Поляки настигли его и взяли в плен.

Из всего отряда избежали разгрома лишь донские казаки. Они не стали ждать от царя

приказа об отступлении, но действовали, как им подсказывали обстоятельства, решая все своим умом. Казаки не приняли боя с противником, располагавшим подавляющим превосходством сил, и ушли на Дон.

Избежавшие плена младшие воеводы поспешили возложить на казаков всю ответственность за поражение. «И государю пришла весть, что донские казаки все изменили, воевод не послушали… пошли на Дон». На самом деле ответственность за полоцкое поражение несли не казаки, а царь.

Иван IV не желал лишаться «нарвского мореплавания», связывавшего Россию со странами Западной Европы. В его глазах первый русский порт на Балтике имел несравненно большую ценность, нежели Полоцк. Получив известие о движении шведов к Нарве, Иван IV немедленно послал в Ливонию отряд Трубецкого. Шведы потерпели у стен Нарвы тяжелое поражение. Но успех под Нарвой по своим последствиям не шел ни в какое сравнение с полоцким разгромом.

Миновала зима, и хан возобновил нападения на южные границы. Баторий собрал почти 50-тысячную армию и захватил Великие Луки. Шведы заняли Корелу.

Летом 1581 года Россия оказалась на пороге военной катастрофы. Командование вновь объявило о поголовном призыве на службу всех дворян и служилых людей. В Москву были вызваны более тысячи казаков из городов. С Волги и Дона прибыли отряды вольных казаков. Царь Иван IV и не помышлял о наказании донских казаков за их мнимую измену под Полоцком. Когда атаман Миша Черкашенин и его казаки явились в лагерь, царь велел им оборонять Псков. Поручение такого рода было несовместимо с какими бы то ни было подозрениями в измене.

Псков был одной из лучших русских крепостей. Его кремль, воздвигнутый на скалистом мысу при впадении реки Псковы в Великую, высился над всей округой. К югу от кремля раскинулся огромный город, опоясанный двумя кольцами крепостных стен. В первые годы Ливонской войны внешние деревянные укрепления города были заменены каменными, башни усилены сооружением подземных галерей — «слухов».

Ко времени вторжения Батория в Пскове были собраны крупные военные силы. Город приготовился к длительной осаде. Стены и башни ощетинились множеством орудий. Пороховые погреба и житницы были заполнены до краев.

Все взрослое население вооружилось, чтобы дать отпор врагу. Всяк знал свое место на крепостной стене.

Соратники Батория не скрывали своего удивления, глядя на неприступную крепость. Ян Пиотровский писал в своем дневнике: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!»

Пять месяцев королевская армия тщетно пыталась захватить Псков. Город подвергся многократным бомбардировкам. В южной стене были сделаны большие проломы. Через них вражеская пехота попыталась ворваться внутрь крепости. Неприятелю удалось захватить две башни и прилегающую стену. Но попытки закрепиться тут разбились о несокрушимое мужество оборонявшихся. Все население города помогало воинам гарнизона. Русские взорвали Свинузскую башню вместе с засевшими в ней солдатами Батория и принудили неприятеля к отступлению. Последующие приступы были также отбиты с большими потерями для штурмовых колонн.

Атаман Миша Черкашенин оборонял крепостную стену в самых опасных пунктах. Его храбрость поражала современников. Псковичи наивно верили, что он «заговорен» от пуль. Считали также, что он обладает какой-то сверхъестественной силой, которая позволяет ему «заговаривать» вражеские пушки. В дни псковской обороны летописец записал: «А заговоры были от него ядром многия».

Псковская осада сопровождалась огромными потерями с обеих сторон. Смерть косила ряды защитников крепости, и вольный казак чувствовал, что не гулять ему больше по тихому Дону. Описывая «псковское сидение», летописец пометил: «Да тут же убили Мишку Черкашенина, а угадал себе сам, что ему быти убиту, а Псков будет цел. И то он сказал

воеводам».

Так кончил свою жизнь знаменитый предводитель вольных казаков.

Население вольных окраин не осталось безучастным к судьбам России, когда на южных и западных рубежах страны развернулись грандиозные оборонительные сражения. Казаки приобрели в этих сражениях богатый боевой опыт. Война формировала военные силы казачества и их вождей.

На Волге казачество выдвинуло из своей среды предводителей, храбростью и славой не уступавших Мише Черкашенину. Одним из них был атаман Ермак Тимофеевич. Замечательно, что и Миша Черкашенин, и Ермак стали со временем героями народных песен и сказов.

МИФ О РАЗБОЕ

В разгар Ливонской войны Россия пережила «великое разорение». Голодная смерть и чума косили население. Если прежде в поле шли немногие удальцы, теперь туда уходили толпами. Бежали от голодной смерти, от государевых податей и помещичьих поборов. Население казачьих станиц значительно увеличилось. Приток беглых усилил настроения недовольства среди вольных казаков. Участились разбойные нападения вольницы.

Власти не оставляли попыток полного подчинения степных окраин. Во многих пунктах Нижнего Поволжья появились правительственные войска. Как писал один английский путешественник в 1579 году, «на острове, называемом Царицыным, русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемой татарским словом „караул“. Между этим местом и Астраханью есть еще пять караулов, или сторожевых отрядов».

Царские воеводы пытались взять под свой контроль пути, издавна связывавшие Поволжье с Доном. В 1579 году русские дипломаты заявили крымскому хану, что по царскому указу «не велено никого на Дон пропущать, и с Дону казака никакова пущать не велено. А кого изымут на украйне, и тех казнят смертью».

Дипломаты старались успокоить хана и избавить страну от новых крымских вторжений. Но их заявления расходились с жизнью.

Воеводы вешали казаков, повинных в разбойных нападениях на царские караваны либо на купцов. Но «воры» нечасто попадали к ним в руки. Отыскать их на дальних реках не удавалось.

В целом же власти старались не раздражать станичное население. Нуждаясь в военных людях, Москва по-прежнему привлекала донских, волжских и терских казаков на государеву службу, снабжала их порохом и свинцом. Когда царские армии стали терпеть поражения, государство пошло на новые уступки окраинам. Царь разрешил нанимать в свои полки не одних только «старых», но и «новых» казаков — вчерашних беглых крестьян и холопов.

После смерти Грозного его фактическим преемником стал Борис Годунов. В угоду дворянству он закрепостил крестьян, составлявших подавляющее большинство населения страны. По приказу Годунова царские воеводы двинулись на вольные реки и выстроили там укрепленные остроги и крепости. Попытки подчинить вольные окраины вызвали недовольство казаков.

Вольные казаки сыграли выдающуюся роль в событиях Смутного времени в начале XVII века.

Все слои участвовали в начавшейся на Руси междоусобной войне. Вольные казаки выдвинули из своей среды Ивана Болотникова и вождя земского освободительного движения Ивана Заруцкого. Казаки составили ядро войска Болотникова, осадившего Москву. Летописцы и писатели Смутного времени, принадлежавшие к дворянскому лагерю, называли восставших ворами, разбойниками, «злодейственными гадами».

Кончилась Смута, и патриарх Филарет взялся за составление истории минувших лет. По странному стечению обстоятельств патриаршие книжники начали свою летопись с

подробного описания «сибирского взятия». Следуя официальному взгляду, они изобразили Ермака и его сотоварищей как ведомых воров и разбойников. То был предвзятый взгляд, но летописца это мало волновало.

Волжские казаки, записал он, разгромили на Волге царские суда и ограбили послов кизилбашских, то есть персидских, после чего царь велел своим воеводам изловить их. Многие казаки были повешены, а другие «аки волки, разбегошася по Волге». Пятьсот воров «побегоша» вверх по Волге, «в них же старейшина атаман Ермак Тимофеев сын».

Долгим был путь персидских послов в Москву. Много опасностей подстерегало их на море. Наконец прибыли они в Астрахань. Тут их встретили царские приставы. Персам дали стрельцов для охраны и, посадив на струги, повезли в Москву. Начальник караула знал о нападениях вольных казаков на торговые суда. Но он не ждал, чтобы вольница осмелилась вступить в бой с хорошо вооруженными царскими стругами. Его самоуверенность дорого обошлась послам.

Едва струги выплыли из-за поворота, их в мгновение ока окружило множество казачьих челнов. Стрельцы не смогли отбить нападение.

Царские струги оказались добычей вольницы. Разгоряченные боем и захваченные зрелищем богатств, казаки не сразу уразумели, что к ним в руки попали не обычные купцы, а великие послы. Осознав же это, они отпустили своих пленников без задержки.

Как только весть о разгроме персидского каравана дошла до Москвы, царь велел любой ценой захватить разбойников. Его приказ был вскоре же выполнен. Предводителя нападения ждала страшная участь. Его живым посадили на кол. Прочих казаков повесили. Царские дипломаты тотчас объявили шаху, будто 400 воров-казаков поплатились жизнью за ограбление шахских послов. Названная дипломатами цифра была невероятно завышена. Но главное заключалось в другом.

Подлинные книги Посольского приказа позволяют установить, что персы были ограблены через несколько лет после гибели Ермака. А значит, Ермак не имел никакого отношения к разбойному нападению, которое приписал ему летописец.

Предания о «грабежах» Ермака на Волге широко отразились в фольклоре. Но тут они приобрели совсем иной смысл, нежели в официозных источниках. К исходу XVII века у Ермака появился «соперник» — Степан Разин. Рассказы о разинских разбойных нападениях на Волге оказали заметное влияние на развитие легенды о Ермаке. В фольклорных произведениях начальный этап сибирской экспедиции Ермака стал живо напоминать начало разинщины. Наиболее четко фольклорные мотивы отразились в Краткой сибирской летописи из Кунгура, составленной замечательным тобольским историком Семеном Ремезовым. Согласно летописи, Ермак поначалу будто бы действовал в «скопе» с пятью тысячами человек. Затем он уже с семью тысячами пограбил персидских послов и решил идти в поход на Каспий. Царь послал стольника Мурашкина вешать «воров». Тогда-то Ермак и дружина задумали «бежать в Сибирь разбивать». В приведенном рассказе все вымышлено: и имя стольника Мурашкина, и данные о численности «скопа» Ермака, и сведения о нападении на послов.

На самом деле Ермак принадлежал к той же плеяде атаманов, что и Михаил Черкашенин. С именами этих атаманов связана была вся начальная история вольного казачества, его «героическая эпоха».

Михаил Черкашенин достиг зенита славы ко времени разгрома Крымской орды под Москвой и обороны Пскова от войск Батория. Звезда Ермака ярко засияла после Ливонской войны.

ПЕРВЫЕ ЛЕТОПИСИ

Стольный град Сибири Тобольск в 1621 году встретил своего первого архиепископа Киприана с истинно сибирским радушием. Узкие улочки города были с утра запружены людьми. Днем множество народа высыпало на берег Иртыша. Наконец на водной глади реки

появились струги.

Владыка Киприан, высадившийся в этот день на тобольском берегу, оказался человеком любознательным и деятельным. Киприан стяжал славу стойкого патриота еще в бытность свою архимандритом Хутынского монастыря в Новгороде. В то время Новгород оказался во власти шведов. Бояре прислуживали захватчикам, за что те охотно жаловали им земли. Киприан поддержал земских людей, добивавшихся возвращения «Новгородского государства» в состав России. За это ему пришлось претерпеть немало гонений и даже отведать тюрьмы.

После заключения мира со шведами Киприан был вызван в Москву, а еще через пять лет послан в Сибирь в высоком сане архиепископа.

Чтобы прославить новую епархию, Киприан задумал канонизировать местных подвижников. Это должно было облегчить задачу христианизации языческого края. Киприан явился в Сибирь, имея смутные представления о местном населении и его традициях. Но пробыв в Тобольске некоторое время, он должен был оценить факт исключительной популярности Ермака в Сибири. Ермак стал героем сказаний русских переселенцев. Фольклор нерусских народностей уделял ему не меньшее внимание. Предания приписывали атаману всевозможные чудеса. Киприан решил использовать эти предания в интересах церкви и в 1662 году приказал «кликати» Ермаку и его погибшим товарищам «вечную память» наряду с прочими пострадавшими за православие. Чтобы составить синодик «убиенным» (запись имен умерших для их церковного поминания), Киприан обратился к уцелевшим сподвижникам Ермака, жившим в Тобольске.

Сибирская экспедиция оказалась по плечу лишь очень крепким физически людям. Среди уцелевших соратников Ермака многие дожили до глубокой старости. Незавидной была судьба тех, кто не мог больше служить. Они искали успокоения в монастыре. Местный архимандрит доносил властям, что в его обители «стригутца все служилые люди: увечные, раненые и которые очьими обнищали, за убожество, иные и без вкладу стриглись, еще (из) ермаковых казаков постриженники лет во сто и больши…».

Киприан обратил внимание на бедственное положение ермаковцев, и местному воеводе волей-неволей пришлось проявить о них заботу. Он испросил в Москве разрешение на учреждение богадельни в Тобольске для престарелых служилых людей, которые служили «в Сибири лет по сорок и больше с сибирского взятия, и на боех ранены и за старость и за увечье от… службы отставлены и волочатца меж двор, помирают голодною смертью». Ходатайство воеводы было удовлетворено, и кормившиеся нищенством престарелые казаки получили кусок хлеба и кров над головой.

Соратники Ермака помоложе достигли больших успехов в службе. Иван Александров и Гаврила Ильин числились в атаманах, другие служили пятидесятниками в сотне «старых» казаков.

Киприан велел разыскать ветеранов, где только можно, и расспросить их о «сибирском взятии». В конце концов казаки явились на подворье к архиепископу и «принесоша к нему списки, како они прийдоша в Сибирь и где у них с погаными агаряны были бои и кого из них именем атаманов и казаков побиша». Так появились в Тобольске записи воспоминаний участников сибирского похода. Прошло сорок лет со времени похода Ермака, и нет ничего удивительного в том, что в казачьих сказах обнаружились все приметы фольклора. Сказы имели зачин, весьма характерный для былин и исторических песен. «Не от славных муж, не от царьского повеления воевод, — читаем в синодике, — …но от простых людей избра и вооружи… славою и ратоборьством и вольностию атамана Ермака Тимофеевича сына… со единомысленою и с предоброю дружиною храбрствовавшею». Ермак стал легендой, и в воспоминаниях о нем звучали эпические ноты.

Соратники Ермака, хорошо знавшие его, были весьма далеки от того, чтобы представить его в образе христианского подвижника. Поэтому духовенству пришлось подвергнуть «списки» их речей основательной переработке. Былинный зачин воспоминаний о Ермаке оказался безнадежно испорчен вставками житийного содержания. Между словами

— «не от славных муж, но от простых людей» — появилось обширное рассуждение о том, что Бог избрал Ермака «очистити место святыни и победити бесерменскаго царя Кучюма и разорити их богомерзские капища».

Ветераны добросовестно старались припомнить все, что произошло с ними, но многое оказалось позабытым. По временам старые казаки затевали шумный спор. Больше всего спорили о судьбе есаула Брязги. Одни говорили, что есаул вместе с товарищами Окулом и Карчигой погиб на Абалаке в дни зимней рыбалки. Другие же считали, что Брязга и те же самые казаки пали в первом бою при взятии столицы Кучума.

Сколько архиепископские люди ни старались добиться истины, им так и не удалось примирить разноречивые свидетельства. Махнув рукой, они дважды записали в синодик Брязгу и его сотоварищей. Вышел курьез. Казаки как бы дважды гибли за православие. За смерть в бою им пели «вечную память большую», за повторную погибель на рыбалке — «память малую».

Книжники пытались придать синодику летописную форму. Но тут они столкнулись с наибольшими трудностями. Ветераны руководствовались несложной схемой. Главные вехи похода были связаны в их сознании с погибелью любимых атаманов. Каждый будто бы погиб «в свое лето». В первое лето «сибирского взятия» погиб Брязга, во второе — Пан, в третье — Кольцо, в четвертое — Ермак. Схема имела видимый недостаток: ермаковцы провели в Сибири всего лишь три, а не четыре лета.

Книжники пытались выяснить у казаков, в каком году те взяли Сибирь. Но тут они потерпели полную неудачу. В средние века простой люд никогда не заглядывал в календарь. Многие не знали даже года своего рождения: активная жизнедеятельность человека продолжалась до тех пор, пока его не покидали силы. Точный возраст сам по себе не имел никакого значения. Человек вел счет не по годам, а по запоминавшимся ему событиям.

Для ермаковцев таким событием было прежде всего «сибирское взятие». На все расспросы Киприана они отвечали, что служат службу в Сибири сорок лет «с сибирского взятия». Поскольку Киприан прибыл в Тобольск в 7129 (1621) году (счет времени вели от Сотворения мира), летописец рассчитал, что «сибирское взятие» имело место сорока годами ранее, или в 7089 году. Указанный год начинался 1 сентября 1580 года и заканчивался 31 августа 1581 года.

Казаки явно округляли время своей службы. В начале 30-х годов XVII века те же самые люди писали, что служат царю «в Сибири в Тобольске от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесяти». Иначе говоря, их хронологические расчеты носили самый приблизительный характер.

Тем не менее приблизительно вычисленный год принят был всеми последующими тобольскими летописцами.

Нелегко рождалось летописание в Сибири. Книжных людей в Тобольске было раз, два и обчелся. Архиепископу Киприану пришлось подбирать себе штат на ходу. Посылая его в далекий край, патриарх Филарет распорядился прибрать служителей для новой сибирской епархии в Казани. Сделав остановку в Казани, Киприан впервые увидел людей, предназначенных ему в помощники. Тут были и главный архиепископский дьяк «с Казани», и старцы, и дворовые люди. Крупнейшая в стране казанская епархия за семьдесят лет успела стать центром православной образованности. Казанские книжники, прибывшие с Киприаном в Тобольск, положили начало местному летописанию.

Тщательно расспросив ермаковцев, дьяк и его помощники написали сначала синодик, а затем краткую летописную «Повесть о сибирском взятии».

По приказу архиепископа в тобольских церквах стали петь вечную память ермаковцам.

Слово Киприана было законом для сибирского духовенства. Но его начинание не получило одобрения в столице.

Великий государь и патриарх Филарет имел свои счеты с вольными казаками. Составленная его попечением летопись без обиняков назвала Ермака и его казаков ворами. О поминании разбойников не могло быть и речи.

Провинциальная точка зрения получила признание в Москве лишь через два года после смерти Филарета. В начале 1636 года священный собор назначил архиепископом Сибири Нектария. Новый пастырь пользовался большим влиянием при дворе, и ему удалось добиться того, чтобы высшее духовенство в Москве учредило «вселенское» поминание Ермака и его казаков. Отныне «вечную память» погибшим ермаковцам пели не только в Тобольске, но и в Москве. При жизни никто из товарищей Ермака и не подозревал, что когда-нибудь сподобится такой чести.

Архиепископ Нектарий был интереснейшей личностью. Сын осташкинского крестьянина, Николай Телянин в тринадцать лет покинул отчий дом и переселился в Нилову пустынь. Там доживал жизнь знаменитый пустынник Герман, ставший духовным отцом мальчика. Герман был человеком суровым и властным. Он твердо верил, что без палки нельзя наставить отрока на путь истинный. На склоне лет Нектарий с тихим умилением вспоминал своего учителя жизни: «И како терпел от начальника моего с первых дней! Два года по дважды на всякий день в два времени бит был… учил клюкою и остном прободал… и кочергою, что в печи углие гребут… и не токмо древом всяким, но и железом и камением, и за власы рванием, но и кирпичом, и что прилучалося в руках его, чем раны дать…»

Монашеский устав предписывал послушнику полное подчинение воле наставника. Мальчик глотал слезы и лишь вел про себя счет ударам: «…И того сочтено у меня, в два года по два времени на всякий день, боев тысяща четыреста и тридесять. А сколько ран и ударов на всякий день было от рук его честных, и тех не считаю, Бог весть, и не помню».

Ставши архиепископом, Нектарий не забыл учителя и прилежно следовал во всем его заветам. Оттого он вскоре снискал ненависть среди служителей тобольского архиепископского дома. Столкнувшись с «кознями», Нектарий поспешил сочинить жалобу на собственных подчиненных. «Да и софийские, государь, дворовые люди, — писал пастырь, — старцы, дети боярские и певчие дьяки, кроме старого дьяка Саввы Есипова, умышляют на меня, богомольца твоего, и угрожают доводными всякими делами» (доносами).

Лишь один из старых служителей пришелся по душе ниловскому пустынножителю. То был главный архиепископский дьяк Савва Есипов. В Софийском доме не сыскать было другого такого же нужного и расторопного человека. Заботясь о доходах епархии, он составил роспись софийских оброчных крестьян. Ему доверили старцы огромную сумму в 200 рублей на помин умершего владыки.

Нектарий ценил в Савве рачительного хозяина и любителя книжной премудрости. При всех своих странностях Нектарий всегда был предан образованию, изучал греческий и латинский языки, риторику и философию. В лице Саввы он нашел единомышленника.

Тотчас по прибытии в Тобольск архиепископ поведал дьяку сокровенную мысль насчет написания подробной летописи, которая бы прославила епархию и последовательно провела новый взгляд на миссию Ермаковых казаков в Сибири. Всего пять месяцев понадобилось исполнительному дьяку, чтобы осуществить предначертания начальства.

Как и полагалось смиренному христианину, Есипов поместил свое имя в самом конце летописи, скрыв его незамысловатым шифром.

Савва не обладал чрезмерным честолюбием и в послесловии к летописи откровенно признался, что он лишь расширил («распространил») летописную Повесть, которую составили в Софийском доме до него.

Средневековые писатели не гнались за оригинальностью. Напротив, они любили украшать свои произведения подробнейшими заимствованиями из других авторов, слывших признанными авторитетами. Библиотека тобольского архиепископа была не слишком богатой, и дьяку пришлось довольствоваться тем, что было под рукой.

Есипов не раз с волнением перечитывал Хронограф, повествовавший о подвигах древних полководцев. Высокопарный стиль изложения Хронографа разительно отличался от стиля, который употребил предшественник Есипова при описании столкновений между Ермаком и Кучумом. Чтобы прославить Ермака, Савва дополнил летопись впечатляющими

подробностями, заимствованными из Хронографа. Дьяка не слишком беспокоило то, что Хронограф описывал битву между древними болгарами и византийцами. Воинов Кучума он уподобил язычникам болгарам.

К счастью, Есипов обладал трезвым умом и его интересовали не только литературные красоты. Испросив разрешение у владыки, он велел вновь собрать ермаковцев, чтобы узнать у них новые подробности о знаменитом походе. Прошло пятнадцать лет с того дня, как казаки из «старой сотни» принесли Киприану свое написание. С тех пор сотня сильно поредела: кто умер, кто переселился в богадельню. На службе остались считаные единицы.

Летописец не назвал по имени казаков, с которыми говорил. Но можно установить, что при Нектарии в Тобольске продолжал служить убеленный сединами атаман Иван Александров. То был любимец Ермака, некогда ездивший с его письмом к царю. Александрова задержали в Москве на три года, поэтому он хорошо знал все, что произошло в начале и в конце похода. В летописных рассказах виден след беседы Есипова с атаманом Александровым.

Судьба сочинения тобольского дьяка сложилась исключительно удачно. Есиповская летопись приобрела общерусскую известность и стала любимым чтением для грамотеев в разных концах России.

ПРИ ДВОРЕ ГОСПОД СТРОГАНОВЫХ

В годы Смуты Строгановы оказали большую финансовую помощь царю Василию Шуйскому, казна которого вечно пустовала. Незадолго до своего падения Шуйский пожаловал своим заимодавцам звание «гостей». Это звание носили немногие лица — самые богатые купцы России. В качестве особой привилегии Строгановы получили право впредь именоваться «с вичем». Это право уравняло солепромышленников с благородным дворянством. Даже гости никогда не претендовали на отчество. Андрей Семенович стал первым «именитым человеком» в семье Строгановых. За ним это звание распространилось на всех членов торгового дома.

Именитые люди старались устроить свою жизнь сообразно своему новому положению. Они воздвигли себе подлинные чертоги в родовом гнезде — Соли Вычегодской. Сюда же свезли они старые архивы со всех своих дворов и торговых контор.

Строгановы не забыли о том, что их предки помогли казакам взять Сибирь. Теперь они решили использовать предания старины, чтобы прославить свой род. Заслышав о том, что в Сибири местный архиепископ велел составить «Повесть о сибирском взятии», Строгановы постарались заполучить ее копию. На службе «именитых людей» было немало грамотеев, бойко владевших пером. Они продолжили работу над летописью.

В Соли Вычегодской люди Строгановых не имели возможности беседовать с ермаковцами. Поэтому они старательнее, чем Есипов, следовали тексту ранней Тобольской летописи. Например, они дословно списали из сибирской летописи заголовок. Этот заголовок выглядел весьма внушительно: «О взятии Сибирския земли како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии подарова Бог Сибирское государство обладати… и како просвети Бог Сибирскую землю святым крещением и утверди в ней святительский престол архиепископию». Приведенный заголовок был вполне уместен в тобольском, но никак не в строгановском сочинении. В этом заголовке не упоминалось ни имя Ермака, ни имя его покровителей Строгановых.

Ранняя Тобольская летопись была составлена в момент основания сибирского архиепископства. Она прославляла не Строгановых, а местного владыку. Для Строгановых в концепции летописца попросту не оставалось места. Сам Бог призвал Ермака для очищения Сибирской земли от язычества. Основание архиепископства увенчало дело, начатое казаками.

Строгановский придворный летописец взялся за перо, чтобы возвеличить своих хозяев. Отдавая должное Господу, он старался доказать, что Ермак попал в Сибирь по воле

Строгановых. Они снабдили казаков всем необходимым и послали с ними вотчинное войско и артиллерию.

Летописец принял дату экспедиции, найденную в тобольской повести, но взялся уточнить ее. По его словам, Ермак с товарищами прожили в строгановских владениях «два лета и месяца два», начиная с 28 июня 1579 года и по 29 августа 1581 года, после чего ушли в Сибирь.

Своим рассказом летописец старался доказать, будто вольные казаки долгое время жили у солепромышленников как нахлебники и успели превратиться в их слуг. Была ли то фантазия нанятого Строгановыми писателя или их историограф использовал какие-то неизвестные нам документы, хранившиеся в архиве у именитых людей? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

Можно установить достоверно лишь одно. Как раз в период составления летописи Строгановы взялись за упорядочение своих архивов. Они свезли в Соль Вычегодскую документы, хранившиеся на их пермских, московских, калужских дворах и в факториях. Их подьячие аккуратно пересмотрели столбцы и грамоты и снабдили их ярлычками. Летописец не раз обращался к архивным грамотам и цитировал их. Некоторые из грамот сохранились до наших дней, и исследователь получает редкую возможность проследить за работой летописца и проникнуть в тайну рождения его текстов.

Макнув перо в чернила, летописец старательно вывел слова «в лето 7090 (1581) году сентября в 1 день». Именно в этот день, по его мнению, и началась сибирская экспедиция. Подлинность своей даты он подтвердил подробным рассказом о том, что Ермак ушел в поход в тот самый день, когда «князь Пелымский, собра 700 человек, подозва… уланов и мурз Сибирские ж земли… прииде на Чердынь… под Канкор и под Кергедан городки, а оттоле поидоша под Чюсовские городки…».

Нетрудно обнаружить, откуда заимствовал летописец сведения о семистах пелымцах, напавших на пермские городки. Царь Иван IV упомянул эту цифру в своем письме, написанном в конце 1581 года. В том же письме значилось, что пелымцы совершили набег в Семенов день, или 1 сентября 1581 (7090) года.

В строгановском архиве летописец нашел еще одну грамоту, присланную в Пермь в конце 1582 года. В ней упоминался пелымский князь и сообщались подробности о его нападении в Семенов день. Бегло прочтя царские архивные грамоты, книжник решил, что они описывают одно и то же нападение, которое и послужило прологом к походу Ермака.

Попробуем проверить летописца и прочтем заново подлинные грамоты Ивана IV. Одна из них была составлена в конце 1581 года в связи с жалобой Семена и Максима Строгановых. Купцы донесли царю, что «о Семен день» их слободы и деревни разорил пелымский князь, а Никита Строганов, сидевший в укрепленном городке Орле, не выручил их из беды. Иван IV сделал выговор Никите и велел действовать заодно с родственниками.

Другая грамота (от 16 ноября 1582 года) явилась ответом на жалобу воеводы Пелепелицына из Чердыни. Воевода донес, что 1 сентября его крепость подверглась атаке сибирских людей и пелымского князя, а Строгановы не помогли ему в беде, но в самый день штурма послали Ермака «воевать сибирские места».

Не остается сомнения в том, что в царских грамотах описаны разновременные и разномасштабные нападения. В первом участвовал пелымский (мансийский) князек с небольшими силами, во втором — еще и сибирские люди, то есть войска Кучума. В первом случае мансийцы сожгли незащищенные деревни и слободки Строгановых, но не посмели штурмовать их городки. Год спустя воины Кучума вместе с манси нанесли удар по Чердыни — главному опорному пункту русских в Пермском крае.

В дни первого нападения в 1581 году Ермака явно не было во владениях Строгановых, иначе он не позволил бы мансийцам разорять русские поселения. О Ермаке говорит лишь грамота конца 1582 года. Обрисованная в этой грамоте ситуация не допускает двух толкований. Кучумляне напали на государеву крепость в 1582 году в самый день выступления Ермака в поход. Получив донос Пелепелицына, царь пригрозил Строгановым

опалой и велел немедленно вернуть казаков из похода.

Итак, летописец объединил сведения царских грамот по недоразумению. Его рассказ об одновременном нападении пелымцев на Чердынь и строгановские городки в 1581 году недостоверен от начала и до конца. В действительности такого нападения не было.

Савва Есипов, беседовавший с ермаковцами, не знал в точности, когда началась экспедиция. И лишь строгановский летописец впервые назвал день и месяц выступления казаков в поход.

И все же верить строгановскому летописцу нет оснований. Книжник невнимательно прочел и превратно истолковал попавшие к нему в руки архивные документы. Он допустил вопиющую ошибку при определении времени сибирской экспедиции. Его ошибка ввела в заблуждение многие поколения историков.

Искусство исследователя состоит в том, чтобы среди противоречивых и разновременных свидетельств выбрать самые ранние и достоверные. Для того, кто взялся составить биографию Ермака, путеводной нитью могут служить грамоты, составленные при его жизни. В царской опальной грамоте 1582 года каждое слово — на вес золота. Грамота непосредственно отразила событие, положившее начало одиссее Ермака. Казаки ушли в Сибирь на глазах у чердынского воеводы Василия Пелепелицына 1 сентября 1582 года, о чем он тут же и донес царю. Не верить воеводе нет оснований.

БОИ НА ГРАНИЦЕ

Когда Стефан Баторий изготовил свои войска для решающего наступления на Псков, русское командование попыталось помешать его планам и предприняло наступление в пределы Литвы. Силами вторжения командовал замечательный воевода Дмитрий Хворостинин. При нем находились многочисленные отряды служилых татар. Но боевое ядро отряда составляли дворяне, конные стрельцы и казаки, вооруженные пищалями. Из Смоленска отряд Хворостинина проследовал к Дубровне и 25 июня переправился за Днепр у Орши. Полки прошли на Шклов и Могилев. Все эти пункты располагались на берегах Днепра. Возможно, что при Хворостинине находилась флотилия. Вновь, как и в дни войны с ордынцами под Москвой, одни казаки сражались на лошадях, а другие — в речных стругах. В случае необходимости казаки покидали струги и продолжали воевать на суше.

Ратные люди сожгли посады у Дубровны и Орши. Под Шкловом литовцы пытались остановить царские полки. Бой был жестоким. Погибли воевода передового полка Роман Бутурлин и много рядовых воинов. Но поле боя осталось за русскими. Ворвавшись на посад, ратники захватили много «полона» и «в торгах товары поимали и посады пожгли». Последним городом, стоявшим на пути воевод, оказался Могилев. Ратники захватили и сожгли посад и едва не ворвались внутрь крепости. От Могилева полки ушли к Радомлю и Мстиславлю, а оттуда повернули назад.

Комендант Могилева Стравинский прислал Баторию подробный отчет о действиях царских полков против вверенной ему крепости. Он старательно перечислил имена воевод, принявших участие в нападении. Последними в его списке значились «Василий Янов — воевода казаков донских и Ермак Тимофеевич — атаман казацкий». Эти сведения были получены от пленных и отличались надежностью. Янов служил «головой» (командиром) у казаков много лет. Со временем он приобрел большую известность.

Литовцы получили весьма точные сведения о численности нападавших. Пленные показали, что в армии Хворостинина находилась тысяча всадников — московских стрельцов и донцов, вооруженных пищалями. Василий Янов возглавлял конный отряд, прибывший с Дона. Ермак Тимофеевич привел на границу волжских казаков.

Письмо Стравинского заключает в себе бесценный материал для биографии Ермака. Если в конце июня 1581 года атаман воевал в Литве на огромном расстоянии от Урала, он едва ли мог в конце августа попасть в Приуралье и начать поход в Сибирь.

Это письмо посеяло сомнения среди историков, полностью доверявших тобольским

документам. Сомнения стали почвой для рождения еще одной легенды, связанной с именем Ермака. Историки выдвинули предположение о существовании нескольких атаманов, носивших одно и то же имя и действовавших в разных концах государства. Один Ермак Тимофеевич будто бы служил на государевой службе с отрядом донских казаков, а другой Ермак Тимофеевич с волжскими казаками «воровал» на Волге, после чего ушел в Сибирь.

Предположение насчет двойника грозит окончательно запутать биографию Ермака, и без того неясную. У историка остается лишь один выход из затруднительного положения. Он вновь должен обратиться к истории волжского казачества и написать ее, следуя подлинным архивным документам.

Правители Большой Ногайской орды, кочевавшей за Волгой, давно признали себя вассалами московского царя. Но подчинение Орды не принесло мира Поволжью. Ногайцы не раз помогали крымцам грабить русские земли. Когда в ходе Ливонской войны обозначился перелом и русские армии стали терпеть одно поражение за другим, ногайский князь Урус велел ограбить царского посла и объявил о сборе войск для вторжения в Россию.

Царь Иван пытался предотвратить новую беду и в феврале 1581 года направил в Орду посланника В. Пелепелицына с богатыми дарами. Хлопоты не принесли успеха. В мае по Москве прошел слух о том, что 15 тысяч ногайцев князя Уруса пересекли русскую границу.

5 мая 1581 года Боярская дума приговорила послать нарочных «наскоро на Волгу и до Астрахани, чтобы волжские казаки над теми людьми (вторгшимися ногайскими отрядами. — Р. С), которые пойдут с полоном с Руси, приходили и над ними промышляли». 28 мая Посольский приказ обратился к Урусу с посланием. Князю напомнили о разгроме его столицы казаками в 1571 году в отместку за сожжение Москвы и дали понять, что теперь все может повториться. Стоит только царю приказать «вас самих воевать и ваши улусы казаком астраханским и волским… и над вами над самими досаду и не таковую учинят. И нам уже нынеча, — многозначительно писал Посольский приказ, — казаков своих унять не мочно».

Ввиду враждебности Орды Москва фактически предоставила казакам полную свободу действий в отношении ногайцев. Результаты не заставили себя ждать. Московские власти предписали казакам громить лишь тех ногайцев, которые возвращались из набега на Русь, «а на улусы не приходить», то есть не переносить военные действия на территорию Ногайской орды. Но атаманы знали о вторжении ногайцев в русские пределы и обращались с ними по законам войны. Они дважды разгромили ногайцев на волжских переправах.

В августе 1581 года 300 ногайских всадников показались на переправе в районе реки Самара. Они сопровождали Пелепелицына и ногайского посла, направлявшегося в Москву. Волжские атаманы Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Савва Болдыря, Никита Пан и другие разгромили татарский отряд. Бегством спаслись всего 25 человек. Казаки не обратили ни малейшего внимания на протесты царского гонца.

Мирные заверения властителей Орды не мешали ногайцам продолжать пограничную войну. В те самые дни, когда послы Уруса ехали в Москву, «ногайские люди Урусова улуса и иных мурз человек с шестьсот» перешли русскую границу у Темникова и разорили несколько сел. Когда этот отряд, обремененный добычей, возвращался из Темникова и Алатыря за Волгу, казаки подстерегли его и разгромили на переправе. Захватив «языка» в этом бою, атаманы немедленно отправили его в Москву. Московские власти обычно щедро жаловали казаков за доставку пленных. На этот раз они поступили иначе. Пленный ногаец, назвавшийся «улусным человеком князя Уруса», был освобожден, а доставивший его казак объявлен «вором» и обезглавлен в присутствии татарина.

Между тем правители Ногайской орды стали выказывать миролюбие. Посольский приказ попытался использовать наметившийся перелом. Новый царский посланник повез в Орду богатые поминки. Выехавший вслед за ним пленник должен был сообщить Урусу о казни казака в Москве. Царь потребовал от Уруса, чтобы он также казнил «своих воров», грабивших Русь, дабы «такие воры, как наши казаки, так и ваши казаки меж нами ссоры не чинили». Посол получил даже приказ «промышлять» над атаманом Иваном Кольцо и его сотоварищами и, если удастся, поймать их и повесить.

Дело в том, что наступил критический момент в Ливонской войне. Шведы взломали русскую оборону на северо-западе, захватив Нарву, Ям и Копорье. Поляки штурмовали Псков. Москва готова была любой ценой предотвратить расширение военного конфликта на южной границе. В большой дипломатической игре казаки оказались разменной монетой, мимоходом принесенной в жертву. Казаки громили ногайцев с ведома властей. Но теперь в Москве постарались об этом забыть. Волжских атаманов объявили «ворами», поставленными вне закона.

Действия волжских казаков против ногайцев возглавили атаманы Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря, будущие сподвижники Ермака в сибирском походе.

Итак, летом 1581 года Ермак воевал под стенами Могилева, а Иван Кольцо летом и осенью того же года громил ногайцев в Поволжье. Посольский приказ зафиксировал этот факт с протокольной точностью. 28 августа 1581 года в Москву «прибежали» татары из свиты ногайских послов, ехавших к царю, и сообщили, что «на Волге казаки Иван Кольцо, да Богдан Барбоша, да Микита Пан, да Савва Болдыря с товарищи» погромили ногайское посольство на перевозах под Сосновым островом. Государев гонец В. Пелепелицын, сопровождавший ногайское посольство, прибыл в Москву 1 сентября и подтвердил сведения о волжском разгроме.

Факты, извлеченные из достоверных архивных документов, начисто разрушают две легенды, связанные с жизнью Ермака и его главных сподвижников. Ни Ермак, ни его казаки не были повинны в разграблении государевой казны и других преступлениях, которые им позже стали приписывать. Ермак накануне сибирского похода не разбойничал, а оборонял рубежи государства от вторгшихся в страну неприятелей. Что касается его будущего помощника Ивана Кольцо, то его нападения были инспирированы самими властями.

Не выдерживает столкновения с фактами и легенда о двойниках Ермака. Если двойник был у Ермака, то своих двойников должны были иметь и его сподвижники Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря. В самом деле, Иван Кольцо с товарищами не могли одновременно биться с ногайцами на Нижней Волге и в те же самые дни отправиться в поход за Урал — на расстояние многих сотен верст от Нижней Волги. Абсурдность предположения о двойниках очевидна. Мираж рассеется сам собой, если мы откажемся от ошибочной даты и примем дату, обозначенную в царской грамоте 1582 года.

Новую дату подтверждают не только все ранние письменные источники, но и вещественные памятники, уцелевшие от экспедиции Ермака.

Сто лет назад историк В. В. Голубцов посетил дворец Строгановых в Петербурге и тщательно осмотрел их коллекцию старинного оружия. Внимание ученого-палеографа привлекла пушечка — «затинная пищаль», на стволе которой он прочел надпись: «В граде Кергедане на реце Каме дарю я Максим Яковлев сын Строганов атаману Ермаку лета 7090 (1582)». Когда В. В. Голубцов опубликовал сведения о Ермаковой пищали, его открытие вызвало сомнение у историков. Помеченную на пушечке дату невозможно было согласовать с общепринятой датой экспедиции. Семь тысяч девяностый год начинался 1 сентября. Но именно в этот день, считали историки, Ермак выступил в поход. Изготовить пушку и сделать дарственную надпись на ней в течение нескольких утренних часов немыслимо. Возникло подозрение, что В. В. Голубцов был введен в заблуждение или же сам совершил подлог. Проверить эти подозрения невозможно, поскольку в годы революции пушечка Ермака исчезла. Историки тщетно искали ее в музеях, куда поступило оружие из строгановской коллекции.

Подозрения против В. В. Голубцова не имеют под собой никакой почвы. Превосходный знаток древнерусской палеографии, он не дал бы ввести себя в заблуждение. Скопированная им надпись абсолютно достоверна.

Некогда царь Иван разрешил Строгановым завести пушечную мастерскую в городке Кергедане — Орле на Каме. В ней-то и была изготовлена пушечка Ермака. Как видно, мастера выковали пищаль в последние летние недели 1582 (7090) года. Когда казачьи струги в первый день нового года — 1 сентября 7091 года — отчалили от чусовских пристаней, они

увезли с собой подарок Строганова.

Тщательное изучение всех самых ранних свидетельств о Ермаке позволяет уточнить, когда в его жизни произошел решительный поворот. Тот поворот, который сделал его исторической личностью. Оказалось возможным исправить ошибку в одной из основных дат истории средневековой России. Начало присоединения Сибири было положено не в 1581 году, а год спустя.

Ермак не мог уйти в сибирский поход, пока на северозападных рубежах гремели выстрелы и лилась кровь. Ситуация претерпела разительные перемены после заключения перемирия с Речью Посполитой в начале 1582 года. Впервые за много лет на западных рубежах воцарился мир. Ермак вернулся с театра военных действий в Поволжье. С окончанием похода казна перестала выплачивать им жалованье. «Заслуженные» деньги были израсходованы достаточно быстро, и боевым казакам пришлось подумать об организации самостоятельной экспедиции. Такой способ получения средств к существованию был для них вполне традиционным.

Поздние летописцы утверждали, будто Ермак и его соратники покинули Поволжье после того, как их стали теснить царские воеводы, получившие приказ покончить с «воровством» казаков на Волге. Но их утверждения были полуправдой.

В те дни, когда Ермак, Иван Кольцо и другие атаманы перешли с Волги на Каму, в Поволжье происходили большие передвижения правительственных войск. Подлинные записи Разрядного приказа показывают, что едва началась зима 1582 года, как в Поволжье двинулись конные и пешие отряды. Летом царская «судовая рать» бросила якорь у Козина острова на Волге. Передвижение воевод было вызвано, однако, не «воровством» казаков, а совсем другими событиями — восстанием черемисы. Волнения охватили все Поволжье и отчасти Прикамье. Царское правительство вынуждено было направить против восставших лучших воевод с крупными военными силами. Им удалось подавить движение лишь после упорной трехлетней войны. Начавшееся восстание нерусских народов и прибытие царских воевод создали положение, при котором казаки могли в любой момент оказаться между молотом и наковальней. В такой ситуации казаки собрали круг и вынесли решение отправиться на Урал.

«АРХИВ» ЕРМАКА

Историки затратили много усилий и труда, чтобы разыскать архив сибирской экспедиции или хотя бы его следы. Но их старания не увенчались успехом.

Кто из ученых не мечтал о такой находке! Бесценные документы находят не только на запыленных полках архива. На них наталкиваются в самых неожиданных местах: в недоступных горных пещерах, на морском дне, в трюмах затонувших кораблей, на чердаках старых домов. Случаются и более прозаические случаи. Следы архива удается обнаружить в давно известных науке летописных сочинениях.

…Среди летописных сочинений о Сибири наибольшей популярностью пользовалась Есиповская летопись. Ее читали и переписывали в разных концах страны.

Сам Савва Есипов едва ли дожил до того времени, когда некий любознательный книжник старательно скопировал его летопись, пополнив ее многими удивительными подробностями. Так возникла Погодинская летопись, которая хранится ныне в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Российская национальная библиотека) в Петербурге.

Погодинская рукопись ставит перед исследователем множество трудных проблем. Судя по филиграням, она относится чуть ли не к петровскому времени. Но в этой поздней рукописи заключена масса сведений по истории сибирской экспедиции. Степень их достоверности неясна и поныне. Два-три промаха, допущенные летописцем, ставят под сомнение достоверность памятника в целом. Современные методы исследования текстов столь совершенны, что позволяют воскресить историю составления летописи в мельчайших

деталях. Можно себе представить, как неведомый автор Погодинской рукописи, обмакнув перо, старательно списал из летописи Есипова фразу: «Ермак с товарыщи послаша к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии с сеунчем (вестью о победе. — Р. С.) атамана и казаков». На этом месте книжник остановился и, переведя дух, вставил фразу от себя: «Тут же послан был казак Черкас Александров потому… немалой, всего 25 человек».

Фраза сохранилась не в полном виде. Это объясняется просто. Когда рукопись переплетали, лист был обрезан по краям и несколько слов оказались утраченными. Однако то, что уцелело, дает исследователю важный материал. Погодинский летописец знал одного из гонцов Ермака по имени, а кроме того, ему известна была, по-видимому, и общая численность казачьей станицы, прибывшей в Москву. Его запись интересна не только своими фактическими данными.

Конструкция фразы («Ермак послаша атамана и казаков, тут же послан был казак Черкас Александров») была неудачна и выдавала неуверенность автора. Он явно не знал, какое место занимал казак Черкас в станице. По Есиповской летописи, эту станицу возглавлял некий безымянный атаман.

Погодинский летописец не нашел в своих источниках никаких сведений о главе посольства — атамане, но зато о простом казаке Черкасе Александрове он почерпнул там и переписал в свое сочинение немало сведений.

Прежде всего он упомянул о казаке при описании пути из Сибири на Русь через Пустоозеро. Этим путем ушли на родину остатки отряда после гибели Ермака. Они уплыли по «Иртышу реке вниз и по великой Оби вниз же и через Камень (так называли в древности Уральские горы. — Р. С.) прошли Собью же рекою в Пустоозеро, тута же (шел) казак Черкас Александров».

Ниже составитель Погодинской летописи переписал известие Есиповской летописи о посылке в Сибирь Сукина и других воевод и включил в текст дополнительную подробность: с воеводами вернулись в Сибирь «многие русские люди и ермаковцы казаки Черкас Александров с товарыщи».

Откуда почерпнул все эти сведения автор Погодинской рукописи? Почему ранние сибирские летописи ни словом не упоминали о Черкасе Александрове? Не выдумка ли это досужего книжника, писавшего в позднее время?

Одна архивная находка позволила дать весьма точный ответ на поставленный вопрос. В Российском государственном архиве древних актов в Москве хранится подлинная приходно-расходная книга кремлевского Чудова монастыря за 1586 год. Историки не раз обращались к ней, но никто не искал там сведений о Ермаке. Истинное значение чудовских записей обнаружилось лишь после сопоставления их с данными Погодинской летописи.

Монахи Чудова монастыря пометили в своей книге, что в феврале 1586 года «сибирский атаман» и «сибирские казаки» принесли в обитель и дали на помин души драгоценных соболей. Благочестивый жест ермаковцев легко объяснить. Как раз в феврале 1586 года воевода Сукин завершил приготовления к походу. Вместе с ним должны были покинуть Москву Ермаковы казаки. Они уже знали о гибели Ермака и готовились к худшему. Самое время было подумать о спасении души, и казаки отправились в Чудов монастырь. Чудовские монахи прилежно записали имена своих вкладчиков — «сибирских казаков», но только двух из них (Александрова и Болдырю) они назвали атаманами. «Сибирский атаман Иван Александров сын, а прозвище Черкас» принес старцам самые богатые дары.

Черкас возглавлял сибирское посольство, а потому и казаки, и монахи именовали его атаманом. Но он был совсем молодым человеком и не успел заслужить чин на государевой службе. Потому источник, которым пользовался погодинский летописец, упорно называл его не атаманом, а казаком. Это обстоятельство и ввело летописца в заблуждение.

Запись чудовских монахов подтверждает известие Погодинской летописи о том, что царь задержал гонцов Ермака в Москве и те вернулись в Сибирь лишь через три года.

Погодинская летопись сохранила любопытнейшие подробности насчет переписки Ермака и Грозного.

Черкас Александров привез в Москву послание Ермака к Ивану IV. Савва Есипов пересказал это послание в сокращенном виде. Ермак извещал Ивана IV, что казаки «царя Кучюма и с вои его победиша». Автор Погодинской летописи привел куда более полный текст казачьей отписки. Согласно летописи, Ермак писал царю, что он «сибирского царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и с вои его победиша; и брата царя Кучюма царевича Маметкула разбиша ж».

Насколько достоверна эта подробная версия письма Ермака? Не сочинена ли она самим автором Погодинской летописи? Ответить на этот вопрос помогает отчет о «сибирском взятии», составленный дьяками Посольского приказа в 1585 году и сохранившийся в подлиннике. Под руками у дьяков были отписки из Сибири. Воспользовавшись ими, приказные пометили: «государевы» казаки «Сибирское царство взяли, а сибирский царь Кучюм убежал в поле», после чего «племянник Кучюмов Маметкул царевич, собрався с людми, приходил в Сибирь на государевы люди», но те и его «побили».

Данные посольского отчета рассеивают сомнения в достоверности погодинской версии.

Погодинским сведениям чужды летописные штампы. Они мало походят также и на запись воспоминаний очевидцев. В большей мере они напоминают цитаты из приказных документов. Вот один из примеров: «Государь послал (в Сибирь. — Р. С.) воевод своих князя Болховского, да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева Глухова, а с ним казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто человек и иных ратных людей сто человек». Именно таким слогом составлялись записи Разрядного приказа. Это, бесспорно, самый полный разряд, относящийся к сибирской экспедиции. Иной вопрос: можно ли считать его подлинным? Некоторые детали в нем вызывают сомнение. Почему сибирские летописи и разрядные книги XVII века упоминают о походе только двух воевод — Болховского и Глухова? Почему в них отсутствуют какие бы то ни было указания на Киреева? С. Ремезов утверждал, что с Болховским было 500 человек. В погодинском же разряде названа цифра в 300 человек.

Для проверки разряда можно привлечь подлинную царскую грамоту от 7 января 1584 года. Иван IV направил Строгановым письменный приказ выстроить «под рать» Болховского, Киреева и Глухова пятнадцать стругов, каждый из которых мог поднять по двадцать ратников. Если Болховский рассчитывал разместить воинов на пятнадцати стругах по двадцать человек на каждом, значит, отряд насчитывал до 300 человек. Из грамоты следует, что Киреев был главным помощником Болховского в сибирском походе. Дополнительные сведения Погодинской летописи объясняют причины молчания сибирских источников о Кирееве. Этот воевода пробыл в Сибири очень недолго. Ермак тотчас отослал его в Москву. Киреев увез из Сибири пленного царевича Маметкула.

Итак, погодинский летописец располагал более точной информацией, чем тобольские летописцы! Очевидно, он держал в руках подлинный разряд о походе Болховского в Сибирь.

Составитель Погодинской летописи нашел у Саввы Есипова упоминание о том, что ермаковцы шли в Сибирь «Чусовою рекою и приидоша на реку Тагил». Не удовлетворенный столь неточным описанием, он включил в текст подробнейшую роспись пути Ермака в Сибирскую землю. В ней указывались не только названия рек, пройденных флотилией Ермака, но и много других сведений: где и куда (направо или налево) сворачивали суда, где они плыли по течению, где — против. Очевидно, такая роспись имела не столько литературное, сколько практическое назначение. Воеводы, назначенные в сибирский поход, нуждались в подробной дорожной росписи.

Погодинский автор включил в текст своей рукописи сведения об обстоятельствах, непосредственно предшествовавших походу казаков за Урал. Ермак Тимофеев, записал он, прибыл с Волги на Чусовую в тот самый момент, когда на пермские места напал сибирский царевич Алей с татарами, «а за год до того времени… пелымский князь Аблыгерим воевал… Пермь Великую».

В двух решающих пунктах приведенные сведения полностью совпадают с данными царских грамот 1581–1582 годов. Они вновь подтверждают, что два нападения произошли с интервалом в год и что поход Ермака начался в дни второго набега.

Ни Строгановы, ни чердынский воевода не знали имен «пелымского князя» и предводителя «сибирских людей», громивших Пермский край. Составитель Погодинской летописи располагал лучшей информацией. Он знал, что первое вторжение возглавлял пелымский князек Аблыгерим, а второе — сын и наследник Кучума царевич Алей.

Как можно объяснить редкую осведомленность погодинского автора? Откуда черпал он свои удивительные сведения? Текст рукописи позволяет установить источник его информации. «Три сына у Кучюма… — записал летописец, — а как оне взяты, тому письмо есть в Посольском приказе». Значит, летописец имел доступ к сибирским документам Посольского приказа.

Замечательно, что именно этот приказ на протяжении XVI века ведал делами, относящимися к Сибири. В него, как в резервуар, стекались все отписки из вновь присоединенного края. В Посольский приказ попало и письмо Ермака. По-видимому, приказные допросили гонцов Ермака, с их слов составили роспись пути в Сибирь и записали «сказку» о причинах похода казаков против Кучума.

Дополняя Есиповскую летопись, погодинский автор отметил, что татарский царевич Алей подверг жестокому разгрому Соль-Камскую и «много дурно над православными христианы починил». Соликамские источники подтверждают приведенную подробность. Местные жители помнили об этом погроме вплоть до XVIII века. В память о жертвах набега с 1584 года и до петровского времени население совершало крестный ход к братским могилам.

При чтении Погодинской летописи невольно возникает вопрос: почему осведомленный автор, упомянув о разгроме Соли-Камской, умолчал о последующем нападении Алея на Чердынь?

Это объясняется просто. В день штурма Чердыни Ермак увел свой отряд из Чусовских городков за Урал. Значит, ермаковцы ничего не знали о событиях, разыгравшихся в тот момент на расстоянии сотен верст к северу. Эта небольшая и на первый взгляд несущественная деталь подтверждает предположение о том, что «сказку» о начале сибирской экспедиции, найденную погодинским автором в Посольском приказе, составили скорее всего гонцы Ермака.

Можно ли считать, что автор Погодинской летописи сам записал «речи» ермаковцев или что его следует отождествить с Черкасом Александровым? Можно ли согласиться с теми историками, которые называют Александрова «официальным историографом дружины Ермака»? Ошибки, допущенные погодинским летописцем, опровергают подобные гипотезы.

По данным Саввы Есипова, Ермак послал в Москву сеунщика-атамана и тот якобы вернулся в Сибирь вместе с воеводой Болховским. Из приказных же документов следовало, что сеунщик-казак Александров смог вернуться в Сибирь с воеводой Сукиным уже после смерти Ермака. Не заметив противоречия, погодинский летописец соединил обе версии. В результате в его рукописи появились следующие пометы: «И Ермак в тое пору убит, пока сеунщики ездили к Москве»; «князь Семен Болховский пришел в старую Сибирь… а Ермак уже убит до князь Семенова приходу».

В конце жизни Александров и другие тобольские ветераны составили «речи», которые легли в основу ранних сибирских летописей. Хотя они и не помнили точных дат, зато ясно представляли себе последовательность основных событий. Они знали, что Болховский прибыл в Сибирь при жизни Ермака, что воевода умер в дни зимнего голода, а затем погиб Иван Кольцо. Еще позже Ермак предпринял свой последний поход на Вагай, где был убит. Лишившись вождя, казаки немедленно бежали из Сибири.

Есиповская летопись воспроизвела все эти события в их естественном порядке. Совершив ошибку в определении времени гибели Ермака, погодинский автор разрушил канву повествования. Ему предстояло заново описать экспедицию. Но, как видно, он был

человеком не слишком опытным в сочинении летописей. Если бы Ермак погиб до прихода Болховского, то последний не застал бы в столице Кучума Кашлыке ни одного казака, потому что все они покинули Сибирь сразу после боя на Вагае.

Будучи неспособным переписать историю Ермака заново, автор ограничился тем, что кстати и некстати вставил в списанный им текст Есиповской летописи несколько упоминаний о смерти атамана, которые могли лишь запутать читателя. В главе о послах он сделал первую помету о смерти Ермака. В следующей главе пометил: «О убиении Ермакове речется после сих». В главе о Болховском вновь повторил: «А Ермак уж убит». В последующем разделе сделал оговорку: «Как еще Ермак жив бысть». Рассказывая о бое на Вагае, автор вынужден был повторить все сведения о Болховском.

Приведенные факты разрушают гипотезу, согласно которой Погодинскую летопись составил «официальный историограф дружины» Черкас Александров.

Текст Погодинской рукописи помогает уточнить вопрос о ее авторе. Рассказывая о Чингисхане, погодинский автор назвал его второе имя (Темир Аксак). При этом он сослался на некую Московскую летопись: «Пишет про то инде в московских летописцах». Такая ссылка была вполне уместна в устах московского книжника, но никак не вольного казака.

Документы Посольского приказа были доступны лишь очень узкому кругу лиц. Если составитель Погодинской летописи мог воспользоваться ими, то отсюда следует, что сам он принадлежал скорее всего к миру приказных людей.

Погодинский летописец делал выписки из посольских документов и иногда сопровождал их своими комментариями. «Алей (сын Кучума), — записал он, — пришел войной на Чусовую, и в тое же поры прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарыщи (пограбили на Волге государеву казну и погромили ногайских татар) и Чюсовой сибирским повоевать не дали». Фраза о грабеже государевой казны нарушала временную и логическую последовательность рассказа. Ее приказной заимствовал, очевидно, не из отчета Черкаса Александрова о начале похода. Комментарий выдает в авторе человека, хорошо знакомого с ходячими рассказами XVII века о грабежах Ермака.

К счастью, автор Погодинской летописи лишь в редких случаях пускался в самостоятельные рассуждения. По общему правилу, он не мудрствуя делал выписки из документов. Историк не может желать лучшего.

Выписки Погодинского летописца могут служить своего рода лакмусовой бумажкой. Они помогают исследователю определить достоверность других летописных свидетельств.

Строгановский летописец проявил особую осведомленность насчет отписок Ермака из Сибири. Тотчас возникло предположение, что именитые люди сохранили их в своем архиве. Согласно отчету строгановского историографа, Ермак и его помощники писали к «честным людям» в их городки, что «Господь в Троицы славимый Бог изволи убо одолети им Кучюма салтана и град его стольный взяти в Сибирской его земле и сына его царевича Маметкула жива взяше».

Сведения Строгановского летописца решительно расходились с показаниями Саввы Есипова. Тобольский дьяк определенно утверждал, что казаки послали на Русь весть о победе задолго до пленения Маметкула.

Кто же из летописцев был прав? Погодинские сведения не оставляют никаких сомнений на этот счет. В самой первой отписке царю казаки сообщали, что они победили Кучума и брата его «царевича Маметкула разбиша ж». О пленении Маметкула не было и речи: царевич попал в руки к ермаковцам гораздо позже. Таким образом, сведения Строгановского летописца о том, что Ермак уже в самых первых донесениях о сибирском взятии упомянул о пленении Маметкула, были сплошным вымыслом.

Подлинные документы об экспедиции Ермака погибли. Поэтому судить о них можно лишь на основании тех выписок, которые сделал из них автор Погодинской летописи. Названные выписки позволяют составить довольно точное представление об «архиве» сибирской экспедиции, сформировавшемся в стенах Посольского приказа.

«Архив» Ермака начал складываться после того, как в Москву прибыл Черкас

Александров с письмом Ермака. Приказные тщательно записали «речи» казаков о их походе, составили роспись их пути. Эти документы составили основу фонда. К ним были присоединены разрядные росписи о посылке в Сибирь трех отрядов, донесение о гибели первого отряда и документы о доставлении в Москву пленного Маметкула, «письмо» о взятии на службу других сибирских царевичей.

Обнаружение выписок из «архива» Ермака позволило расширить крайне ограниченный фонд достоверных источников о сибирской экспедиции и тем самым заново исследовать историю похода Ермака.

СБОРЫ В ПОХОД

Времена Киевской Руси оставили глубокий след в памяти народа. Общий язык, исторические традиции и культура не были забыты. Жители Киева или Львова даже в XVII веке продолжали называть себя русскими людьми. Вольные казаки составляли единое братство на всем пространстве от Поднепровья до Яика. «Черкасов» можно было встретить в любой донской или волжской станице. Казачьи городки на Дону живо напоминали Запорожскую Сечь.

Иностранцы, посещавшие Запорожье в начале XVII века, отзывались о казаках как о бесшабашных удальцах, каких не сыскать во всем христианском мире. Эти люди легко переносят холод и голод, зной и жажду, в войне неутомимы, отважны, храбры или, лучше сказать, дерзки и мало дорожат своей жизнью. Французский инженер Боплан, долго живший на Украине, хорошо уловил дух вольного казачества. «Казаки, — записал он, — страстно любят свободу и смерть предпочитают рабству».

Среди казаков, писал тот же автор, можно встретить искусных плотников, кузнецов и оружейников. Все казаки умеют пахать пашню, но только крайность может их заставить трудиться на пашне. Главным занятием станичников оставались охота и рыболовство.

Казаки исповедуют «русскую веру», соблюдают посты. После похода запорожцы без различия возраста стараются превзойти друг друга в бражничестве. Но веселятся они только на досуге.

Когда казаки начинали готовиться к очередному походу, они немедленно вводили в своих «засеках» сухой закон. Если в походе кто-нибудь нарушал запрет и прикладывался к бутылке, его тут же бросали за борт.

Казацкие походы требовали огромного напряжения сил и почти всегда сопровождались тяжелыми потерями. Из морских экспедиций, писал Боплан, редко возвращается на родину более половины казаков. Но никакие потери не могли удержать их от новых рискованных предприятий. Слабые духом люди быстро покидали казацкие зимовья и «сечи».

На русско-польской границе с января 1582 года наступило перемирие. Ермак и его станичники выбыли с государевой службы и должны были сами позаботиться о «зипунах» и пропитании. С Волги казаки ушли на Яик и там собрали войсковой круг. Лето стояло жаркое, и люди довольствовались тем, что наспех соорудили себе навесы и шалаши. Лагерь рос со дня на день. Подходили небольшие ватаги, а иногда и целые станицы. Ночью округа озарялась светом множества костров. Ногайцы не тревожили Ермака. По всей степи пронесся слух: «Казаки затевают большое дело!» И кочевники спешили уйти со своими кибитками и табунами подальше от Яика.

Семен Ремезов записал предание, будто Ермак собрал для похода до пяти тысяч человек. В этой армии были четыре есаула, или полковых писаря, сотники, пятидесятники, десятники с рядовыми и знаменщики. При полках числились три попа и музыкантская команда: барабанщики, трубачи, сурначи и литаврщики. Все эти сведения носят фантастический характер.

Казаки придерживались демократических порядков и избирали себе предводителей по общему согласию. После избрания атаман обычно держал речь к войску. Он клялся, что будет радеть обо всех своих «братьях» и положит жизнь ради «товарищества». Собравшиеся

приветствовали его громогласным «ура!». Один за другим казаки подходили к атаману и кланялись ему, а тот каждому подавал руку. Вождь наделялся большой властью. Преступника он мог наказывать смертью. Но если атаман по трусости или нераспорядительности доводил дело до поражения, круг мог сместить и предать смерти его самого.

Собравшиеся на Яике казаки выбрали своим большим атаманом Ермака Тимофеевича.

Вспоминая об этом, вольные казаки пели в своих песнях:

Полно нам, ребятушки,
Пить-гулять,
Полно бражничать.
Не пора ли нам,
Ребятушки, воспокоиться…
Да давайте мы, ребятушки,
Думу думать,
Думу крепкую,
Да кому из нас, ребятушки,
атаманом быть?
Атаманом быть, есаулом слыть?
— Атаманом быть Ермаку-казаку,
Есаулом слыть Тимофеевичу.
Мы состроим-ка, ребятушки, крепку лодочку,
Чтоб держать разъезд по синему морю.

Ермак сосредоточил в своих руках огромную власть. Но в течение всей экспедиции самые ответственные решения Ермак и выборные атаманы неизменно принимали «с совета» и «по приговору» всего «товарства». Замечательно, что в своих воспоминаниях-«сказах» ветераны похода неизменно говорили о «Ермаке с дружиной» и ни разу не сложили ему отдельной похвалы. Для казаков Ермак был лишь одним из равных.

Избрав атамана, казачий круг с его согласия назначал ему помощников. Тобольский историк Семен Ремезов записал любопытное предание, сохранившееся у сибирских казаков: «Было у Ермака два сверстника: Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов 4 человека». Предание кажется не слишком вразумительным. После указания на двух «сверстников» Ермака перечислены три имени. Одно имя лишнее. Кольцо и Брязга — имена вполне реальных лиц. Зато Гроза — это скорее всего прозвище одного из них.

Популярное сочинение XVII века «Описание Сибири» отразило предание о том, что Ермак после разгрома Кучума послал в Москву к царю «атамана казака Грозу Ивановича с товарищи». Ремезов знал это предание и доверял ему. В своей «Истории» он подробно описывал поездку Ивана Кольцо в Москву с посланием от Ермака.

Подлинные архивные документы позволяют исправить ошибку Ремезова. Чудовские монахи записали имена двух «сибирских отоманов», привезших в Москву весть о разгроме Кучума. Ими были Савва Сазонов, сын Болдыря, и Иван Черкас Александров.

Чудовские книги помогают установить тот принцип, которому следовали казаки, выбирая послов и предводителей. Походное войско возникло из объединения отрядов, вернувшихся с царской службы в Ливонии, и «воровских» казаков, действовавших против ногайцев в Нижнем Поволжье. Каждая половина выставила своих атаманов и своих послов.

Воеводские отписки того времени не оставляют сомнения в том, что накануне сибирской экспедиции среди «воровских» казаков произошел раскол. Вместе с Иваном Кольцо в нападении на царского посла участвовали Богдан Барбоша, Савва Болдыря и Никита Пан. На казачьем круге атаман Богдан Барбоша возглавил тех «воровских» казаков, которые отказались присоединиться к Ермаку и Ивану Кольцо. Они оставались на Яике и спустя четыре года выстроили себе там укрепленный острог. Встревоженные воеводы

приказали им идти на государеву службу.

Приказ выполнили атаманы Матюша Мещеряк, Ермак Петров и сто пятьдесят других казаков. Но Богдан Барбоша остался верен себе. Двести пятьдесят его казаков «с Яика не пошли и государевым грамотам не поверили». Вместе с Барбошей были его сотоварищи «Нечай Шацкой, Якбулат Чембулатов, да Якуня Павлов, да Никита Ус, да Первуша Зея, да Иван Дуда».

Раскол среди казаков оказал огромное влияние на дальнейшие судьбы экспедиции. На Яике остались те, кто олицетворял дух бунтарства и закоснел в «воровстве». То были Барбоша с товарищами, не верившие никаким обещаниям властей и не желавшие связывать себе руки службой у царя или Строгановых.

После того как Барбоша и его сторонники покинули круг, большинство перешло к Ермаку и его станицам. Они выдвинули из своей среды атаманов Матвея Мещеряка, Якова Михайлова, есаула Богдана Брязгу, Черкаса Александрова. От «воровских» казаков были избраны Иван Кольцо («сверстник» Ермака, иначе говоря, второй руководитель экспедиции), Никита Пан, Савва Болдыря.

Посланцы Ермака заявили в Москве, что в сибирском походе участвовали 540 человек и что это были «волжские казаки». Посольский приказ в дальнейшем неизменно называл ермаковцев «волжскими казаками». Но надо иметь в виду, что вольные казаки на разных реках еще не обособились друг от друга в виде «Войска Донского», «Яицкого» и пр., как то произошло позднее. По случаю разгрома посольства Пелепелицына дьяки произвели дознание и установили, что вместе с Иваном Кольцо на Волге орудовали «беглые казаки», живущие «на Тереке и на море на Яике и на Волге и казаки донские, пришедшие с Дону». Все эти сподвижники Кольца участвовали затем в предприятии Ермака.

Прозвища казаков указывали на их самое разное происхождение. Черкас и Пан были выходцами из украинских и польских земель, Шуянин — из Шуи, Темниковец — из Темникова, Мещеряк — с Мещеры.

Клички дают некоторое представление о прошлом казаков, о их личных особенностях.

О казаке Грише Ясыре известно, что он служил конную службу «с Ермаком вместе». «Ясырем» называли пленных невольников. Немало русских людей прошли через татарский плен, прежде чем стали казаками.

Прозвище есаула Богдана передано по-разному в различных источниках. «Брюзгой» называли ворчливых людей и бранчуг или мастеров выругаться. Слово «брязга» имело иной смысл. В Нижнем Поволжье его употребляли в смысле «бить», «хлестать», «давать оплеуху».

В «синодике Ермаковым казакам» упомянуты Иван Карчига и Окул. Иван был скорее всего новгородцем по происхождению. В новгородском говоре «карчига» означало «хрипун». Слово «окул» употреблялось в местных говорах со значением «продувной». Среди казацкой вольницы хлесткое слово было, как видно, в большом ходу.

Собравшиеся на Яике казачьи сотни могли продолжить войну с Ногайской ордой. Взаимные набеги на границе с ногайцами не прекращались даже в мирное время. Ногайские феодалы постоянно грабили пограничные русские уезды, захватывали в плен русских людей и продавали их в рабство на невольничьих рынках в Крыму и Турции. Вольные казаки не оставались в долгу. Они отбивали у ордынцев полоняников, перехватывали табуны лошадей на их пастбищах. Еще до могилевского похода Ермак участвовал в одном из таких казачьих набегов. Один из приближенных ногайского хана Урмагмет-мурза в июле 1581 года направил в Москву письмо, в котором утверждал, что «наперед сего Ярмак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летось отогнали (неведомо кто. — Р. С.) с Волги тысячу лошадей». Свои претензии по поводу казачьего набега он заканчивал требованием выдать ему «Ярмака». В Москве заверили влиятельного мурзу, что учинят сыск о действиях Ермака.

Воспоминания о славном Ермаке засели в памяти вольного братства. Прошли века, а казаки продолжали петь песни о «думе» Ермака с казаками:

Был Ермак да вон Тимофеевич,
Да вот он речь говорил, братцы,
Да вон ведь как в трубу трубил:
— Да ведь вота вы ходитя, братцы, гуляитя,
Ничего, братцы, не знаитя.
Да ведь вота вон батюшка православный наш царь
На нас, братцы, распрогневался,
Да ведь вота вон хочет казнить нас, братцы.
Казнить, братцы, вешати.

Речь Ермака соответствовала подлинным обстоятельствам. Ивану Кольцо и его людям в самом деле грозила виселица. В исторических песнях Ермак предлагал далее идти в поход, чтобы заслужить царское прощение:

Да вы послушайте,
Послушайте,
Что я буду говорить.
Полно нам, ребятушки,
Пить-гулять,
Полно бражничать!
Не пора ли нам,
Ребятушки, воспокоиться, —
На сине море нам,
Ребятушки,
Время отправиться…
— Да пора нам,
Ребятушки,
Во поход итти
Да Сибирь покорять.

Атаманы выходили на середину круга, и каждый старался склонить казаков на свою сторону. «Товарищество» бурно выражало согласие или несогласие с теми, кто держал речь.

Наконец на круг был приглашен посланец богатых пермских солепромышленников Строгановых. От имени своих хозяев он обещал казакам хлебное жалованье, свинец и порох в случае, если они отправятся в Пермский край на службу к Строгановым.

Ермак держал речь последним, и его слова положили конец колебаниям. Атаман умел безошибочно уловить общее настроение и повести за собой буйное «товарищество».

Если Ермак первенствовал на казачьем круге, то не из-за «породы» и не из-за атаманского чина, признанного царем. Он завоевал себе авторитет своей храбростью, многолетней службой и непоколебимой верностью товариществу вольных казаков.

РОССИЯ И СИБИРЬ

Зауралье и Сибирь не были для русских людей «землей незнаемой». Новгородцы начали торговать с уральскими племенами с XI века. Путь за Камень (Урал) был «непроходим пропастями, снегом и лесом». Но жителей Новгорода Великого не пугали ни пропасти, ни снег. На протяжении XII–XIII веков они прочно освоили печорский путь на Урал. Новгородские дружины много раз собирали дань с местных югорских племен. Наконец Новгород объявил «волость Югру» своим владением. Русские поселенцы, появившиеся на Севере и в Поморье, мирно уживались с местными югорскими и прочими племенами.

В Зауралье и Сибири судьбы югры были иными. В XIII веке народы Западной Сибири

подверглись разорительному нашествию с востока. Монгольские полчища подвергли край неслыханному разгрому. Как и повсюду, вторжение сопровождалось истреблением населения. Подпавшие под власть завоевателей югорские племена были включены в состав Монгольской империи. Прочая югра оказалась оттесненной на север. Завоевание получило различную организацию в разных концах возникшей империи. Но повсюду монгольское иго давило и угнетало покоренные племена и народности.

Золотая Орда клонилась к упадку, когда на ее отдаленной сибирской окраине возникло городище Тюмень. Когда недруг Руси хан Тохтамыш потерпел поражение от среднеазиатского завоевателя Тимура, он искал спасения в Тюмени. Местные татарские мурзы не пощадили своего неудачливого хана и убили его.

Со временем Тюменское «царство», выделившееся из Орды, вступило в борьбу за ордынский трон. В 1480 году властитель Большой орды хан Ахмат попытался напасть на Русь и восстановить там свое господство. Потерпев поражение в дни знаменитого «стояния на Угре», Ахмат отступил в степи и распустил своих мурз в их зимовья. Его оплошностью немедленно воспользовался тюменский «царь» Ибак. Присоединив к себе ногайцев, он среди ночи ворвался в ставку хана Ахмата и убил его.

Ибак разграбил старую столицу Орды Сарай, а всех тамошних купцов перевел в Тюмень.

Междоусобия в Орде привели к тому, что изгнанный из Сарая хан занял древнее Болгарское царство в Поволжье и в 1438 году на его развалинах основал Казанское ханство. Полвека спустя Иван III овладел Казанью и посадил там своего ставленника.

Вскоре же тюменский хан Ибак прислал в Москву своего посла. Он предлагал заключить мир, но требовал отпустить к нему пленного казанского царя. Домогательства Ибака были отвергнуты. Тем временем русские воеводы подошли вплотную к границам Тюменского ханства с севера.

Потоки переселенцев с южных окраин Руси устремились из междуречья Оки и Волги на северо-восток. Там, где прежде бродили новгородские дружины, теперь все чаще появлялись московские воеводы. В 1465 году воевода Василий Скряба с отрядом прошел за Урал и собрал дань с югры в пользу московского великого князя. Воевода Федор Пестрый в 1472 году подчинил Великую Пермь и выстроил в Приуралье укрепленный городок Чердынь.

С падением независимости Новгорода Великого в 1478 году все его северные владения, включая Печорский край, вошли в состав единого Российского государства. Несколько лет спустя Москва смогла выделить силы для крупного наступления в Зауралье. Федор Курбский и Иван Салтыков Травин в 1483 году перевалили за Камень, рассеяли войско пелымского князя Юмшана и поплыли вниз по реке Тавде «мимо Тюмени в Сибирскую землю». Поход не привел к войне между Россией и Тюменским ханством. Иван III и «царь» Ибак вели борьбу с Большой ордой, а потому избегали столкновений между собой. Русские ратники обошли стороной владения Ибака и с Тобола двинулись по Иртышу на Обь. Там они взяли в плен югорского князя Молдана и повоевали всю Югорскую землю. Экспедиция длилась несколько месяцев.

Едва русская рать покинула Зауралье, местные князьки обратились к пермскому епископу Филофею. Посредничество епископа позволило им завязать связи с Москвой. Хантский князек Пыткей прибыл в русскую столицу и от имени всей земли Кодской и Югорской просил Ивана III освободить взятых в плен югорских князей. Его просьба была удовлетворена. В конце 1484 года кодские князья из Зауралья прибыли под стены Усть-Вымского городка и заключили с пермским владыкой и местными князьками мир «на том, что им лиха не смыслити, ни силы не чинити над пермскими людьми, а великому князю правити во всем».

Пелымские манси также вступили в более тесные сношения с Россией. Местный князь Юмшан в 1483 году прислал к Ивану III своего шурина Юргу и сотника «вогулятина» Анфима с просьбой об «опасной» грамоте — охранном письме с разрешением на проезд в

Россию. В 1485 году Юмшан приезжал в Москву и вел там переговоры с великим князем.

Большая орда распадалась на глазах. Сыновьям Ахматхана пришлось вести борьбу разом с владыками Крыма, Тюмени и Ногайской орды. Однако Крым подвергся нападению турок и попал в зависимость от Османской империи. Казань признала власть Москвы. В таких условиях властитель Тюмени взялся завоевать Поволжье. В 1493 году хан Ибак известил Ивана III о своих успехах специальным посланием. «Ино мне счастье дал Бог, — писал Ибак, — ТимурКутлуева сына — Ахмат-хана убивши, Сиинской есми стол взял… на отцов юрт, к Волзе пришед, стою». Некогда Батый именовал себя Сиин-ханом. Ибак намеревался занять «сиинский трон» и стать наследником Батыя.

В качестве чингизида Ибак попытался объединить под своей властью древнюю столицу Золотой Орды Сарай, Астрахань и Казань. Такая задача, впрочем, оказалась ему не по плечу. Тюменскому «царю» не удалось добиться повиновения даже от собственной знати. Около 1495 года могущественные князья из рода Тайбуги восстали против Ибака и убили его.

Преемник Ибака Мамук не отказался от честолюбивых планов. С помощью ногайцев он изгнал из Казани московского ставленника. Но Мамук удерживал Казань всего несколько месяцев. В 1498 году в Москве узнали о том, что тюменцы готовятся к новому нападению на Казань.

Тогда Иван III снарядил большую рать в Сибирь. Наступление должно было упрочить власть русских в низовьях Оби и послужить грозным предостережением для властителей Тюменского «царства». С появлением русских войск на Оби тюменскому хану пришлось отказаться от далеко идущих планов в отношении Казани и подумать об обороне собственных северных границ.

Поход в Зауралье возглавили воеводы князь Семен Курбский, Петр Ушатый и Василий Бражник Заболоцкий. По северным городам и землям был проведен сбор ратных сил. В поход выступили 1920 человек с Двины, Ваги и Пинеги, 1304 человека из Устюга Великого, 500 человек «вымеч и вычегжан», а также вятчане — «200 человек руси да 100 человек арян (жителей Арска. — Р. С.), татар (из Казани. — Р. С.) и остяков». Все эти силы — более четырех тысяч ратников — направились в 1499 году в Югорскую землю. Обычно русские проникали за Урал на речных судах в летнее время. На этот раз ратники двинулись в поход в зимнюю пору на лыжах. Главной целью похода было Ляпинское княжество, населенное северными манси.

Курбский отправился к Ляпину кратчайшим путем. Для этого ему пришлось преодолеть Урал там, где горы достигали наибольшей высоты и составляли мощный каменный пояс. Русские ратники прошли за перевалы ущельем («щелью»). Высокие горы произвели на жителей равнин глубокое впечатление. «А Камени в облаках не видати, — записал с их слов летописец, — только ветренно, ино (горы. — Р. С.) облака раздирают». Сибирь встретила ратников морозами и вьюгой. Поход продолжался всю зиму. За время похода воеводы заняли более сорока урочищ и взяли в плен 58 князьков. В итоге Югорская земля была подчинена, а ее князья приведены к шерти «по их вере».

Казалось, России надо сделать последнее усилие, чтобы прочно закрепиться в Западной Сибири. К своему длинному титулу великий князь Иван III присоединил титул «князя Кондинского и Обдорского», властителя двух крупных сибирских земель.

Однако плоды военных успехов на востоке были вскоре утрачены. Печорский путь, отмечали историки, был слишком отдален от Москвы, чтобы им можно было воспользоваться для прочного присоединения Зауралья. Было еще одно, более важное обстоятельство. Понадобилось еще сто лет, чтобы вольные русские колонисты — казаки и крестьяне основали свои поселения на Нижней Волге, Яике и в Приуралье и подошли вплотную к границам Сибири. Лишь народная колонизация создала благоприятную почву для присоединения и освоения бескрайних сибирских земель.

Сколь бы внушительными ни выглядели военные демонстрации русских войск в Зауралье, они не поколебали господства ордынских феодалов в пределах Западной Сибири. Гибель хана Ахмата и свержение ига Золотой Орды обнаружили тот факт, что Россия

обладала перевесом сил над татарским миром. Русское государство имело возможность нанести поражение тюменскому «царю» в Сибири. Но оно вынуждено было на время отказаться от активной политики на востоке.

Русским пришлось пролить много крови, прежде чем Смоленск был воссоединен с прочими великорусскими землями. Большая орда поддерживала Литву против России. Тюменские «цари» вели войну с Большой ордой. По этой причине Иван III предпочитал поддерживать мир с Ибаком и его наследниками.

С падением старой тюменской династии Сибирь оказалась под властью хана Махмета Тайбуги. Со временем «тайбугины» объединили татарские улусы на Тоболе и Иртыше и основали свою столицу в урочище Кашлык на Иртыше.

Монгольское завоевание Сибири закончилось тем, что завоеватели растворились среди местных кыпчакских и прочих племен и усвоили их язык и культуру. Жители Кашлыка в XVI веке говорили на языке кыпчаков — половцев.

Сибирские татары вели полукочевой образ жизни. Они занимались скотоводством, разводили лошадей и овец. В пойме Тобола и Иртыша существовали небольшие очаги земледелия. В оседлых поселениях развивалась домашняя промышленность в виде гончарного производства и ткачества, плавки и обработки металлов.

В Сибирской орде развивались феодальные отношения. Владельцы улусов — мурзы и беки — располагали богатствами в виде пастбищ, скота и рабов. «Черные» улусные люди принадлежали к низшему слою общества. Они несли военную службу в отрядах владельца улуса и платили им ежегодно «дары».

Сибирские ханы силой подчинили себе местные хантымансийские племена на Урале, в низовьях Иртыша и на Оби. Главным занятием этих племен были рыболовство и охота. В южных районах, где они близко соприкасались с башкирами и татарами, у них начало развиваться скотоводство. На Тавде манси занимались охотничьим промыслом и примитивным земледелием.

Правители Сибирского ханства взимали с покоренных племен дань. На отдаленных окраинах сбор дани напоминал грабеж.

Система управления в Сибирском ханстве была несложной. При хане находились его визирь — карача и советники. Из своей ставки он рассылал во все концы сборщиков ясака (дани) — «даруг».

Ханы мало вмешивались во внутренние дела улусов, находившихся во власти знатных мурз. Будучи вассалами хана, мурзы вместе со своими отрядами участвовали во всех его военных предприятиях, получая за это часть военной добычи. Война была одним из средств обогащения татарских феодалов. Они грабили соседей, а захваченных пленных продавали в рабство на среднеазиатских рынках.

В середине XVI века сибирскому хану Едигеру пришлось вести кровопролитную борьбу с Бухарой. Сын бухарского правителя Муртазы Кучум вторгся в пределы Сибири с войском, включавшим узбекские, ногайские и башкирские отряды.

Между тем армия Ивана IV нанесла поражение ордынцам в Поволжье и заняла Казань. Цепь татарских «царств», простиравшихся от Крыма до Сибири, была навсегда разорвана. Хан Едигер лишился возможности получать помощь из Крыма и Казани, когда поддержка была ему крайне необходима. Поглощенный борьбой с Кучумом, Едигер не мог одновременно вести войну с «белым царем». Когда правитель Большой Ногайской орды Исмаил покорился Москве, сибирский хан последовал его примеру.

В январе 1555 года сибирские послы Тягрул и Панчяды просили Ивана IV, чтобы тот «всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил (оборонил. — Р. С.) и дань свою на них положил и даругу своего прислал, кому дань собирать». В ответ Иван IV объявил, что принимает Сибирь «под свою руку».

Помимо старых титулов Иван отныне стал носить титул «всеа Сибирския земли повелитель». Посольский приказ тотчас объявил за рубежом о присоединении к России Сибири. «Сибирский князь Едигер, — заявляли царские дипломаты, — бил челом государю

нашему, чтобы царь государь Сибирскую землю держал за собой и дань с сибирских людей брал, а их бы с Сибирской земли не сводил».

Подвластное Едигеру население не отличалось многочисленностью. Количество «черных людей», плативших дань татарским феодалам, не превышало 20–30 тысяч человек. В это число входили лишь взрослые мужчины, главы семей. Будучи в Москве, послы от имени Едигера обещали платить в царскую казну «со всякого черного человека по соболю, да даруге (данщику. — Р. С.) государеву по белке по сибирской с человека».

Иван IV снарядил в Сибирь послом и данщиком дворянина Дмитрия Непейцына. После долгого путешествия посол прибыл в Кашлык, виделся там с Едигером и потребовал от него выполнения договора. Иван IV наказал Непейцыну привести к присяге татар, сделать перепись «черных людей» и собрать сполна всю дань. Посол не сумел выполнить его наказ. Едигер поспешил выпроводить посла из своей столицы. Собранную «соболью казну» повез в Москву не даруга, а мурза Баянда. Когда дьяки сочли казну и доложили царю, тот пришел в ярость. Вместо 30 тысяч собольих шкур Едигер прислал всего семь сотен. Иван IV велел тут же арестовать Баянду и заключить его в тюрьму. Оправдываясь, посол сослался на то, что всю Сибирскую землю «воевал шибанский царевич Кучум и людей поимал многих». Непейцын, однако, опроверг его слова и сказал, что Едигер мог бы собрать всю дань сполна, если бы «похотел» того.

Сибирская знать пристально следила за всем, что происходило в сердце бывшей Золотой Орды. Когда царские воеводы окончательно покорили Казанский край и заняли Астрахань, ногайский князь Исмаил вторично присягнул на верность царю. Такой поворот событий положил конец колебаниям Едигера. Сибирский хан прислал в Москву грамоту шертную «со княжею печатью, что учинился князь в холопстве, дань на всю свою землю положил, чтобы впредь ежегодно и бесперевод но ту дань царю и великому князю со всей Сибирской земли давати».

Вместе с шертной грамотой посланцы Едигера привезли в Москву дань «тысячю соболей да даружской пошлины 160 соболей». Царь Иван не стал настаивать на выполнении прежнего договора. Он приказал освободить из тюрьмы посла Баянду. По новому соглашению окончательный размер дани был определен в тысячу шкурок, и татарский мурза подтвердил обязательство выплачивать эту дань «впредь ежегодно и бесперевод но». Московские власти не поминали более ни об отправке в Кашлык царского данщика — даруги, ни о переписи сибирского населения. Добиться реального подчинения Сибири без посылки туда военных сил оказалось невозможно. Слишком далеко отстоял этот край от Москвы, и пути туда преграждал труднопроходимый Уральский хребет.

Едигеру не удалось отразить вторжение Кучума. Длительная война имела трагический для него исход. Опираясь на поддержку бухарского хана, Кучум в 1563 году нанес поражение Сибирскому «царству». Попавший в его руки Едигер был безжалостно умерщвлен.

Смена династии в Сибирском «царстве» сопровождалась смутой. Семь лет Кучум вел кровавую борьбу с непокорной знатью и с племенными князьками, прежде чем добился от них покорности. Местное население не сразу свыклось с переменой. Оно продолжало рассматривать Кучума как завоевателя и узурпатора и повиновалось ему, как заметил еще А. Н. Радищев, «из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях».

Кучум окружил себя отрядами, приведенными из Средней Азии. Будучи вассалом бухарского хана Абдуллы, Кучум по его указке стал усиленно насаждать ислам среди населения Сибири. По преданию, Абдулла трижды отправлял в Кашлык шейхов и сеидов в сопровождении бухарских воинов. Незадолго до похода Ермака в Сибирь прибыли Шербети-шейх и с ним сто бухарских всадников. Попытка заменить старую веру исламом удалась не сразу. На первых порах проповедь мусульманства имела успех лишь в узком кругу татарской знати.

Кучум пытался опереться на поддержку как своих среднеазиатских покровителей, так и ногайских союзников. Своего сына и наследника Алея он женил на дочери князя Тинахмата

из Большой Ногайской орды, свою дочь выдал замуж за ногайца Акмурзу.

Захватив власть в Сибири, Кучум вскоре же обнаружил враждебные намерения в отношении России. Как писал царь Иван IV в 1564 году, ныне «хвалится де сибирский султан Ишибаны (Кучум Шейбанид. — Р. С.) идти на Пермь войною».

Сношения между Москвой и Кашлыком прервались на несколько лет, пока Посольский приказ не нашел нужным напомнить сибирскому ханству о его даннических обязательствах. В марте 1569 года власти освободили из тюрьмы пленного сибирского татарина Аису и послали его с царской грамотой в Кашлык. Получив грамоту из рук пленника, Кучум решил отплатить той же монетой. Его воины захватили в Приуралье трех пермяков. Двое были задержаны в Кашлыке, а третий пленник Ивашка Поздеев был послан на подводах в Россию с вестью о том, что Кучум дань собирает и готовится послать в Москву послов.

Вскоре Кучум обратился к Ивану IV с грамотой. «Вольный человек Кучум царь» соглашался признать «белого царя» своим «братом старейшим». Но его мирные предложения заключали в себе лишь слегка завуалированный вызов: «И ныне похочишь миру, и мы помиримся, а похочишь воеватися, и мы воюемся».

Расчетливый политик, Кучум внимательно следил за развитием событий в Восточной Европе. Как раз в 1569 году крупная турецкая армия, поддержанная Крымской ордой, перешла русские границы и напала на Астрахань. Поход завершился отступлением татар и гибелью турецкого войска в безводных степях Северного Кавказа. Узнав о поражении турок и татар, Кучум решил как можно скорее добиться мира с Россией. В 1571 году он направил в Москву посла Таймаса с данью в тысячу соболей. «Кучум богатырь царь» соглашался на все, по крайней мере на словах. Посольский приказ передал суть его обращения в следующих словах: «Да послал Кучум о том, чтоб его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всее Сибирские земли имал по прежнему обычаю».

Иван IV велел дьякам изготовить грамоту с текстом присяги. На грамоту была привешена золотая печать. Сын боярский Третьяк Чебуков должен был привести Кучума к шерти. Кучуму надлежало скрепить грамоту своей печатью, от «лучших сибирских людей» следовало взять подписи. Московские власти рассчитывали восстановить свои прежние позиции в Зауралье. Но обстановка не благоприятствовала осуществлению их планов.

В 1571 году крымцы сожгли Москву. Подстрекаемые ханом восстали казанские татары и черемисы.

Сожжение Москвы произвело сильное впечатление на Кучума. Сибирский хан теперь жаждал большой войны с «белым царем». На подготовку войны ушло не менее года. С наступлением лета 1573 года лучший воевода Кучума хан Маметкул преодолел уральские перевалы и принялся опустошать русские поселения на Чусовой. Манси, платившие дань царю, подвергались избиению. Членов их семей татары забирали как пленников. Кучумляне захватили русского посла Третьяка Чубукова, направлявшегося с миссией в Казахскую орду. Как царский посол, так и все сопровождавшие его служилые татары были убиты.

Однако Кучум потерял слишком много времени на подготовку войны с Россией. Благоприятные возможности, сложившиеся после сожжения Москвы крымцами, развеялись как дым. Русская армия наголову разгромила Крымскую орду и ногайцев в многодневном сражении под Москвой.

Кучуму волей-неволей пришлось отказаться от своих честолюбивых замыслов. Хан Маметкул ограничился тем, что разведал дорогу, «как итти ратью на Пермь». Не дойдя до строгановских острожков на Чусовой, хан повернул к перевалам и ушел в Сибирь.

Ко времени войны с Россией Кучуму удалось сосредоточить в своих руках обширные владения. Помимо ханты-мансийских племен, обитавших на Оби и Урале, ему подчинялись барабинцы и другие племена, соседствовавшие с ними, а также некоторые из башкирских племен, живших на восточных склонах Среднего Урала. Территорию Сибирского ханства покрывала целая сеть укрепленных татарских городищ. На подступах к Кашлыку стояли укрепления Сузгунтура, Бицик-тура, засека на Чувашевском мысу, городок мурзы Аттика, городок Карачи. Выше по Иртышу располагались Бегишево городище, городки Тунус и

Кулары. Близ Уральских гор находились «город опасный» есаула Алышая, «заставной» городок на холме Ятман и «царево городище» на Тоболе. На севере границы «царства» доходили до Оби, на западе переходили кое-где на европейские склоны Уральских гор, на юге терялись в Барабинских степях.

Маметкул недаром проведывал путь в Пермь. Кучум ждал своего часа, чтобы покончить с русским влиянием в Приуралье. Ждать пришлось долго, целых десять лет.

НА МОРСКИХ ПУТЯХ В СИБИРЬ

В XVI веке русские поморы прочно освоили пути по Студеному морю в устье Оби. Но Ледовитый океан и далекая Сибирь манили не только русских людей. К середине столетия на северных морских путях появились английские корабли.

После открытия Америки и освоения испанскими и португальскими мореплавателями океанских путей в Индию и Китай англичане предприняли энергичные поиски северозападных и северо-восточных путей в Индию. В Лондоне было основано «Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и доселе не посещаемых морским путем».

Из всех английских экспедиций на северо-восток первая была самой крупной. Купцы собрали капитал в 6 тысяч фунтов стерлингов и снарядили три больших корабля с командой в 116 человек. Адмиралом эскадры компания назначила дворянина Хью Уиллоби, обладавшего знатным происхождением, военным опытом, огромным ростом и представительной наружностью. Его помощником и главным кормчим экспедиции стал капитан Ричард Ченслор, опытный моряк и большой знаток астрономии. Ченслор поднял флаг на самом крупном корабле флота — «Эдуард Благое Предприятие». Готовясь к трудному путешествию, адмирал велел погрузить в трюмы кораблей огромное количество продовольствия, которого хватило бы на полтора года.

Плавание оказалось несчастливым для Хью Уиллоби. У берегов Норвегии буря разъединила его суда. С двумя кораблями адмирал продолжал плавание на восток и достиг неизвестной земли. Моряки не смогли высадиться на берег из-за мелководья и большого скопления льдов. Никто не знает, сколь далеко на восток зашла эскадра Уиллоби. Считают, что в 1553 году англичане побывали то ли у Новой Земли, то ли у острова Колгуев. На обратном пути эскадра вынуждена была остановиться на зимовку у берегов Кольского полуострова. В середине сентября корабли бросили якорь в удобной гавани в 70–80 километрах от мыса Святой Нос. Подле кораблей можно было видеть множество тюленей. На суше моряки не раз сталкивались нос к носу с медведями. Издали они видели диких оленей. Все попытки моряков найти жилища местных жителей оказались безуспешными. Посланные в разные стороны партии вернулись одна за другой с самыми неутешительными новостями.

Англичане не испытывали недостатка в продовольствии. Но они оказались беззащитными против ужасной арктической стужи. Уже в сентябре грянули морозы, началась пурга. «Погода установилась плохая, — записал в своем дневнике Уиллоби, — с морозами, снегом и градом, как будто бы дело было в середине зимы».

Корабли вмерзли в лед и были занесены снегом. Жизнь на их борту теплилась, пока морякам удавалось пополнять запасы топлива. Но тьма полярной ночи и усилившиеся холода все больше угнетали людей. После четырех месяцев зимовки адмирал не досчитался многих членов своего экипажа. Оставшиеся в живых не сомневались более в том, что гибель неизбежна. Кое-кто успел составить завещание.

Прошел год, прежде чем местные жители — лопари — заметили на море неподвижно стоявшие огромные корабли. Подобравшись ближе, они долго разглядывали высокие мачты, порванные снасти и жерла пушек. Поднявшись на борт, лопари нашли в трюмах множество всякого снаряжения и мертвых моряков.

Лопари сообщили о своей находке властям, и по государеву указу из Холмогор были

снаряжены несколько кочей с опытными моряками, чтобы привести на Двину английские корабли.

Капитан Ченслор оказался более удачливым, чем Уиллоби. Следуя вдоль берега, он провел свой корабль по Белому морю и в последние дни лета бросил якорь в устье Северной Двины поблизости от Никольского монастыря.

Прибыв в Москву, Ченслор объявил себя послом английского короля и положил начало морской торговле между Россией и Англией.

Плавания по бурным северным морям были сопряжены с большими опасностями и риском. Ченслор пережил Уиллоби лишь на два года. Он погиб во время кораблекрушения, возвращаясь из очередного плавания по Белому морю.

Исследования северных морей продолжили Стивен Берро, служивший штурманом у Ченслора, а позже Артур Пет, один из моряков Ченслора.

Капитан Ченслор и его спутники сумели заинтересовать молодого царя Ивана IV планами открытия пути в Китай и Индию. Торговля с этими сказочно богатыми странами сулила большие доходы как английским купцам, так и русской казне.

Итальянские купцы, побывавшие в то время в Москве, сообщали на родину, что Иван IV для поощрения отважных мореходов назначил большую награду тем, кто откроет морской путь в восточные страны, отчего сильно возрастут царские таможенные сборы.

Гибель эскадры Уиллоби охладила энтузиазм английской компании. Купцы постарались избежать крупных затрат, снаряжая новую экспедицию в Ледовитый океан. Они представили в распоряжение капитана Стивена Берро одно небольшое судно с характерным названием «Ищи наживы».

Экспедиция Берро отплыла на восток в апреле 1556 года. После стоянки в Кольской бухте она присоединилась к флотилии поморов, отправлявшихся на промыслы в устье Печоры. Русский кормчий Гаврила из Колы сообщил капитану, что при попутном ветре до Печоры можно добраться за семьвосемь дней, и пообещал предупреждать его о мелях. «И он это действительно исполнил», — отметил в своих записках Берро.

Тихоходному английскому паруснику трудно было поспеть за подвижными русскими кочами. «Плывя по ветру, — записал англичанин, — все русские ладьи опережали нас. Согласно своему обещанию кормчий Гаврила и его друг часто приспускали свои паруса и поджидали нас».

Русские мореходы не только указывали путь англичанам, но и неоднократно оказывали им помощь в критических ситуациях.

Совместное плавание с русскими завершилось на Печоре. Дальше Стивен Берро отправился один. На второй день плавания моряки увидели землю, но тут же убедились в том, что это чудовищная глыба льда. Прошло полчаса, и льды неожиданно окружили корабль со всех сторон. «Это было ужасное зрелище, — записал Берро в свой дневник, — в течение шести часов мы только и делали, что уходили от одной льдины, в то же время стараясь держаться от другой».

Опасности подстерегали мореплавателей на каждом шагу. Однажды вечером подле судна неожиданно всплыл кит. «Мы увидели чудовищного кита так близко от нашего борта, что можно было бы вонзить в него меч, — писал Берро, — мы не посмели сделать это, боясь, что он опрокинет наш корабль. Часть его спины, возвышаясь над водою, была величиною со всю нашу шхуну; погружаясь, он произвел страшный шум в воде».

Вскоре Берро вновь встретил русские суда из состава флотилии, с которой он следовал на Печору. Англичане выслали навстречу им шлюпку и, когда шлюпка сблизилась с одной из ладей, запросили у русских сведения о своем местонахождении. К великому своему удивлению, Берро узнал, что они уже «проплыли дорогу, которая ведет на Обь», и попали в район Новой Земли, которая лежит несколько в стороне от этого пути.

Берро пригласил к себе на борт русского кормчего, по имени Лошак, и тот сообщил, что на Новой Земле находится самая высокая в мире гора. Англичане проглядели глаза, всматриваясь вдаль, куда указывал Лошак. Они так и не увидели новоземельских гор.

Кормчий дал капитану «также некоторые указания относительно пути на Обь».

До встречи с русскими Берро держал курс на запад вдоль берега неведомого острова. Теперь он резко сменил курс и поплыл на восток. Заметив парусник, англичане подошли к нему и запросили сведения о путях на Обь. Кормчий поморского коча охотно вступил в разговор и сообщил англичанам «об Оби все то, что раньше сообщил его сотоварищ Лошак».

Бесстрашные северные мореходы, видно, знали морской путь в Сибирь как свои пять пальцев. Ценя их помощь, Берро старался держаться поближе к русским кочам.

Вблизи от острова Вайгач Берро вновь встретил лодку Лошака, и тот пригласил капитана посетить капище (языческое святилище) островных самоедов, где стояло несколько сот идолов. Некоторые из них выглядели как старые колья с двумя-тремя нарезками. Другие отдаленно напоминали грубо сделанное подобие мужчин, женщин и детей. У многих идолов глаза и рот были вымазаны кровью. Подле стояли жертвенные плахи, густо политые кровью.

Лошак провел корабль Берро в гавань, где стоял на якоре его коч, и тут обещал, что сам отправится на Обь, чтобы англичане не сбились с пути. Лошак не раз промышлял зверя в Обской губе, и на этот раз он решил плыть туда, «если (как он сказал) Бог пошлет ветер и хорошую погоду».

Англичане, как никогда, были близки к намеченной цели. Но наступил август, резко испортилась погода. Бури сопровождались сильным снегом и градом. То и дело на корабль надвигались льдины.

Потеряв из виду русские кочи, Берро сделал еще одну попытку продвинуться на северо-восток, но тут его судно едва не погибло во время самой страшной ночной бури, которая превзошла все, что было прежде. Три дня спустя английский парусник повернул на запад и в сентябре бросил якорь у русских пристаней в Холмогорах.

Экспедиция Берро была самой удачной из всех английских экспедиций на восток, потому что в течение всего плавания англичане пользовались дружеской помощью русских моряков.

Иван IV старался привлечь английские капиталы в Россию и предоставил Лондонской компании исключительные привилегии. Золотым дном для английских купцов стала персидская торговля. Поглощенная торговыми делами в России, компания на протяжении двух-трех десятилетий после экспедиции Берро предприняла лишь две попытки возобновления поисков морских путей на северо-восток.

В 1568 году Россия вынуждена была вести войну разом с Крымом, Османской империей и Речью Посполитой. Планы союза со Швецией рухнули. Царь Иван пытался выйти из состояния внешней изоляции, заключив тесный военный союз с Англией. В силу привилегии, полученной от царя, английская Московская компания получила впервые в русской истории концессии на разработку железа в северных опричных уездах, право свободного проезда в Персию, право чеканить английскую монету в России. Компания решила использовать наметившееся англо-русское сближение, чтобы снарядить новую морскую экспедицию. Английский посол Томас Рандольф 23 июля 1568 года прибыл в устье Двины, а неделю спустя вручил инструкцию капитану Бесседайну и двум его помощникам относительно подготовки к морскому путешествию. Бесседайн получил приказ подготовить судно к началу будущей навигации и «держать курс прямо на реку Обь», но не задерживаться там, а продвинуться так далеко на восток, как то позволят очертания берега и время года.

Новая экспедиция имела все шансы на успех, поскольку англичане предполагали использовать на этот раз русские пристани. Бесседайн должен был выбрать себе исходную стоянку к востоку от реки Печоры у острова Долгий и вернуться на зимовку либо к Печоре, либо в устье Двины. Посол Рандольф мог рассчитывать на помощь русских властей, поскольку несколько раньше царь выдал компании жалованную грамоту, воспрещавшую всем, кроме членов компании, плавать в устье Двины, на Мезень, Печору и Обь.

В Москве посол Рандольф благополучно завершил переговоры с русским правительством относительно будущего союза. Однако королевский двор в Лондоне

отказался подтвердить договор. Тогда царь Иван объявил недействительными все грамоты и привилегии, дарованные Лондонской компании. В конце концов экспедиция Бесседайна была отменена.

Прошло более десяти лет, прежде чем компания решила направить новую экспедицию в северные моря. Избегая больших расходов, руководители компании заключили контракт с капитаном Артуром Петом и Чарльзом Джекманом, владельцами двух небольших парусников. В новой экспедиции участвовали всего четырнадцать матросов и двое юнг.

Капитан Пет получил предписание идти к устью Оби и далее на восток. Но в глазах английских купцов отдаленная перспектива обнаружения морского пути в Китай все больше уходила на задний план, уступая место практически достижимой цели. Артур Пет получил задание перезимовать в устье Оби и добраться до столицы Сибирского ханства. Полученная им инструкция гласила: если «вы доедете до города Сибири или до другого какого-нибудь города с населением на берегу Оби или близ нее у вас явится желание перезимовать вторично, в этом случае поступайте по своему усмотрению».

Понимая, что подобные цели не могут вызвать одобрения в Москве, компания рекомендовала Пету не пользоваться русскими пристанями на северных морях.

30 мая 1580 года эскадра Пета снялась с якоря и отплыла на восток. Задержанные сильными встречными ветрами в северных морях, корабли лишь во второй половине августа добрались до острова Вайгач. В Карском море английские моряки столкнулись с большим скоплением льдов, их корабли легли на обратный курс. Обогнув остров Колгуев с юга, они потеряли друг друга из виду. В конце декабря Пет благополучно добрался до родных берегов. Капитан Джекман зазимовал со своим кораблем у норвежских берегов.

Экспедиции в северные моря вызвали огромный интерес в Англии, хотя английским путешественникам так и не удалось проложить пути в Сибирь.

ЕРМАК И СТРОГАНОВЫ

Как на дрожжах поднялся и разбогател при Грозном торговый дом Аники Строганова. Одежда Аники не блистала золотом и серебром. Зато в сундуках его скопилось больше денег, чем в казне у первого сановника царского двора. Казалось, Строганов рожден был, чтобы торговать и делать деньги. Его торговые конторы действовали в разных концах России. Несколько тысяч людей трудилось на его промыслах и перевозили его товары туда, где их можно было сбыть с наибольшей выгодой. Флотилии его судов плавали по рекам и морям. Аника закупал хлеб для казны, в Архангельске перекупал заморские товары, из Сибири вез меха. Но главный доход ему приносила соль.

Много лет главным центром соляной промышленности Строгановых оставалась Соль Вычегодская. Аника первым оценил соляные богатства Пермского края и потянулся к ним. Он давно сумел стать нужным человеком при дворе Грозного, охотно принимая от казны заказы на поставку хлеба и других товаров. Когда в Москве трудно было сыскать меха, Строганов вез царю лучшие сибирские соболя. Государь поручал Анике то раздобыть гагачий пух, то приобрести редкие заморские товары. Казна оплачивала услуги вездесущего Строганова не только деньгами, но и всевозможными пожалованиями и привилегиями.

Глава богатого торгового дома зорко следил за всем, что происходило в Москве и на восточных границах. Выждав момент, он послал в столицу сына Григория, наказав ему добиться приема у царя.

На Каме, сказал Григорий государю, «места пустые, лесы черные, речки и озера дикие, а всего деи пустого места 146 верст» и в казну «ис того места пошлина никакая не бывала».

Богатые купцы не пожалели денег и поднесли казначеям богатые «поминки» (подарки). Казначеи не остались в долгу. Они призвали в Приказ пермитина Кодаула, приезжавшего в Москву с данью от пермяков. Кодаул поклялся, что камские места, о которых бил челом Григорий, «искони вечно лежат впусте и у пермич деи и в тех местах нет ухожаев никоторых».

Строгановы просили разрешения сечь лес в диких местах, «называть» крестьян «окромя беглых и разбойников», поднимать пашню и дворы ставить. На Руси уже догадывались о богатствах, которые таятся в недрах Урала, и Строгановы сулили казне барыши, обещая отыскать залежи соли, а может быть, и драгоценные руды.

Иван IV охотно позволил купцу искать «рассол» (поваренную соль), варницы ставить и соль варить. Но его давно занимала мысль о разработке собственных российских руд и он не желал поступиться своим правом в пользу Строгановых. «А где будет найдут руду серебряную или медную или оловянную, — объявил царь свою волю, — и Григорию тотчас о тех рудах отписати к нашим казначеем, а самому ему тех руд не делати без нашего ведома».

Получив землицу в Приуралье, Строгановы взяли на себя обязательство оборонять камские места «от нагайских людей и от иных орд», для чего им надлежало выстроить на Каме городок и снабдить его пушками. Чтобы возместить Строгановым расходы, казна предоставила им неслыханную льготу на двадцать лет.

С молодых лет Аника привык вести счет каждой копейке. Что же побудило его взять на себя тысячные расходы, связанные с сооружением крепости и обороной края от соседних орд? Строганов трезво рассчитал, что выгоды от приобретения перекроют все расходы. Первую грамоту на камские «изобильные места» он получил в апреле 1558 года, то есть через несколько месяцев после того, как сибирский хан Едигер окончательно признал себя царским данщиком. Еще раньше вассалом России стала Большая Ногайская орда. Никто не грозил более войной камским местам, и Строгановым не пришлось тратить деньги на войну «с иными ордами». Воспользовавшись царским пожалованием, Строгановы основали городок Канкор на Каме.

Некоторое время спустя там поселились монахи, и купцы-богомольцы подарили им городок. Канкор стал не нужен Строгановым с тех пор, как они выстроили себе небольшую крепость Кергедан в 15 верстах от старого города. Кергедан получил еще одно название — Орел-городок. Он надежно защищал вновь основанные соляные варницы Строгановых.

Орел напоминал укрепленную господскую усадьбу. В центре городка стояли церковь с колокольней и хоромы солепромышленников с поварнями, погребами и клетями, с баней и хлевами. Усадьбу окружали прочные деревянные стены в тридцать сажен высотой, построенные в виде срубов. Срубы были покрыты глиной, а на открытых участках — камнем. По углам острожка высились глухие рубленые башни.

Везти пушки из России было далеко, и Строгановы испросили у царя разрешение основать литейный двор в Орле. Искусные мастера стали лить пушки и ковать стволы для пищалей.

Стены Орла и других строгановских городков ощетинились множеством орудийных стволов. На башнях Орла караулы день и ночь несли сторожевую службу.

Став прочной ногой в Прикамье, Строгановы почувствовали себя большими господами. Однако царь Иван IV вовсе не думал отдавать Камский край в собственность солепромышленникам. Напротив, в своей жалованной грамоте он подчеркивал, что этот край — «наша (царская. — Р. С.) вотчина». Строгановы же делали все, чтобы превратить камские места фактически в свои владения.

При Грозном лишь удельные князья да двое-трое самых знатных бояр имели право владеть укрепленными городками. Для Строгановых было сделано исключение. Они выстроили на свои деньги четыре городка и наняли для всех гарнизон.

Менее чем за десятилетие предприимчивые купцы успели освоить многие соляные месторождения Приуралья. Теперь их варницы дымили на огромном пространстве от Соли Вычегодской до Перми.

В 1566 году Иван IV оказал милость Анике и принял в опричнину его прикамскую вотчину. Опричная служба принесла торговому дому Строгановых новые выгоды и привилегии. Аппетиты Аники росли на глазах. Ему мало было полученных земель, не уступавших по площади небольшому европейскому государству. Он просил у царя новых

владений. В 1568 году Иван IV выдал Строганову из опричнины жалованную грамоту на еще не освоенные земли по реке Чусовой.

В 1570 году Аника Строганов умер, передав всю свою собственность трем детям. Сыновья продолжили дело отца с большим успехом. В разгар опричнины Строгановы с согласия царя приняли меры к тому, чтобы укрепить южные границы своих владений, подвергавшиеся нападениям соседних ногайцев. «Для приходу сибирских и нагайских людей» и «для утеснения» чусовских и других остяков и вогуличей Яков Строганов построил над Сылвою пятый по счету укрепленный острожек.

Воспользовавшись тем, что Ногайская орда стала вассалом Российского государства, Строгановы проникли в Зауралье и основали свою слободку в слабозаселенных местах на Тахчее. Путь из Соли Вычегодской в зауральскую слободку приобрел в глазах Строгановых столь важное значение, что они просили царя освободить от суда пермских наместников всех их людей и крестьян, которые поедут «от Вычегодцкие Соли мимо Пермь на Тахчеи в слободу или из слободы (Тахчеи. — Р. С.) к Вычегодской Соли».

Строгановы рассчитывали на то, что слобода на Тахчее станет их главным форпостом в Зауралье и, опираясь на нее, они смогут продвинуться за Тобол и завладеть Сибирью. Но их расчеты не оправдались. Удержаться в Зауралье им не удалось. В период восстания черемисов в Поволжье в 1572 году повстанцы появились на Каме. К ним пристали местные остяки и башкиры. Восставшие дошли до Канкора и Кергедана.

Кучум использовал момент для посылки своих войск на русскую границу. Этот эпизод получил отражение в царской грамоте на имя Строгановых. «Как нам была черемиса изменила, — писали от имени царя московские дьяки, — посылал Сибирской (хан. — Р. С.) через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе».

Кучум не только уничтожил строгановскую слободку в Зауралье, но и подчинил своей власти окрестные племена.

Местное население не сразу смирилось с властью хана. По словам Строгановых, остяки из Тахчеи запросили у них помощи, чтобы «Сибирскому (хану. — Р. С.) дани и ясаков не давати, от Сибирского ся им боронити за одно». Обращение «остяков» подало Строгановым надежду на возможность использовать в борьбе с Кучумом племена, недовольные его поборами. Планы пермских солепромышленников получили полное одобрение царской администрации. В очередной грамоте Строгановым московские дьяки писали: «А на Сибирского Якову и Григорию (Строгановым. — Р. С.), збирая охочих людей, и остяков, и вогуличь, и югричь, и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцев имати…»

В качестве опричных слуг Строгановы еще в 1572 году наняли к себе на службу целое войско — тысячу казаков с пищалями. Богатые пермские солепромышленники не сомневались более в том, что Кучум не сможет противостоять им. Строгановы были настолько уверены в успехе, что испросили у царя льготную грамоту на еще не присоединенные земли. В 1574 году Иван IV удовлетворил просьбу Строгановых и разрешил им построить крепости в Зауралье — на Тоболе, Иртыше и Оби.

Некогда историки допускали большие преувеличения, коль скоро речь заходила о роли Строгановых в освоении Приуралья. Предприимчивые солепромышленники в действительности были обязаны своими успехами всецело той ситуации, которая сложилась на восточной окраине страны после занятия русскими войсками Казани и Астрахани. Строгановы ловко использовали плоды Казанской войны, в которой они не участвовали. Но когда обстановка приобрела неблагоприятный оборот и в войне с Сибирским ханством им пришлось полагаться лишь на свои силы, они обнаружили свою полную несостоятельность.

Военные силы пермских солепромышленников намного превосходили дружину Ермака, и тем не менее они не осмелились двинуться на выручку слободке на Тахчее в зауральский поход.

Прошло некоторое время, и стало ясно, что осуществить планы присоединения Сибири Строгановым не по плечу.

Глава семьи Аника Строганов умел добиться полного повиновения от своих детей. За непослушание он бросил в Вычегду собственную дочь. Так гласило местное предание. Как только Аника умер, наследники разделили между собой его промыслы, земли и богатства. Раздел основательно поколебал финансовую мощь торгового дома.

Канула в Лету опричнина, и вместе с нею минуло время щедрых льгот для солепромышленников. Некогда Иван IV на двадцать лет освободил от податей приуральские владения Аники Строганова. В 1579 году срок льготы истек, и прибывшие в Пермский край писцы обложили строгановские деревни налогами.

В условиях военного поражения царь указал взыскать со всех торговых людей государства (и с собственных подданных, и с англичан) крупные суммы. Ежегодная подать и чрезвычайные военные поборы пришлись не по вкусу Строгановым. Денежки в их сундуках стали убывать, потому что поборы росли, а поступления катастрофически уменьшались.

«Великое разорение», охватившее всю Россию, отозвалось на строгановских вотчинах и промыслах. Соляная торговля всегда давала торговому дому львиную долю доходов. В пору расцвета на Каме работали на полную мощь 27 соляных варниц. Однако к 1579 году половина из них бездействовала. Вскоре возникла опасность полной приостановки промысла, что грозило подорвать доходы семьи.

Строгановы беззастенчиво грабили местные мансийские племена. В начале 80-х годов это привело к восстанию местного населения против их власти. Осенью 1581 года Строгановы обратились к царю с жалобой на то, что восставшие вогуличи повоевали их слободы на Чусовой.

Владея землями по Чусовой, Строгановы волей-неволей имели дело с местными мансийскими князьками. Поэтому им своевременно стало известно, что во главе восставших стал «безбожный мурза» Бегбелий Агтаков. Мурза собрал будто бы до 680 воинов. 22 июля 1581 года восставшие «безвестно украдом» пришли под Чусовские городки, затем повернули под Сылвенский острожек. Бегбелий не осмелился напасть на укрепленные городки. Но его воины увели в плен множество мужчин, женщин и детей. Там, где появлялись люди Бегбелия, пылали села, деревни и слободы.

Неожиданное нападение застало Строгановых врасплох. Как только мгновенная растерянность прошла, они организовали погоню. Многие из восставших были перебиты, а мурза Бегбелий попал в плен. Строгановы привели к шерти местное население. Но им не пришлось долго наслаждаться миром.

Прошло немногим более месяца, и строгановские владения подверглись новому набегу. На этот раз в нападении участвовал пелымский князь, неизвестный Строгановым по имени. С ним было будто бы до семисот воинов. Бегбелий побывал на Чусовой и Сылве. Подручник Кучума совершил куда более глубокое вторжение. Он сжег русские деревни на Косьве, переправился за Каму на Обву, оттуда прошел на Яйву, а затем на Чусовую. Набегом была захвачена почти вся обширная вотчина Строгановых, кроме окрестностей Орла. Строгановы ничего не могли поделать с пелымским князем. Запрашивая царя о помощи, они писали, что «ныне деи пелымской князь с вогуличи стоит около Чусовского острогу».

Появление войск из-за Урала привело к тому, что местные мансийские племена вновь взялись за оружие. Жизнь в вотчине оказалась полностью парализованной. В письме к Ивану IV основательно струсившие солепромышленники писали: «А вогуличи живут блиско их слободок, а место лешее, а людям их и крестьянам из острогов выходу не дадут и пашни похати и дров сечи не дают же. И приходят деи к им невеликие люди украдом, лошадей, коров отганивают и людей побивают, и промысел деи у них в слободах отняли и соли варити не дают».

Семен и Максим Строгановы просили у царя разрешения произвести набор казаков, чтобы справиться с восставшим населением. Однако военные действия на западных границах достигли критической точки, и царь остался глух к просьбе пермских вотчинников. 20 декабря 1581 года его дьяки позволили провести Строгановым сбор «охочих людей» из уездного населения: «которые будет охочие люди похотят итти в Оникиевы

(строгановские. — Р. С.) слободы в Чусовую и в Сылву и Яйву на их (Строгановых. — Р. С.) наем, и те б люди в Оникиевы слободы шли».

Строгановы получили царскую грамоту через несколько недель после того, как она была подписана. Содержание ее разочаровало пермских хозяев. А между тем у них были все основания для тревоги. С весны 1582 года в пределах Сибирского ханства велись широкие приготовления к войне с Россией. Поражение в Ливонской войне ослабило Русь. Против власти царя вновь восстали покоренные народы Нижнего Поволжья. Хан Кучум решил послать свои войска в Приуралье, чтобы в случае успеха изгнать русских из Пермского края.

Строгановы постоянно посылали лазутчиков в Зауралье и, по-видимому, своевременно дознались о военных приготовлениях в Сибири. Не ограничиваясь набором «охочих» людей среди местного населения, они спешно послали гонца к вольным казакам на Яик. После заключения мира с королем Баторием атаман Ермак со своим отрядом ушел на Волгу, а оттуда на Яик. Там он соединился с «воровскими казаками», разгромившими ногайскую столицу и объявленными вне закона. Казаки собрали круг и, выслушав гонца из Перми, приняли решение поступить «в наем» к купцам Строгановым. Главную роль при этом сыграли атаман Ермак и его станицы, только что вернувшиеся с театра военных действий. «Воровские» атаманы, как мы уже знаем, разделились: Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря присоединились к ермаковцам, тогда как Богдан Барбоша с другими атаманами отказался идти на Каму и защищать владения Строгановых от нападений местных племен и сибирских татар.

Из всех Строгановых наибольшую заинтересованность в приглашении вольных казаков проявил Максим. В летописных повестях можно встретить сведения о том, что Ермак отправился на Урал «по присылке Максима Строганова».

Надпись на пушечке Ермака полностью подтверждает этот факт. Надо иметь в виду, что Максим Строганов был владельцем самой дальней восточной окраины всех фамильных владений, которая подвергалась наибольшему разорению при любом нападении из-за Урала. Это обстоятельство и побуждало Максима деятельнее всех хлопотать о приглашении вольных казаков.

Максим Строганов справился бы с восстанием мансийских племен в Приуралье, если бы те не пользовались поддержкой Кучума и его вассала пелымского князя Аблыгерима. Только разгром Кучума мог обезопасить его вотчину от набегов из-за Урала. Кучум в состоянии был выставить в поле до десяти тысяч воинов. Таковы официальные данные, опубликованные Посольским приказом. Эти данные следует признать преувеличенными. Тем не менее армия Кучума была достаточно многочисленной. Ядро ее составляли ногайская гвардия и татарская конница. Подвластные татарам ханты-мансийские племена присылали во время войны вспомогательные отряды.

Какие силы могли выставить для похода в Сибирь Строгановы? Судя по летописям, солепромышленники держали в своих укрепленных городках на Каме и Чусовой несколько сот ратных людей. В лучшие времена Строгановы имели возможность нанять и вооружить тысячу вольных казаков. Однако в 1582 году им не удалось собрать столько людей. Отряды казаков понесли большие потери в боях на западных границах. Среди тех, кто собрался на Яике, произошел раскол. Значительная часть казаков отказалась последовать за Ермаком. Под его знаменами собралось всего 540 человек.

Приняв предложение Максима Строганова, Ермак, Иван Кольцо и казаки взялись за изготовление стругов для дальнего похода.

Вольные казаки были неплохими плотниками и быстро строили свои суда. Они начинали работу с того, что присматривали неподалеку от воды большое дерево, чаще всего липу. Дерево валили и обтесывали. Затем ствол долбили и изготовляли колоду, именовавшуюся струговой трубой. Колода служила остовом струга. К ней с боков прибивали длинные доски — по нескольку с каждой стороны. Обычный струг имел длину в 10–12 метров и ширину в 2–3 метра. Его осадка не превышала 1 метра, борта судна возвышались над водой не более чем на 70 сантиметров. Казацкая ладья не имела палубы. Корма и нос у нее были острые. Нередко струги имели на корме и на носу по рулевому веслу, что позволяло им не терять понапрасну время, чтобы разворачивать свои длинные суда. Посреди струга укреплялись мачты. При попутном ветре казаки поднимали парус. Впрочем, парусу они всегда предпочитали весла. Челн имел с каждой стороны от 10 до 15 весел.

Флотилия вольных казаков включала тяжелые суда. Но преобладали в ней, по-видимому, легкие струги, поднимавшие до двадцати человек с полным вооружением, боеприпасами и продовольствием. Такие суда имели по 8–9 весел с каждого борта и кормовое весло. По самому примерному подсчету такие струги имели водоизмещение не выше 6–8 тонн.

Каждый брал с собой в поход саблю, две пищали, свинец и порох. Экипировка казака была несложной: рубаха, двое шаровар, кафтан из толстого сукна и шапка. Перед походом люди запасались сухарями. Хранили сухари в бочках, которые укладывали на дно ладьи. Сухари извлекали через отверстие, затыкавшееся втулкой. Сверх того, казаки брали ячмень, из которого варили себе кашу и готовили напитки. Кисловатый квас с разведенным тестом считался у них лакомым кушаньем.

Войска Кучума могли сражаться лишь на суше, главной силой их оставалась конница. Отряд Ермака вел войну на стругах. Это давало ему большие преимущества.

Собравшись на берегах Яика, казаки прошли на Большой Иргиз, а оттуда на Волгу. С Волги Ермак свернул на Каму, затем на Чусовую. Казаки появились во владениях Строгановых как нельзя более кстати. Сильное татарское войско перевалило Уральский хребет и принялось громить и жечь русские деревни в Пермской земле.

СТОЛКНОВЕНИЯ НА ЧУСОВОЙ

Пермские солепромышленники много лет готовились к походу в Сибирь. Что же помешало им возглавить экспедицию, когда их планы стали осуществляться на практике?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо воссоздать во всех подробностях события, сопутствовавшие началу экспедиции. Фрагменты «архива» Ермака впервые дают возможность сделать это.

Будучи в Москве, ермаковцы рассказали подьячим Посольского приказа о том, что Кучум послал своего сына Алея с ратью походом на Чусовую, но в это самое время туда же прибыл Ермак и не дал сибирским воинам разорить чусовские городки.

Отбитые на Чусовой, воины Алея повернули на север, неожиданно появились у Соли Камской и «много дурного над православными христианами починили».

Казаки не оказали помощь Соли Камской то ли потому, что они потеряли из виду татар, то ли потому, что Соль Камская не принадлежала к владениям Строгановых, для обороны которых их наняли. Как бы то ни было, ордынцы подвергли Соль Камскую дикому погрому. Ворвавшись на посад, вражеские воины побивали всех, кто попадался им на пути. Затем они подпалили город. Немногие уцелевшие жители, вернувшись домой, нашли на месте города одно пепелище.

Узнав о появлении татар в Соли Камской, Ермак поспешил в Орел-городок, находившийся неподалеку от разгромленного города ниже по течению Камы. В Орле казаки пробыли, по-видимому, довольно долго. Во всяком случае, строгановские мастера успели изготовить для них пушечку, а может быть, и другое оружие.

Погодинский летописец почерпнул сведения о набеге Алея из «сказки» ермаковцев,

записанной писцами Посольского приказа. По данным этого летописца, атаман Ермак Тимофеевич и его казаки начали «мыслить, как бы им доитти до Сибирской земли и до того царя Кучума», после того, как царевич Алей разорил Соль Камскую и стал воевать поселения на Чусовой, а казаки «Чусовой сибирским (татарам. — Р. С.) повоевать не дали». Видимо, даже в тот момент, принимая решение о зауральском походе, Ермак еще не помышлял о «сибирском взятии» — завоевании Кучумова царства. Казаки решили отправиться за Урал и «дойти до царя Кучума», рассчитывая на богатую добычу. Таким образом, казаки Ермака начали с оборонительных боев в Приуралье, а затем предприняли разбойный набег на Сибирь в целях захвата добычи.

Как бы то ни было, успешные бои на Чусовой сыграли исключительную роль в истории сибирской экспедиции. Они позволили Ермаку оценить реальные силы и боеспособность армии Кучума. Когда Алей объявился в окрестностях Соли Камской, а затем ушел еще дальше к Кай-городку, Ермак мгновенно уяснил, какие огромные возможности таит для него возникшая ситуация. Пока отборные войска ханства были связаны войной в Прикамье, казаки получили возможность нанести стремительный удар по Кучуму, у которого почти не осталось сил для обороны своей столицы.

Посылая на Русь сына, Кучум отпустил с ним лучшие силы своей армии. Поголовное восстание местных приуральских племен против Строгановых породило большие надежды в среде татарских феодалов. Сибирский хан рассчитывал одним ударом покончить с господством русских в Приуралье. Строгановские летописи сохранили предание о том, что вместе с воинами Кучума и пелымским князем в нападении на Чердынь участвовало множество татар, манси, хантов, вотяков и башкирцев из близлежащих местностей. Лишь на Чусовой царевичу Алею не удалось пополнить войско за счет мансийских воинов. Казаки Ермака не пустили его во владения Строгановых.

Потерпев неудачу на Чусовой, сын Кучума направился к главному центру Пермского края Чердыни и приказал своим воинам штурмовать крепость. Гарнизону Чердыни едваедва удалось отбиться от них.

Но в Орле и чусовских городках не сразу узнали об исходе борьбы, развернувшейся у стен государевой крепости.

Когда татары ушли к Чердыни и Кай-городку и непосредственная угроза миновала, Строгановы остались лицом к лицу с буйной вольницей. Казаки славно потрудились, отражая ханский набег. Пролив кровь, они потребовали от купцов расчета.

Нанимая казаков, пермские господа не скупились на обещания. Когда же отряд Ермака прибыл в Приуралье, солепромышленники проявили обычную для них скупость.

Максим Строганов соглашался выдать казакам некоторое количество хлеба, но не иначе как взаймы под проценты, «прося у них кабалы». «Егда возвратитеся, на ком те припасы по цене взяти, и кто отдаст, точно или с лихвой?» — спрашивал купец у ермаковцев. Возмущенные казаки приступили к Максиму «гызом» и едва не убили его. Иван Кольцо пригрозил Максиму, что расстреляет его. Испугавшись угроз, Максим открыл амбары и отпустил запас на казачьи струги «по запросу».

Приведенный рассказ, записанный на страницы Кунгурской летописи С. У. Ремезовым, поражает своей живостью и реализмом. Кажется, что сцена как бы списана с натуры. Жадный купец и удалой казак действуют каждый сообразно своему характеру. Кольцо, не побоявшийся наложить руку на государева посла, не дал бы спуску Максиму Строганову.

Если сведения, положенные в основу Кунгурской летописи, были некогда записаны со слов очевидцев, то возникает вопрос: почему в летописи отсутствуют сведения о боевых стычках Ермака и Кольца с царевичем Алеем на границах строгановских владений?

Придет время, и Строгановы начнут доказывать, что их предки предоставили Ермаку «запасы многие», а также пушечки, скорострельные «семипядные» пищали, дали им «вожей», знающих «сибирский путь», а кроме того, отпустили с ним своих ратных людей из пермских городков — «предобрых воинов триста человек», «литвы и немец и татар и русских». Ранние и более достоверные источники начисто опровергают эти вымыслы. Один

осведомленный летописец отметил, что, будучи на Чусовой, Ермак «взял с собою тутошних людей 50 человек». Неизвестно, принадлежали ли они к числу вотчинных ратных людей. Скорее, то были удальцы, решившие податься в казаки и разделить с Ермаком все трудности предстоящего похода.

«Сказка» ермаковцев окончательно проясняет вопрос об обстоятельствах, помешавших Строгановым принять более деятельное участие в сибирской экспедиции, к которой они сами готовились много лет. Ермак прогнал ордынцев с Чусовой, но опасность не миновала. Пока Алей с ратью держался на Каме к северу от Орла, опасность нового нападения на владения Строгановых сохранялась. На обратном пути к перевалам Алей неизбежно должен был пройти через вотчину Строгановых. Опасаясь этого, Строгановы не посмели ослабить свои гарнизоны в Орле и чусовских городках. По этой причине они не послали с Ермаком ратников, состоявших у них на службе. Надо полагать, что они также постарались как можно дольше удержать Ермака в Орле. Возможно, что казаки ушли в Сибирь даже против воли Строгановых.

В Кунгурскую летопись попали вовсе фантастические сведения о том, что дружина Ермака насчитывала 5 тысяч человек и Строгановы под действием угроз выдали им на струги «поартельно 5000 по именом на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и 3 полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и колико масла пудов».

Ранние летописи скупо и без всяких подробностей говорили о запасах, вытребованных Ермаком у своих «наемщиков». «По присылке Максима Яковлева Строганова», повествует одна из летописных повестей, казаки пошли с Волги на Чусовую «до городка Максима Строганова и взяша у Максима Строганова запасов хлебных и мяс и масла, також и пороху и свинцу».

Участие Строгановых в сибирской экспедиции свелось к тому, что они обеспечили казаков продовольствием, необходимым для дальней экспедиции. Солепромышленники умело использовали богатства края. Они добывали селитру и сами производили весь необходимый им порох. Казаки не упустили случая пополнить свои запасы пороха и получили у Строгановых свинец.

Полученного свинца и пороха было столько, что хватило Ермаку на два года, заполненных непрерывными боями.

Отряд получил от купцов кое-какое вооружение. Но количество его едва ли было значительным. Ермак до сибирского похода сражался с войсками Батория, а атаман Кольцо громил Ногайскую орду. Так что казаки прибыли в строгановские вотчины будучи хорошо вооруженными.

Царь Иван IV был причастен к сибирской экспедиции еще меньше, чем Строгановы. Московские власти решительно воспротивились осуществлению планов Ермака, едва лишь узнали о них. Получив донос чердынского воеводы В. Пелепелицына, Иван IV в ноябре 1582 года выругал Строгановых за то, что они призвали в свою вотчину казаков «воров» — волжских атаманов, которые «преж того ссорили нас с Ногайской ордою, послов ногайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людем (Пелепелицыну. — Р. С.) многие грабежи и убытки чинили». Жалоба Пелепелицына, повторенная в царской грамоте, имела в виду вполне определенных лиц. Не Ермак грабил Пелепелицына на волжских перевозах, а Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря. Их-то Пелепелицын и назвал казаками-«ворами» в доносе царю.

Опальная грамота 1582 года опровергает разом два мифа, связанных с сибирской экспедицией. Первый миф — о грабежах Ермака на Волге и захвате им царской казны. За подобные проступки казаков вешали. Однако царь Иван IV и не думал вешать «воров» из отряда Ермака. Напротив, местные власти получили приказ разместить казаков Ермака в государевых крепостях Чердыни и Соли Камской и использовать их для обороны края.

Второй миф родился в стенах Посольского приказа. Суть его заключалась в том, что покорение Сибири осуществили государевы служилые люди по прямому указу царя. На

самом же деле царь Иван IV велел Строгановым под страхом «большой опалы» вернуть Ермака из похода в Сибирь и использовать его силы для «оберегания пермских мест». Россия не закончила войны со Швецией. На юге ее границы постоянно нарушали крымцы и ногайцы. В Нижнем Поволжье поднялись на восстание малые народы. В таком положении Иван Грозный не желал иметь лишнего противника в лице Сибирского ханства. Его указ, однако, прибыл в строгановские вотчины с большим запозданием и не мог оказать никакого влияния на судьбу сибирской экспедиции.

В то время как царь писал свою грамоту, Ермак уже нанес Кучуму сокрушительное поражение и занял его столицу.

ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ ИСТОРИК

В 1642 году в семье тобольского служилого человека Ульяна Ремезова родился сын. Ему дали имя Семен. Ремезовумладшему предстояло прожить долгую жизнь, никак не меньше восьмидесяти лет. И он успел сделать столько, сколько другие не сделали бы и за две жизни. Семен объездил Сибирь и составил ее первые географические атласы. Едва ли не наибольшую известность ему принесли исторические сочинения. Их оценили в полной мере лишь после смерти Ремезова. С тех пор ни один историк Сибири не обходится без ссылок на труды тобольского сына боярского.

Свое главное сочинение — «Историю Сибирскую» — Семен Ремезов всецело посвятил Ермаку и его знаменитому походу в Сибирь. Поход описан живо, со множеством ярких подробностей и мельчайших деталей.

Ремезовы водворились в Сибири в 20-х годах XVII века, когда живы были еще некоторые ветераны похода Ермака. Сначала дед Мосей и отец Ульян, а потом и сам Семен Ремезов собирали ясак в тобольской округе, строили острожки, выполняли дипломатические поручения. Интерес к истории Сибири был в семье Ремезовых наследственным. Когда Семену минуло 18 лет, его отец отвез в степи к Аблаю Тайше панцирь Ермака. Из этой поездки Ремезов-старший привез запись «сказов» о Ермаке. Семен продолжил дело, начатое отцом.

Взяв за основу Тобольскую летопись Саввы Есипова, Семен Ремезов написал целое историческое сочинение, по размерам далеко превосходящее образец.

Семья Ремезовых придерживалась традиционного образа жизни, и ее члены отличались набожностью. Неудивительно, что идеи Саввы Есипова пришлись по душе Семену Ремезову. Есипов прославил поход Ермака как подвиг во имя христианизации языческого края. Ремезов пошел дальше Есипова. Один из читателей «Истории» очень точно уловил ее основную идею и снабдил сочинение Ремезова заголовком: «Житие Ермака, как Сибирь взял с дружиною своею».

Как заметил один местный любитель древностей, Семен Ремезов «имел немалое желание, чтобы Ермак когда-нибудь к святым причтен был». Среда, в которой вращался Ремезов, полностью сочувствовала его замыслам.

Тобольский историк потратил много труда на то, чтобы собрать и литературно обработать многочисленные притчи о подвигах ермаковцев, казачьи «сказы», татарские предания. В конце концов ему удалось составить на редкость подробный отчет об экспедиции Ермака. Казалось бы, тобольский историк знает все: точный год и число прибытия казаков в разные пункты, численность отряда в тот или иной момент, время постов и молитв.

Поддавшись обаянию всех этих подробностей, некоторые историки решили заново переписать всю историю Ермака. Результаты оказались впечатляющими.

Казаки будто бы прибыли с Волги на Чусовую в 1577 году. После 1 сентября 1578 года атаман с дружиной отправился на Сылву и там зазимовал. В 1579 году казаки вышли на Урал и основали зимовье на тагильском перевале. На реку Тагил Ермак прибыл с тремя тысячами человек, но вскоре больные и раненые покинули его и в отряде осталось 1638 человек. 1 мая

1580 года казаки одолели князя Епанчу, 1 августа взяли Чинги-Туру. 9 мая 1581 года атаман покинул Чинги-Туру, имея при себе 1060 бойцов. Вскоре казаки подошли к устью Тобола, но не решились штурмовать татарскую столицу и предприняли попытку вернуться на Русь через Тавду. Затем казаки изменили свой план и повернули в низовья Тобола, где провели в полной бездеятельности еще один год. В течение своего трехлетнего перехода казаки шли по сибирским рекам «неспешно», «с искусом». Они выдержали несколько трехдневных сражений с татарами и одно пятидневное, во время которого их кони «бродили по чрево в крови».

Ученым приходится иметь дело с отрывочным и противоречивым материалом, дающим простор для взаимоисключающих толкований. Искусство исследователя состоит в том, чтобы опереться на ранние и достоверные источники и отбросить поздние и легендарные.

Историк уподобляется археологу во время раскопок. Он выделяет среди документов отдельные «слои» и датирует их: древний слой, очищенный от поздних напластований, представляет наибольший интерес, После этого ему предстоит найти зерно вымысла в поздних слоях и проследить за развитием легенды.

Документы о Ермаке отложились в архивах и книгохранилищах тремя слоями. К первому относятся источники, составленные непосредственно в период «сибирского взятия». Прошло 40–50 лет, прежде чем тобольские книжники составили ранние летописные повести о Ермаке. При этом они опирались на воспоминания оставшихся в живых ермаковцев. Минуло более века, прежде чем за перо взялся историк и картограф Семен Ремезов, современник Петра I. «История» Ремезова принадлежит к самому позднему пласту известий о Ермаке. Поэтому исследователь должен подвергнуть ремезовские данные троекратной проверке, прежде чем использовать их.

В тексте «Истории» многословно описаны чудеса, будто бы сопутствовавшие походу. Так, на Тоболе казаки приняли решение идти вперед «по явлению светителя Николы чудотворца». Согласно другой версии, в трудный момент казачье знамя с ликом Спасителя поднялось из струга и само собой пошло вперед по левому берегу Тобола, увлекая за собой отряд. Потом сам Бог с небесным воинством явился в облаках и не дал басурманам стрелять в ермаковцев и так далее.

Точные факты и данные, которыми пестрит «История», призваны были убедить читателя в реальности описанных чудес. Невозможно отбросить описание чудес, а прочие сведения признать достоверными. Обращение к ранним документам по истории Ермака обнаруживает, что сведения о трехтысячном отряде Ермака, о времени начала экспедиции носят фантастический характер. Чего стоит один рассказ о том, как Ермак убил на Туре самого Чингисхана!

Нет сомнения, что предания, собранные С. Ремезовым в конце XVII — начале XVIII века, были в значительной мере легендарными. Начало сибирского похода описано в «Истории» Ремезова следующим образом. Ермак и казаки вышли из чусовских городков и пошли вверх по Чусовой к уральским перевалам. Но почти сразу же они ошиблись («обмишенились»), «не попали по Чусовой в Сибирь», ибо свернули не на Серебрянку, а раньше — на Сылву. С опозданием обнаружив свою ошибку, казаки зазимовали на Сылве. Если верить Ремезову, Ермак заблудился на Сылве, иначе говоря, в пределах строгановской вотчины. Согласно писцовым книгам 1579 года, местность по Сылве принадлежала Максиму Строганову. По берегам реки располагались укрепленный острог, деревни и мельница. Как могли казаки проплыть мимо и не заметить их, остается загадкой. Этого мало. Максим Строганов дал Ермаку проводников. Как они могли заплутаться на Сылве, и вовсе необъяснимо. Легенда о зимовке Ермака на Сылве возникла в Кунгуре в конце XVII века. Ее сочинили местные церковники, чтобы обосновать предание о постройке Ермаком в окрестностях Кунгура часовни, сохранившейся до их времени.

Достоверная хронология экспедиции Ермака может опираться не на поздние и легендарные, а на ранние и достоверные источники. К числу их относятся прежде всего посольские записи и грамоты 80-х годов XVI века.

Сохранилась царская грамота от 7 января 1584 года, из которой следует, что царь Иван IV узнал о «сибирском взятии» от гонцов Ермака не позднее лета — осени 1583 года и тогда же велел готовить «зимний поход» в Сибирь. Отсюда следует, что «сибирское взятие» совершилось в промежуток времени между 1 сентября 1582 года и весной 1583 года, когда Ермак послал гонцов в Москву с вестью о победе. Воспоминания тобольских ветеранов совпадают с документальными свидетельствами. Ветераны помнили, что вступили в Кашлык в день святого Димитрия Солунского. Указанный праздник приходится на 26 октября. Конечно, воспоминания — не столь надежный источник, как подлинные грамоты. Казаки могли ошибиться на несколько дней или недель. Но они едва ли забыли о том, что одержали победу осенью.

Итак, ермаковцы проделали путь с Чусовой на Иртыш не за два-три года, а за два-три месяца.

Возникает вопрос: могли ли казаки физически преодолеть расстояние с Чусовой до Иртыша за столь малый срок?

Студенты Пермского университета провели эксперимент. Они повторили на лодках путь Ермака, и на это у них ушло четыре месяца. Их пример, увы, подтвердил, сколь ограниченны возможности проведения эксперимента в истории. Оценивая их опыт, надо учесть, что за прошедшие четыреста лет уральские и сибирские реки сильно обмелели. Лодки студентов — не быстроходные казачьи струги, да и студенты — не казаки.

Несложный расчет показывает, что флотилии Ермака пришлось идти против течения приблизительно 300 километров. Зато 1200 километров пути казацкие струги плыли вниз по течению сибирских рек. Именно поэтому Ермак и смог преодолеть расстояние до Иртыша за два месяца.

Уточнение хронологии неизбежно приводит к пересмотру всей истории первой сибирской экспедиции.

Приходится отбросить как недостоверные представления о трехлетних кровавых боях, якобы выдержанных Ермаком на пути к Кашлыку. На самом деле столица Сибирского ханства была занята не в итоге длительного кровавого завоевания, а в результате казачьего набега, скоротечного и неодолимого.

ТРУДНЫЕ ВЕРСТЫ

Ремезов был первым сибирским историком, припавшим к роднику народного творчества. Родник не иссяк после смерти историка.

Замечательный народный поэт Кирша Данилов не только повторил в своих песнях казачьи предания о Ермаке, но и положил их на бумагу. Фольклор недаром называют поэтической памятью народа. Сибирские казаки прилежно хранили воспоминания о «сибирском взятии».

Время сделало свое дело, и исторические песни о Ермаке стали напоминать героический эпос. В глазах народа ермаковцы приобрели черты былинных богатырей.

Собрались на Волге удалые добры молодцы, славные атаманы донские Ермак Тимофеевич с товарищами. Долго думали они думушку «со крепка ума, с полна разума». Надумали идти во Усолья к Строгановым, чтобы взять там «много свинцу, пороху и запасу хлебнова», а оттуда — вверх по Чусовой-реке.

Путь казаков из владений Строгановых за Урал описан в песнях Кирши Данилова с поразительной точностью:

Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной реке.
…По Серебряной пошли, до Журавля дошли.
Оставили они тут лодки-коломенки.
На той Баранчукской переволоке

Одну тащили, да надселися,
Там ее и покинули.
И в то время увидели Баранчук-реку,
Обрадовались, поделали баты сосновые
И лодки набойницы.

Кирша знал больше, чем тобольские летописцы, беседовавшие с ермаковцами. Он утверждал, что казаки, преодолев горные перевалы, попали на Баранчук.

Известный историк Сибири Герард Миллер, будучи за Уралом, слышал рассказы местных жителей о том, что казаки перетащили свои струги на Баранчук, кроме самых тяжелых, брошенных в пути.

Гонцы Ермака составили для Посольского приказа подробнейшую роспись пути с Волги в Сибирь. По их словам, отряд Ермака прошел вверх по Волге «и Камою рекою вверх же, а из Камы реки поворотил направо в Чюсовую реку и Чюсовую (шел) вверх же; а из Чюсовой реки в Серебряную реку, а Серебряная река пришла от Сибирской страны в Чюсовую реку с правой стороны, и Серебряною рекою вверх же; а с Серебряной реки шел до реки Баранчука волоком и суды на себе волочили, а рекою Баранчуком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою на низ же в Туру реку».

Проходя по Уралу, экспедиция оставила после себя зримые следы. То были не зимовища, а брошенные суда. При составлении чертежной книги Сибири и Урала Семен Ремезов написал подле наименования реки Серебрянки: «Лежат суды ермаковы». Кунгурские «сказы» пояснили эту помету: казаки Ермака «тяжелые суда покинули на Серебрянке».

Прошло столетие, и Ермаковы струги сгнили. От них остались дырявые остовы, сквозь которые пробивались кусты и деревья. «И те старые суда, — записано в кунгурских „сказах“, — где они лежат, сквозь их дна деревья проросли». Среди буйной лесной зелени останки стругов были едва заметны. Но и тогда народная тропа к ним не заросла. Один уральский историк писал в конце XVIII века: «Струги ермаковы и поныне многим лесникам известны, ибо где они на берегах оставлены, вырос на них кустарник немалый». Заросшие лесом струги могли принадлежать не Ермаку, а царским судовым ратям, следовавшим по его следам. Как бы то ни было, они служили надежным ориентиром для тех, кто столетия спустя искал маршрут сибирской экспедиции.

На склоне лет Ремезов составил вместе с сыновьями свой последний атлас — «Служебную чертежную книгу». На карте Среднего Урала знаменитый картограф сделал помету: «Волок Ермаков» — и красным пунктиром обозначил путь экспедиции по реке Серебрянке, по одному из ее притоков, названному ими «Чуй», и далее за волоком по рекам Журавль, Баранчук и Тагил.

Путь в Сибирь был далек и труден. Всего труднее далось казакам начало пути. Флотилия Ермака плыла по Чусовой и Серебрянке, суда продвигались вперед со скоростью улитки.

По расчетам Строгановского летописца, казаки прошли Чусовую до устья Серебрянки будто бы за четыре дня, а Серебрянку преодолели за два дня. Попав на «Сибирскую дорогу» (на самом деле ее тогда не было и в помине), казаки поставили тут городок земляной и назвали его «Ермаков Кокуй». Когда городок был готов, ермаковцы стали «перевозиться» за 25 «поприщ» через волок на реку Журавль. По Журавлю они вышли на Туру, где и нашли «Сибирскую страну».

Рассказ летописца подкупает своей точностью. Но доверять его словам все же не следует. В росписи из архива Ермака отсутствовал какой бы то ни было намек на строительство земляного городища, хотя такое городище и могло служить ориентиром для посланных в Сибирь воевод. Летописец на самом деле плохо представлял себе географию Зауралья. С реки Журавль казаки никак не могли попасть на Туру, ибо Журавлик впадает в Баранчук, Баранчук — в Тагил, а Тагил — в Туру.

Западные отроги Уральских гор весьма протяженны и занимают междуречье Чусовой и Камы. В предгорьях реки отличаются стремительным течением. В верхней части Чусовой течение особенно мощное. Посреди быстрого потока там и тут торчат огромные скалы. Вместе с многочисленными подводными камнями и мелями эти скалы таят большую опасность. Но вольные казаки были опытными лоцманами. Особенно «черкасы» — запорожцы. В своих засеках на Днепре они подвергали новичка особому испытанию. Ему поручали провести «чайку» через знаменитые днепровские пороги, следуя против течения. Лишь тогда молодого казака допускали в круг как полноправного члена товарищества.

…Чем дальше поднимались казаки вверх по Чусовой, тем больше сил тратили гребцы, чтобы преодолеть течение. По временам суда приходилось тащить бечевой. Но многие казаки бурлачили на Волге, так что дело это было им не в диковинку.

За несколько десятков верст до устья реки Серебрянки казачья флотилия пристала к берегу подле огромной скалы, поднимавшейся вверх на сорок метров. Песнь Кирши Данилова сохранила память об этой стоянке:

И пошли (они) вверх по Чусовой реке,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они печеру каменку на той Чусовой реке,
На висячем большом каменю,
И зашли оне сверх того каменю,
Опущалися в ту пещеру казаки,
Много — не мало двесте человек;
А которые осталися люди похужея,
На другой стороне, в такую же оне печеру убиралися,
И тут им было хорошо зима зимовать.

Исполинский камень и ныне высится на Чусовой подле устья реки Ермаковки. В середине камня издали видно овальное отверстие — вход в пещеру. Добраться до входа можно лишь по веревке сверху. Грот, названный пещерой Ермака, очень мал. В него могут поместиться разом не более двух десятков человек. Так что двести ермаковцев никак не могли зимовать там.

Минули десятилетия после похода, и пещера Ермака приобрела большую известность благодаря слухам о спрятанных там сокровищах. О них слыхали от местных старожилов голландец Витсен и ученый немец Герард Миллер.

Сто лет спустя один русский писатель, побывав на Чусовой, записал сказку о том, что «Ермак, искусный в чародействе, зимовал в этом месте и, спрятав тут свои сокровища, приказал духам стеречь их».

С Чусовой Ермак повернул на Серебрянку. Свое название эта река получила за чистую, прозрачную воду, отливавшую серебром. Берега Серебрянки порой сужались до 10–12 метров, течение оставалось столь же стремительным, как и на Чусовой. Чтобы дать отдых людям, Ермак сделал остановку на длинном, в полверсты, лесистом острове. В память об этом местные жители впоследствии назвали остров Ермаковым.

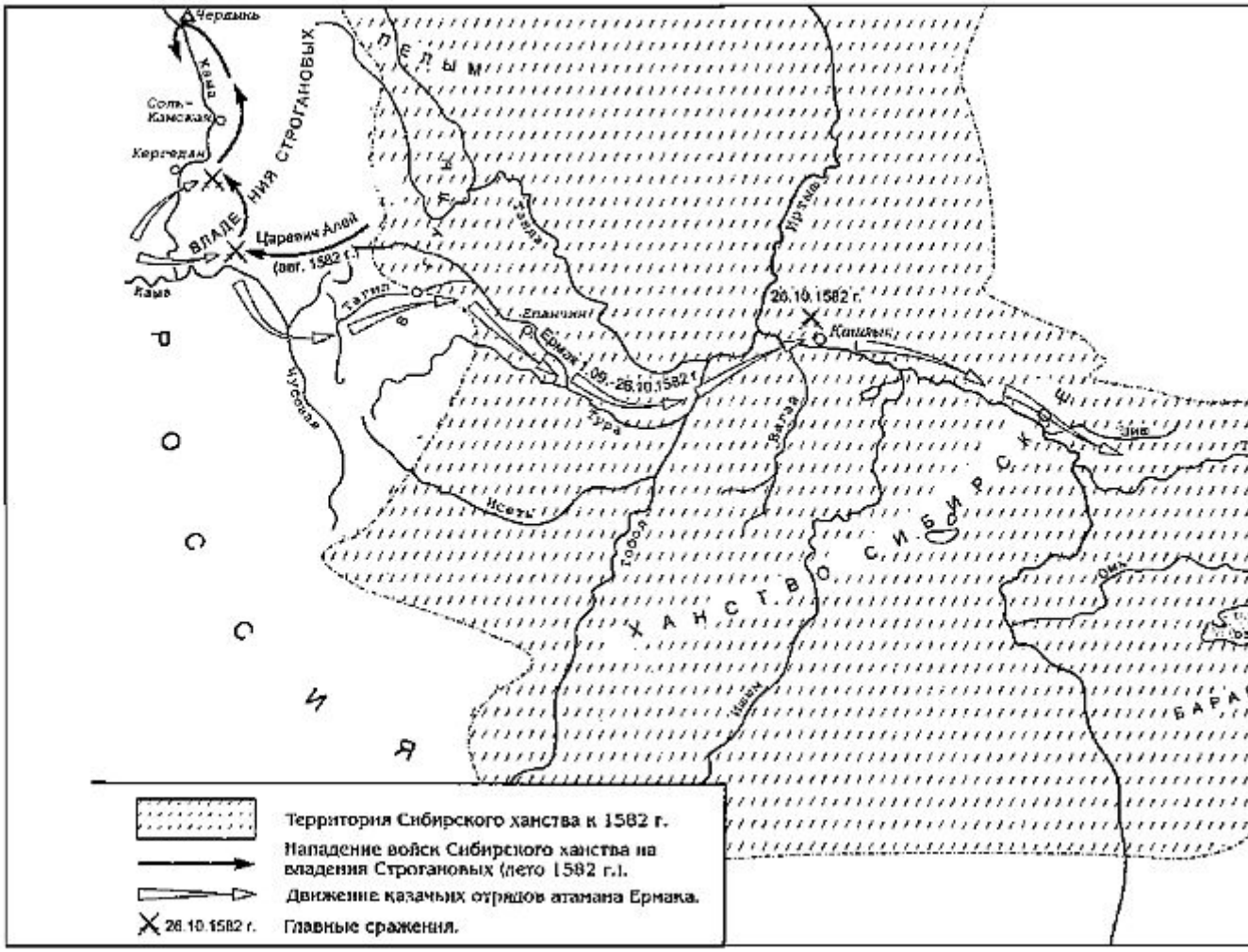
В предгорьях Урала реки имеют берега скалистые и обрывистые, высота которых порой достигает 100–200 метров. Благодаря этому в пору дождей реки не затопляли округу. Зато уровень воды в них поднимался на два метра и более.

Благодаря «большой воде» казаки получили возможность подвести свои тяжело груженные струги к самым перевалам.

Тагильские перевалы находились в том районе Уральского хребта, который подвергся сильному разрушению. К северу от перевалов располагалась гора Благодатная. Сопки в районе Благодатной не превышали 700 метров над уровнем моря. Сама гора Благодатная поднималась ввысь почти на 400 метров.

Ермаку предстояло решить весьма трудную задачу — переправить через горы целую

флотилию, насчитывавшую несколько десятков тяжело груженных судов. Вольным казакам не раз приходилось преодолевать многокилометровые волоки, перебираясь с Волги на Дон и обратно. Обычно они перетаскивали струги на катках. На Урале волоков не было. Чтобы добраться до перевала, ермаковцы рубили просеку в чащах и буреломе. У них не было возможности выровнять каменистый путь и волочить суда по земле, используя катки. Пришлось тащить грузы и суда на руках. В Москве Черкас Александров рассказывал, что казачий отряд «с Серебряной реки шел до реки до Борончука волоком, и суда казаки на себе волочили». В «сказах» из Кунгурской летописи также сообщалось, что казаки оставили на Серебрянке тяжелые суда, а легкие «таскали на Тагил реку через волоки».



Сибирская экспедиция Ермака (1 сентября 1582 — 6 августа 1585).

Запорожцам случалось переносить свои «чайки» по степи на большие расстояния. Один турецкий автор писал, что казаки делали из веревок лямки и, словно носильщики, поднимали суда себе на спину. Порой они переправляли до трехсот «чаек» по суше и таким путем появлялись на Черноморском побережье в совершенно неожиданных местах. Запорожские «чайки» были крупнее волжских стругов. Они вмещали по 50–70 человек. Казаки Ермака выстроили себе несколько тяжелых стругов. Но в его отряде преобладали легкие струги. Их казаки смогли перетащить через горы.

Тагильские перевалы, на которых побывал казачий отряд, даже по своему виду отличались от обычных горных перевалов. Как и в некоторых других местах Среднего Урала, тут располагались большие седловины, основательно заболоченные даже в летнюю пору. Здесь отряд Ермака пересек линию, разделяющую Европу и Азию.

После небольшого отдыха казаки начали спуск по восточному склону Уральских гор.

Спуск потребовал меньшего напряжения сил, нежели подъем. Главные трудности остались позади. Близ перевалов брали начало ручьи, впадавшие в Журавль и Баранчук. По их руслу казаки и продолжали свой путь.

Когда Камень остался позади, Ермаку пришлось позаботиться об экипажах и грузах с брошенных тяжелых судов. Мелководные ручьи были непригодны для спуска на воду новых стругов. Пришлось наскоро рубить деревья и мастерить небольшие плоты. Люди вздохнули с облегчением, когда за поворотом показалась речка Баранчук. Речка имела протяженность немногим более 65 километров, берега ее отличались крутизной. По Баранчуку флотилия спустилась на Тагил. Тут уже ничто не препятствовало ее плаванию. В ширину Тагил имел до 60–80 метров, в глубину — до полутора метров.

На Тагиле казаки устроили «плотбище» и спустили на воду несколько стругов. По преданию, их лагерь располагался у подножия Медведь-камня поблизости от Магнитной горы.

На сибирских реках казакам не надо было, выбиваясь из сил, идти против течения. Вода сама несла казачьи челны, подхватывая их на быстринах. Стремительно проплыв вниз по Тагилу, флотилия попала на более медленную Туру. По этой реке ей предстояло плыть наибольшее расстояние — несколько сот верст. Ширина Туры — от 80 до 200 метров, глубина — до 6 метров, дно песчаное, без порогов. Река петляет посреди открытых и плоских берегов. С Туры экспедиция попала на Тобол. Эта река протекает по болотистой и лесистой равнине. По Тоболу Ермак прошел много верст. Налегая на весла, используя паруса при попутном ветре, флотилия быстро преодолела это расстояние.

Казаки живо помнили чувство изумления, которое охватило их в неведомой стране. Не победа, а неудачи запечатлелись в их памяти.

Оказавшись за уральскими перевалами, казаки, как записывал С. Ремезов, убедились, что «Сибирская страна богата и всем изобильна и живущие люди в ней невоисты» (невоинственны).

Окружающие места казались совсем глухими и «лешими». Поселения были разбросаны по берегам рек на огромном расстоянии одно от другого. Жители смотрели на пришельцев с детским любопытством.

Казаки забыли об осторожности. Беспечность едва не довела их до беды.

Стояла поздняя осень. По берегам темнел таежный лес. Местами к самой реке подступала степь, покрытая жухлой травой. Ночью становилось зябко, и казаки, пристав к берегу, разводили костры.

На заре суда вновь трогались в путь, выслав вперед сторожевой (ертаульный) струг.

Однажды сторожевой корабль опередил флотилию на версту. В сумерках кормчий велел бросить якорь. Кругом было пустынно и дико. Дремучий лес спускался к самым берегам. Казаки не подозревали того, что притаившиеся в лесу «бусурмане» давно заметили их и крались за ними следом вдоль берега, спрямляя путь там, где река петляла. Мансийские воины появились из лесной чащи так неожиданно, что казаки не успели взяться за оружие. Струг был захвачен мгновенно. К счастью для казаков, манси не знали, что делать с захваченным судном и попавшими в их руки пленниками. Они проявили не меньшую беспечность, чем казачий караул. Им невдомек было, что за одиночным стругом движется целая флотилия.

Когда казаки с подоспевших судов подняли пальбу, мансийские воины разбежались, оставив на берегу своих пленников. Ермак выручил незадачливых караульных.

Продвижение казаков неизбежно замедлилось бы, если бы им пришлось преодолевать сопротивление местного населения. Самые достоверные источники упоминают, однако, лишь о незначительных стычках, которые не могли задержать отряд.

Черкас Александров и другие посланцы Ермака подали в Посольский приказ «сказку», известную по тексту Погодинской летописи. Они кратко и без всяких прикрас описали свое первое столкновение с татарами на реке Туре: «…догребли до деревни до Епанчины („что ныне словет Туринский острог“, добавил переписчик. — Р. С), и тут у Ермака с татары с

кучюмовыми бой был, а языка татарского не изымаша». Будучи людьми «некнижными», казаки не употребляли выражений, к которым неизменно прибегали летописцы, едва речь заходила о войне. В их «сказке» не было места ни «брани великой», ни «бою кроваву». Как люди военные, казаки подчеркнули, что потерпели в первой стычке неудачу, ибо им не удалось добыть «языка», столь необходимого в начале похода. Неудача могла иметь катастрофические последствия для всей экспедиции.

Бежавшие из-под Епанчина татары добрались до Кашлыка раньше Ермака, и «царю Кучюму то стало ведомо». Сибирский хан своевременно получил известие о появлении русских.

Черкас Александров считал, что Ермаку в конце концов помогла беспечность Кучума, который «приходу на себя Ермакова не чаял, а чаял, что Ермак воротится назад на Чюсовую». Но Черкас ошибался.

Хан знал, что русский царь, поглощенный войной на западных границах, вывел почти все гарнизоны из своих приуральских крепостей. Он спешил использовать военную слабость России и послал на Пермский край царевича Алея с ратью. Алей был старшим сыном Кучума и наследником его «царства». Он получил приказ занять Чердынь, главный опорный пункт русских в Приуралье.

Появление русских ратных людей на Тагиле и Туре позволяло думать, что в пермских городах вовсе не осталось сил. Следовательно, захватить их не составляло труда.

Кучум со дня на день ждал вестей о падении пермских городов. Как только чердынский воевода подвергнется нападению, русские должны будут немедленно отозвать своих ратников из сибирских пределов. Именно на это и рассчитывал Кучум.

Сибирский властитель разбирался в русских делах. Он знал, что ногайские князья бесчестят послов московского царя, а тот старается избежать войны с ними и шлет богатые дары. Москва не будет воевать с Сибирским ханством.

В расчеты Кучума, однако, закралась ошибка. Он не знал того, что вольные волжские казаки двинулись в Сибирь по собственному почину.

В КАШЛЫКЕ

Чем ближе подходили казаки к столице Сибирского ханства, тем больше поселений попадалось им на пути. В нижнем течении Тобола им пришлось идти сквозь татарские улусы. Тут ермаковцам удалось наконец захватить «языка». Когда татарина привели к Ермаку, он назвался Таузаком из «царева Кучюмова двора». Допросив пленника, казаки получили сведения, немало ободрившие их.

В устье Тобола казаки, высадившись на берег, разгромили юрты главного сановника Кучума Карачи. Это был богатый человек. Много запасов хранилось в его кладовых. Всего больше поразило казаков обилие меда. Его разделили так, что хватило на каждый струг. До глубокой старости ермаковцы помнили душистый и сладкий мед, который они отведали в Сибири.

Разгром казаками улуса Карачи вызвал ярость и страх в ханском дворце. Осознав грозившую опасность, Кучум разослал гонцов во все стороны. Днем и ночью они скакали от кочевья к кочевью, от улуса к улусу и везде разносили весть о войне.

По дорогам и тропам, по степному раздолью спешили к Кашлыку воины. Следом за татарами в ханскую ставку потянулись местные князьки со своими соплеменниками.

Собравшиеся воины разбили стан на пологом берегу Иртыша у Чувашева мыса. Бесчисленные костры запылали у самой воды, отражаясь огнями на бескрайней речной глади.

Кучум твердо решил покарать неверных, посягнувших на его владения. Но давно минуло время, когда он сам вел в бой своих воинов. Командовать собранной ратью поручено было брату Кучума Маметкулу.

Между тем флотилия Ермака показалась на водных просторах Иртыша против устья

Тобола. С казачьих судов можно было хорошо разглядеть берег, занятый неприятелем.

Воинство Кучума выглядело весьма внушительно, особенно издалека. Пешие и конные воины сгрудились под кручей, заполонив весь берег. Поодаль, на вершине горы, расположился Кучум с конницей. Ордынцы растянулись по всей кромке обрыва, куда доставал взгляд. Фигурки всадников, четко выделявшиеся на фоне неба, были хорошо видны казакам, сидевшим в своих стругах на реке под кручей.

Казаки живо помнили чувство неуверенности, которое они испытали при виде неприятеля, многочисленного, как морской песок.

Опытный воин, Ермак отказался от намерения немедленно атаковать врага и подал знак к отступлению. Струги развернулись один за другим и ушли вслед за Ермаковым вверх по течению Иртыша. Пройдя несколько верст, казаки высадились на берег и заняли урочище Аттик-мурзы.

Накануне решающей битвы Ермак собрал круг. Дело происходило к ночи. Вид многочисленной рати Кучума произвел сильное впечатление на молодых казаков. Некоторые из них, поддавшись панике, «восхотеша тоя нощи бежати». Отступление неизбежно привело бы к гибели всего отряда. Но Ермак не для того преодолел все преграды, чтобы отступать, будучи у самой цели.

Малодушным пришлось замолчать. И все же настроение тревоги не покидало людей.

Казакам уже приходилось встречаться с татарами в урочище Бабасан и на Карачине острове. Но все понимали, что то были лишь мелкие стычки и что главное дело впереди.

Настал конец октября. Ветры, дувшие с севера, напоминали о близкой зиме. По утрам вода в прибрежных лужах подергивалась коркой льда. Даже при желании казаки никак не могли уйти за перевалы до наступления морозов. Сибирь в любой момент могла стать для русских ловушкой.

Круг решил штурмовать Кашлык — иного выхода у казаков не было.

Прошло много лет, и находившиеся в Тобольске ветераны Ермака попытались припомнить события, разыгравшиеся некогда под Кашлыком. Архиепископские дьяки тогда же занесли их слова в синодик: «У реки Иртыша, — написали они, — на берегу под Човашею бысть с татарами первой бой октября в 26 день… и на том деле убиенным… вечная память большая».

Прошло некоторое время, и архиепископский летописец взялся за исправление старого синодика. Когда он кончил работу и отложил в сторону перо, текст преобразился: «У реки Иртыша на брегу под Човашевым, — значилось в новом списке, — бысть с татарами бой велик октября в 23 день… На том месте убиенным вечная память большая».

Ветераны твердо помнили, что бой с татарами они выдержали на Чувашевом мысу подле Кашлыка и в тот же день, 26 октября, вступили в ханскую столицу. Тобольский книжник заменил будничные слова «первой бой» возвышенными — «бой велик», а заодно исправил дату с 26 на 23 октября. В своей летописи он попытался объяснить, почему казаки не сразу вступили в покинутое татарами городище. В бою, записал он, казаки «утрудились», а потому, отступив от Чувашева, заночевали в «безопасном месте». Книжник упомянул об одном ночлеге. Где казаки провели еще две ночи, он так и не смог объяснить. Со временем летописное сочинение подверглось новой литературной обработке. На рубеже XVII–XVIII веков Ремезов описал со многими красочными подробностями, как под Чувашевым казаки «бились 3 дни без опочиву (отдыха) неотступно», затем по неизвестным причинам отошли за Иртыш, переночевали там, а утром вошли в Кашлык. Все эти подробности были скорее вымышленными.

Бой на Чувашевом мысу произошел 26 октября, и это было первое серьезное сражение с начала похода.

Битва на Иртыше оставила глубокий след в памяти народной. Кирша Данилов пел песнь о том, как «во устьях тобольских на изголове (казаки) становилися, и собиралися во единой круг и думали думушку крепку заедино, как бы им приплыть… на Иртыш-реку под самую высокую гору Тобольску». И тут у них стала «баталия великая со теми татары… и

была баталия целой день». О «баталиях» более ранних поэт ничего не знал.

Была причина тому, что Кучум решил дать бой русским на берегу поодаль от столицы.

Кашлык гордо высился над Иртышом на верху неприступной горы. Но укрепления его давно обветшали. Земляной вал осыпался, деревянные стены осели.

Чтобы не пустить Ермака к Кашлыку, ордынцы сделали засеку у подножия горы на Чувашевом мысу. За толстыми стволами поваленных деревьев они надеялись уберечься от казачьих пуль, а затем перебить ермаковцев в рукопашной схватке.

Неверно было бы думать, будто татары не знали огнестрельного оружия и гром казачьих пищалей поверг их в ужас. За несколько лет до похода Ермака Кучум обратился в Крым с просьбой прислать ему артиллерию для войны с московским царем. От Крыма до Сибири далеко. Казань была ближе. По преданию, сибирские татары получили несколько пушек из Казанского ханства до появления там русских. Источники различного происхождения сообщают о том, что одну или две пушки они установили на горе у Чувашева мыса. Однако в ходе сражения эти пушки не произвели ни одного выстрела. Казаки наивно полагали, что им удалось «заговорить» вражеские орудия. В конце концов татары столкнули орудийные стволы с кручи навстречу карабкавшимся наверх казакам, и пушки упали в воду.

Многолетние войны закалили казаков и научили использовать преимущества их вооружения. Когда казачьи струги сближались на море с вражескими судами на расстояние выстрела, казаки бросали весла и палили беспрестанно с одного борта, в то время как их сотоварищи, сидевшие подле другого борта, перезаряжали пищали. Залпы следовали один за другим. На реках казаки сражались совершенно так же, как и на море. И тут они старались поразить врагов меткой пальбой и лишь затем брались за сабли и довершали разгром врага на суше.

Кучум велел Маметкулу оборонять засеку, а сам расположился на горе.

Бой начался не слишком хорошо для русских. Дружной пальбой казаки заставили противника очистить берег и произвели высадку. Но тут им пришлось остановиться. Стрелы, выпущенные лучниками из-за засеки, падали сверху подобно дождю и заставляли казаков жаться поближе к стругам. Казачьи пушечки палили беспрестанно. Но они скорее пугали, чем побивали неприятеля.

Видя, как горстка казаков топчется на берегу в нерешительности, Маметкул велел своим воинам сделать проходы в засеке и атаковать русских. Это вполне отвечало планам Ермака, старавшегося выманить неприятеля из-за укреплений.

Казаки встретили врага убийственным огнем. Ханские воины, посланные Маметкулом вперед, разбежались после первых же пушечных залпов. Их примеру последовали манси.

Маметкул пытался собрать подле себя конницу, чтобы опрокинуть казаков, втоптать их в землю. Но шальная пуля бросила его наземь. Бежавший впереди казак едва не захватил его в плен.

Отбив предводителя, татарские воины снесли его в заросли кустарника на берегу, где была спрятана лодка. Раненого поспешно увезли прочь.

Ранение Маметкула усилило панику в ханской рати. Всадники погоняли лошадей, стремясь как можно скорее покинуть поле боя. За ними пестрой толпой бежали пешие воины. Берег, еще недавно запруженный людьми, опустел в мгновение ока.

Кучум наблюдал за боем с горы. Едва русские начали одолевать, он обратился в бегство, бросив на произвол судьбы свою столицу.

Неприятельские воины, вооруженные луками, саблями и копьями, нанесли некоторый урон отряду Ермака. Но, кажется, никто из казаков не был убит.

Казаки одержали легкую победу над многочисленным неприятелем потому, что лучшие и наиболее боеспособные силы Сибирского ханства и входившего в его состав Пелымского княжества участвовали во вторжении на Русь и еще не вернулись в Кашлык из похода.

После боя отряд Ермака беспрепятственно вступил в ханскую столицу. Там казаков

ждала богатая добыча. Захваченную соболью казну и прочие пожитки Ермак, по обычаю вольных казаков, велел разделить поровну между всеми.

Местные сибирские племена, покоренные ордынцами и плативше им дань, отнеслись к казакам весьма миролюбиво. Уже на четвертый день после бегства Кучума князек Бояр привез Ермаку в Кашлык рыбу и прочие припасы. Одновременно татарские семьи стали возвращаться в свои покинутые жилища в окрестностях Кашлыка.

Ермак одержал победу. Но торжествовать было рано. Лихой набег удался. Однако осень была на исходе, и казачья флотилия не могла пуститься в обратный путь. В ноябре грянули морозы. Сибирские реки, служившие единственными путями сообщения, покрылись ледяным панцирем. Казакам пришлось вытащить струги на берег. Началось их первое трудное зимовье.

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

Русские люди, впервые оказавшиеся на Урале и в Сибири, невольно подпадали под обаяние суровой и величественной природы края. Тобольский летописец лучше других выразил впечатления путника, перевалившего из «Российского царства в землю Сибирскую». «Камень превысочайший зело», как стена, преграждает путь в Сибирь. Некоторые из каменных гор достают «до облак небесных». На горах же растут деревья разные: кедры и прочие. «Из того же Камени реки многие вытекают». Дивным образом воды рек «камень тверд раскопа», и «бысть реки пространные и прекрасные зело, в них же воды сладчайшие и рыб различных множество».

Дикие таежные леса производили на пришельцев не менее сильное впечатление, чем могучие реки. В лесах этих «жительство имеют звери различные», и охота на них дает человеку и пропитание, и одежду, и «украшение разное». Есть там и олени, и огромные лоси, и зайцы, лисицы, соболи, бобры, росомахи и белки. На зеленых лугах произрастают «многочисленные цветы». А сколько там сладкоголосых птиц!

Когда казаки вошли в Кашлык, грянули первые морозы. Зима вступила в свои права. Кругом все покрылось глубокими снежными сугробами. Привыкшие зимовать в поле, казаки заблаговременно устроили себе теплые землянки. Леса кругом было много, и им не стоило большого труда запастись дровами на всю зиму. Казацкие зипуны плохо грели в лютый мороз. Но тут людям Ермака пригодились меха, найденные в ханской казне в брошенном Кашлыке. Такие крупные соболя и чернобурые лисы шли в Москве по самым высоким ценам. Из них «строили» себе шубы разве что бояре. Казакам не хватало ни времени, ни уменья, чтобы пошить себе настоящие шубы. Но они не жалели шкурок, чтобы утеплиться.

Пока казаки не обжились в Сибири, им приходилось затрачивать много усилий, чтобы обеспечить себе пропитание.

Ржаной хлеб и каши издавна составляли основу питания русского человека. Чтобы утолить голод, взрослому мужчине надо было много больше килограмма хлеба на день. При таком расходе наличные запасы ржи должны были истощиться очень быстро. Пополнить же эти запасы в Сибири оказалось невозможно. Пашни у татар было мало.

На Дону, Волге и Яике казаки кормились рыбным промыслом. В Сибири они также решили заняться привычным делом. Подледный лов требовал сноровки. От местных жителей казаки узнали о богатых рыбных тонях на озере Абалак в 15 верстах от Кашлыка. В первых числах декабря Ермак послал на озеро есаула Богдана Брязгу. Пребывание казаков на Абалаке кончилось трагедией.

Как значится в синодике, «безо опасенья шли они (казаки. — Р. С.) на рыбную ловлю под Абалак декабря в пятый день, и внезапно напали на них нечестивые воины и убили в том бою Окула, Ивана, Карчигу, Богдана Брязгу и с их дружиною». Тобольский летописец воспроизвел подробности боя, но опустил при этом все имена. Но московский книжник, имевший доступ к «архиву» Ермака, нашел в документах сведения, подтвердившие полную достоверность синодика. На Абалаке, записал он, погиб «есаул казаче имянем Брюзга».

Маметкул следил за каждым шагом Ермака и ждал, когда он разъединит свои силы. Татары передвигались столь скрытно, что о появлении их не знали ни Ермак, ни Брязга. То ли на подходе к Абалаку, то ли на льду озера казаки подверглись неожиданному нападению и были перебиты. Узнав о беде, Ермак бросился вслед за Маметкулом и в упорном бою разгромил его войско.

Дьяк Савва Есипов подчеркивал, что под Абалаком произошла не мелкая стычка, а «брань велия на мног час». Строгановский летописец также описывал столкновение как крупную битву, прекратившуюся лишь с наступлением ночной тьмы.

О масштабах сражения говорят потери, понесенные отрядом Ермака на Абалаке. В синодике можно прочесть следующую запись: «Той же зимы был бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день, и в том бою убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею и с их дружиною вечная память средняя». Помимо названных лиц, на Абалаке погибли также Богдан Брязга, Окул, Иван и Карчига. Тобольские казаки припомнили имена едва ли десятой части сотоварищей, погибших в сибирском походе. Из названных ими 37 имен 8 были жертвами столкновений на Абалаке.

Важные сведения о битве на Абалаке можно почерпнуть из документов Посольского приказа, составленных после прибытия в Москву Черкаса Александрова и его товарищей. Под ударами казаков, значилось в наказе 1585 года, «сибирский царь Кучум убежал в поле», после чего Маметкул-царевич, собравшись с людьми, приходил в Сибирь «на государевы люди, и государевы люди тех всех татар, которые были с Маметкулом — больше десяти тысяч, — побили…».

В Москве основательно преувеличили сведения о численности войск Маметкула. Но сомневаться в том, что на стороне неприятеля был огромный численный перевес, не приходится.

Не по своей воле Кучум оттягивал время новой битвы. Его сын царевич Алей вернулся в Сибирь вскоре после того, как казаки засели в Кашлыке. Но отборные отряды, участвовавшие с царевичем в нападении на Пермь, понесли большие потери и были утомлены переходами. Кучум дал воинам отдохнуть, прежде чем послал их с Маметкулом против Ермака.

Уничтожение отряда Брязги на Абалаке подало Маметкулу надежду на полное изгнание русских из ханской столицы.

Кашлык располагался всего лишь в 15 верстах от Абалака. Городище имело сильные естественные укрепления. Но Ермак понимал, что победу ему может принести только наступление. Реки замерзли, и казаки лишены были возможности использовать свои подвижные струги для маневров. Им пришлось сражаться в пешем строю на суше среди бескрайних снежных полей.

Бой на Абалаке был куда более упорным, чем бой на Чувашевом мысу. Ни о пленении Маметкула, ни о панике в его войске на этот раз не было речи. Казакам предстояло либо победить, либо умереть. И они победили.

Победа горстки казаков над военными силами обширного Сибирского ханства труднообъяснима. Однако надо иметь в виду, что в первых столкновениях с войсками Кучума на Чусовой и под Кашлыком Ермак нанес противнику столь мощный удар, что психологически тот долго не мог от него оправиться. Моральный фактор имел исключительное значение в войнах того времени.

Не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком окончательно определила успех сибирской экспедиции.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ

Когда казаки овладели «царствующим градом» Сибирского ханства и окончательно разгромили армию Кучума, им пришлось подумать над вопросом, как организовать управление завоеванным краем.

Долго шумели казаки, собравшись на думу в круг. Долго не утихали страсти. Наконец, положившись на Бога, атаман велел писать войсковой приговор: подвести «живущих ту иноязычных людей под государеву царьскую высокую руку» и всех их — татар, остяков и вогуличей — привести «к шерти по их верам на том, что им бысть под его царскою высокою рукою до веку, покамест Русская земля будет стояти», «и зла никакого на всяких русских людей не думать и во всем стоять в прямом постоянстве».

Так вольное товарищество казаков утвердило историческое решение о присоединении Сибири к России.

Ничто не мешало казакам учредить в Сибири порядки, отвечавшие вековечной мечте народа о воле. Никто не напоминал им о царской казне и ясаке. И все же Ермак стал управлять краем государевым именем и обложил местное население царским налогом — ясаком. Как объяснить столь неожиданный поворот событий?

Ермак и его атаманы имели большой военный опыт и понимали, что им не удержать Сибирь, если не получат они помощи — людей, запасы хлеба, свинца и пороха — из России.

Ермак и его сверстники принадлежали к тому поколению русских людей, которые основали свои поселения в глубине «дикого поля» и вынуждены были вести изнурительную, повседневную борьбу с кочевыми ордами. Они никогда не порывали связей с покинутой ими родной землей. Многолетний опыт подсказывал казакам, что только поддержка и опора государства может дать им силы и средства, чтобы выстоять в неравной борьбе.

Обращение в Москву за подмогой было для казаков вполне естественным шагом. Разбойный набег кончился. Ермак возвращался на государеву службу. Подобное решение далось без большого труда тем соратникам Ермака, которые служили в русских полках долгие годы. В ином положении оказались Иван Кольцо и его товарищи, поставленные царским указом вне закона. Обращение к Ивану IV круто перевернуло всю их жизнь.

В казачьих станицах искал прибежище всякого рода беглый люд: порвавшие со своими господами холопы и крестьяне, бывшие городские жители, стрельцы, разорившиеся мелкие помещики и другие служилые люди. Умонастроения всех этих обездоленных людей имели одну характерную особенность. Они винили во всех своих бедах своих притеснителей, лихих бояр и приказных, но не православного царябатюшку, стоявшего на недоступной взору высоте. Эти настроения не покидали народ ни в пору успехов, ни в пору бедствий, обрушившихся на страну в конце Ливонской войны.

Царь Иван IV пролил немало крови своих подданных. Он навлек на свою голову проклятия знати. Но ни казни, ни поражения не могли уничтожить популярность, приобретенную им в годы «Казанского взятия». В фольклоре Иван IV остался грозным, но справедливым государем. Не надо забывать, что Иван IV был последним царем, при котором масса народа — феодально-зависимые крестьяне — не утратила право выхода в Юрьев день и не превратилась в крепостных.

Решение ермаковцев обратиться в Москву свидетельствовало о популярности Ивана IV как среди служилых, так и в известной мере среди «воровских» казаков. Некоторые из объявленных вне закона атаманов рассчитывали покрыть «сибирской войной» свои прошлые «грехи».

Надо помнить также, что «воровские» казаки разделились уже на Яике. Самые непримиримые из них не желали служить ни царю, ни богатому купцу. Вместе со своим атаманом Богданом Барбошей они отказались идти за Ермаком. Иван Кольцо и его сотоварищи, раз подчинившись Ермаку, не выходили из подчинения товариществу на протяжении всей экспедиции.

Под какими знаменами пришли ермаковцы в Сибирь? Ответ на этот вопрос могут дать старые описи Оружейной палаты в Москве. В них упомянуто несколько знамен Ермака. Ветхие полотнища сохранились до наших дней, но, кажется, все они, за единственным исключением, сшиты были уже в XVII веке. Лишь одно, самое древнее, по всей видимости, проделало с отрядом Ермака долгий путь с берегов Яика до самого Иртыша. Знамя было синим с широкой кумачовой каймой. Кумач расшит затейливым узором, по углам знамени

— розетки наподобие цветов. В самом же центре вшиты на синем поле две фигуры из белой холстины, расцвеченной чернилами. Эти фигуры — «инрог» и лев, стоящие на задних лапах друг против друга. Царь зверей лев воплощал в себе идею могущества. Мифическое существо «инрог» изображали в виде лошади с длинным и острым рогом на лбу. То был символ благоразумия, чистоты и строгости. Как видно, в Сибири казаки Ермака сражались под тем же знаменем, что и на западных границах в грозный час вторжения полчищ Батория. Казачье знамя было много беднее воеводских. Но символы оставались теми же. Они говорили о мощи Российского государства.

КУНГУРСКИЕ «СКАЗЫ»

Анализируя «Историю» Семена Ремезова, исследователи заметили, что в ней имеются вклеенные листы, по своему содержанию и иллюстрациям отличные от основного текста. Листы имели особый заголовок «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Ученые кстати вспомнили, что в 1703 году тобольский картограф вместе с сыном ездил в Кунгур и составил чертеж этого города. Возникло предположение: не в Кунгуре ли был найден краткий Кунгурский летописец, переписанный затем рукою Ремезова и включенный им в «Историю»?

Статьи из Кунгурского летописца поражали обилием реалистических картин, относящихся к истории экспедиции Ермака. Литературоведы решили, что перед ними устные казацкие летописи, запечатлевшие в себе рассказы участников похода и сохранившиеся в устном народном творчестве.

Предположение, будто казаки из окружения Ермака вели свою казацкую летопись, шатко. Ближайшее рассмотрение Краткой летописи наводит на мысль, что Ремезов не просто скопировал найденный им в Кунгуре памятник, а в определенной мере переписал его заново. В 1697 году тобольский картограф составил Чертежную книгу. Помеченные в ней наименования многих городищ, урочищ, речек и озер находят полную аналогию в Кунгурском летописце. Может быть, Ремезов сначала записал все эти названия при картографировании местности, а несколько лет спустя нашел те же пункты в найденной им летописи? Такое совпадение едва ли возможно. Столь же невероятно, чтобы Ремезов мог составить свои карты на основе летописца, поскольку летописец был найден после составления Чертежной книги. Остается предположить, что знаменитый сибирский картограф включил хорошо известные ему названия в летопись, которую сам же он именовал Краткой.

Ремезов принадлежал к тому поколению русских людей, которые родились и состарились в XVII веке. Но даже в старости он сохранил ясную голову и удивительную восприимчивость к новому. Петровские преобразования ворвались в жизнь Тобольска подобно урагану, и Ремезов оказался среди тех, кто был увлечен потоком времени.

Прежде Ремезов тщательно собирал притчи о подвигах казаков, их постах и молитвах, чудесах святых. Кунгурская летопись явилась чисто светским по характеру сочинением. В нем начисто отсутствовали какие бы то ни было житийные мотивы. Удивительное дело, вместе с чудесами из писания Ремезова исчезли «точные» сведения насчет численности отряда Ермака, даты прибытия его в разные пункты и пр. Во всяком случае, таких данных осталось очень немного. Житийное изложение уступило место зарисовкам из жизни, поражающим своим правдоподобием.

Находка кунгурских источников послужила лишь внешним поводом к переработке «Истории». Важнее было то, что изменился сам подход Ремезова к историческому материалу. Перемена сказалась даже во внешнем оформлении труда Ремезова. Если иллюстрации к основному тексту напоминают тщательно обработанные миниатюры в традиционном условно-иконописном духе, то рисунки кунгурских листов — это небрежные наброски, которые, однако, отличаются живостью и реализмом. При работе над Кунгурским летописцем Ремезов широко использовал записи фольклора, географические и

этнографические материалы, собранные им в конце жизни при картографировании Сибири.

Составляя чертежи земель по рекам Тоболу, Иртышу и Оби, сибирский историк многократно помечал на своих картах места, связанные с походом Ермака («суда Ермаковы», «кладбище Ермаково», «Дуванной луг, Ермак с казаки дуванили на нем» и др.), а в некоторых случаях кратко записал на картах сведения, почерпнутые из бесед со старожилами. Так, возле знака урочища Кулары на ремезовской карте помечено: «Куларской Иртышака царя береговой воинской город».

В конце XVII века Ремезов объездил многие сибирские уезды в качестве ясашного сборщика. В тексте Кунгурских листов можно обнаружить сведения, связанные с этой стороной жизни Ремезова. Так, описав поход Ермака на Тавду, автор отметил, что казаки впервые собрали там «хлеб и ясак» «и тот збор первое ясачной хлеб в Тоболску, и доныне хлеб и денги и куны — то вместе — Ермакова прибору». В этом замечании сказался опыт Ремезова, служившего много лет ясашным сборщиком в тобольской округе.

В городище Тебенди татары пели песнь о побиении пяти ермаковых казаков. В тексте Кунгурских листов можно найти запись этой песни. «И о тех пяти человеках, — значилось там, — татары поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: яным, яным, бишь казак, бишь казак, сиречь: воины, воины пять, пять человек победиша и разориша. И сия песнь их словет Царицын плач». Сама форма записи песниплача, указание на «беседу» позволяют высказать предположение: не сам ли Ремезов записал татарское предание при посещении Тебенди?

Ремезов имел возможность познакомиться с богатейшей устной традицией, сохраненной как татарским населением Сибири, так и в особенности тобольскими казаками. Ветераны «сибирского взятия» сошли со сцены, но живы были их сыновья и внуки, пользовавшиеся в Тобольске известностью и уважением.

«Летопись Сибирская краткая Кунгурская» фактически является не копией старинной летописи, а последним редакционным слоем «Истории Сибирской» Ремезова. Этот слой напоминает сложный сплав, объединивший яркие и правдоподобные подробности с поздними недостоверными преданиями и вымыслом.

Отписка Ермака в Москву показывает, что казаки после взятия Кашлыка обложили ясаком окрестных татар, хантов и манси. В Кунгурском летописце ясашный поход описан в мельчайших деталях. Автор описания называет имена реально существовавших князьков, точные наименования пунктов. Но далеко не все его сведения выдерживают критическую проверку.

Тобольские ветераны помнили, что их предводитель Богдан Брязга погиб на Абалаке. Фрагменты из архива Ермака говорят о том же. Битва произошла в первые зимние дни. Из Кунгурской же летописи следует, будто Брязга благополучно пережил зиму и возглавил первый ясашный поход казаков.

Погодинская летопись сообщала, что казаки прошли до городка Назым на Иртыше и пленили там местного князька. Кунгурский летописец сообщал, будто отряд казаков доходил до Белогорья на Оби. По синодику Ермаковым казакам во время ясашного похода на Иртыш и Обь отряд понес тяжелые потери. Ветераны припомнили имена многих убитых. Автор Кунгурского летописца утверждал, будто у казаков в походе вообще не было жертв.

«Сказы», помещенные в текст Кунгурского летописца, нельзя отвергнуть. Но их нельзя принимать как целиком достоверный материал. «Сказы» могут служить своего рода иллюстрацией к строго установленным историческим фактам.

Вкратце содержание «сказа» о ясашном походе сводится к следующему. Едва кончилась зима, Ермак послал вниз по Иртышу 50 казаков на лошадях. Казаки должны были собрать ясак с татар и хантов.

Татарские улусы окружали Кашлык со всех сторон. Татары служили главной опорой ханской власти. Они оказали упорное сопротивление казакам, и те обрушили на их головы грозу. Взяв с бою «крепкий татарский городок» на реке Аремзянке в 45 верстах от Кашлыка, казачий есаул учинил расправу с «лучшими» «мергенями», чтобы навести страх на прочие

татарские улусы.

Соседнюю волость отряд прошел без всякого сопротивления. Но при дальнейшем продвижении на север казакам пришлось «учинить бой». Стычка была недолгой.

Вслед за тем казаки попали в земли хантов. Там перед казаками раскрылся неведомый мир, переносивший их в совсем иную историческую эпоху. Здесь люди не обрабатывали земли и кормились рыбной ловлей и охотой. Оружием им служил лук. Это были приземистые ростом, со скуластыми лицами люди с длинными жесткими черными волосами, в беспорядке рассыпанными по плечам. Носили они одежду, сшитую из «рыбьей кожи» с чешуей либо из звериных шкур.

Русские люди, посетившие жилища хантов в XVIII веке, так описали их: «Живут они в лесах темных над водами. Зимние юрты — деревянные в землях, аки в погребах от великих мразов; а летние юрты имеют в иных местах над водами великими токмо к лужам и пескам великим». С наступлением весны ханты покидали зимовья и переселялись в «вешние юрты», которые переносили «с места на место, смотря по местам, рыбой изобильным».

Зимним путем по льду рек и по суше конный отряд казаков добрался до реки Демьянки. Там располагался юрт союзника Ермака князя Бояра, который одним из первых стал помогать русским. В XVII веке сыновья и внуки Бояра числились «лучшими людьми» и жили на своих старых юртах. Ремезов пометил на своих картах в этом районе «Бояровы юрты». Выше княжества Бояра располагались Верх-Демьянские волости. Они находились во владении «большего княжца» Нимньюяна, враждебно относившегося к русским. Князек заблаговременно подготовился к встрече русских. На неприступной горе в «великом» и «крепком» городке он собрал 200 воинов — «татар и вогуличей и остяков». Приведенная в «сказе» цифра сильно преувеличена.

Три дня кучка казаков безуспешно штурмовала урочище и не могла попасть в него. Казаки хотели отступить, но по здравом размышлении решили биться до конца и «думали, как взять (городок. — Р. С.), ибо (пришла. — Р. С.) распутица ходу (на дорогах. — Р. С.) и голод близок». Распутица приковала казаков к месту. Наступила трудная пора. С Аремзянки есаул послал Ермаку «запас хлеба и рыбы», но его хватило ненадолго. Кашлыку грозил голод, и казаки решили в последний раз попытать счастья. На этот раз штурм удался. «Великий городок» пал. Князьки «мнози разбегошася с роды в домы своя». Русские привели население к присяге, никого не наказывая.

На Демьянке казаки оставались до тех пор, пока Иртыш не очистился ото льда. Ледоход на Иртыше приходится на апрель. В обычное время река имеет ширину более километра. В пору весеннего половодья вода заливает берега на 5—15 километров, уровень воды поднимается на несколько метров.

У Демьянки береговая полоса поросла густыми лесами. Казаки нашли тут в изобилии материал для строительства судов. Построив несколько легких стругов, они отправились в плавание по Иртышу. Племена, обитавшие там, знали о появлении чужеземцев, но ждали их к себе много позже. На берегах реки Рачи, притоке Иртыша, они собрались для жертвоприношений, чтобы умилостивить своих богов. Их шаманы обошли все окрестные юрты, собрали многочисленные дары и как раз завершили все приготовления к пиршеству. Встреча была неожиданной как для казаков, так и для хантов. Пока казаки разворачивали струги и высаживались, берег опустел. Ханты попрятались в частый ельник все до одного. Подле священной рощи остались только жертвенные животные. Казаки оставались на Раче целые сутки, рассчитывая, что ханты вернутся на берег. Но беглецы словно растворились в лесу.

Весть о появлении в святилище чужеземцев распространилась по всей округе. Шаманы призывали богов истребить дерзких пришельцев, вырвавших из их рук плоды сбора. Надеясь на помощь разгневанного идола, старейшины и воины племени решили устроить засаду в теснинах ниже устья Рачи. Там, где Иртыш вплотную подходит к обрывистому берегу, хантские воины устроили завал, сбросив в реку несколько высоких деревьев. Когда течение стремительно вынесло казачьи струги из-за поворота и почти вплотную прибило их к

обрыву, ханты показались из укрытия и стали «хапать» лодки крюками. Неожиданное нападение вызвало минутное замешательство среди казаков. Но затем они, бросив весла, схватились за пищали и дали залп. «Крючники» тотчас бросились наутек.

За поворотом реки казаки нашли городок, покинутый воинами. Женщины и дети в страхе ждали появления невиданных людей, «повелевавших молниями». Они бегали по опустевшему урочищу с криками и плачем. Когда наступил вечер, мужчины племени стали собираться в городке, «един по единому, оглядываясь». Тут они убедились в том, что казаки «не бьют жен их и детей, точию ласкают». Казаки оставили в покое «вымышленников», участвовавших в нападении на казачью флотилию, не причинив им ни малейшего вреда.

В 15 верстах от устья Иртыша казачьи струги остановились у островов, против Самарской протоки. Берег Иртыша тут был крутым и обрывистым. «Самарские горы, — писали впоследствии русские путешественники, — зело высоки и круглы суть, будут кругом верст с двадцать». Земля тут бесплодна: болота, да озера, да мелкий камень, а лес мертвый и непроходимый. На самой высокой из Самарских гор располагалось урочище, окруженное земляным валом. Следы его сохранялись до XVII века.

Местный князек Самар призвал на помощь восемь других князьков и засел в урочище на горе.

Казаки подплыли к городищу на заре, когда караулы остяков еще спали. Разбуженные ружейной пальбой, князьки и воины разбежались. Самар и его ближние родичи погибли в стычке. Казаки провели на городище неделю и привели к шерти население волости.

В ходе ясашного похода на Обь ермаковцы нашли себе союзников в лице кодских хантов. По своей территории Кода далеко превосходила волости, располагавшиеся по нижнему Иртышу. На Коде обитало, по-видимому, большое племя, распадавшееся на роды. Родам соответствовали 12 городков.

Когда к казакам в их стан явился «большой» кодский князь Алачей, те объявили о передаче ему власти над всей округой: «постави князя большего Алачея большим, яко богата суща, и отпусти со своими честно». В качестве союзников России наследники Алачея продолжали владеть Кодой вплоть до середины XVII века.

С Иртыша казачья флотилия попала на Обь. Перед глазами казаков простиралась бескрайняя водная гладь.

На Оби казаки дошли до Белогорья. Здесь они провели три дня. Видя «много пустого места и жилья мало», есаул принял решение о возвращении в Кашлык.

НА МОРЕ СТУДЕНОМ

Ивану IV осталось жить считаные месяцы, когда в Москву прибыли два посольства. Одно привезло царю письмо Ермака из Сибири, другое — послание английской королевы.

Никто не обратил внимания на людей, чья одежда находилась в самом плачевном состоянии. За время далекого путешествия их диковинно сшитые кафтаны порвались во многих местах и покрылись пылью, грязью. Казакам пришлось долго обивать пороги приказов, прежде чем их допустили во дворец.

Совсем иначе встречали в Москве английское посольство. Посланцы Думы встретили иноземцев в поле за стенами города. На улицах, по которым проследовал кортеж, стояли стрельцы в красных платьях.

Спешившись на площади, посол королевы сэр Джером Боус торжественно проследовал во дворец.

Шествие привлекло множество зрителей. Кто теснился на улице, кто забрался на крышу. По временам из толпы слышны были выкрики. Один из членов английского посольства успел расслышать слова, повторявшиеся всего чаще.

«Карлуха, журавлиные ноги!» — кричали москвичи при виде посла. Торжественная поступь долговязого Джерома Боуса, высоко поднимавшего ноги в чулках и башмаках, забавляла толпу более всего.

В конце Ливонской войны английская купеческая компания продала русским немало военного снаряжения. В награду купцы рассчитывали добиться от царя новых привилегий и льгот.

На аудиенции в Кремле Боус просил Ивана даровать компании исключительное право на торговлю в северных русских портах и посылку кораблей в устья Мезени, Печоры и Оби.

Завязав широкие торговые связи в России, члены компании стали исподволь с большей настойчивостью собирать сведения о Сибири. Купец Антоний Дженкинсон много раз беседовал с холмогорским моряком Федором Топтыгиным и выведал у него все, что тот знал о далекой Мангазее. С его слов он записывал сведения о приобских самоедах. Товары у них — соболя, белые и черные лисицы. Драгоценную пушнину можно было приобрести в Сибири за бесценок.

Некогда Иван IV поощрял планы открытия морских путей в Китай и Индию. Но эти планы не были осуществлены, и царь не верил более заманчивым обещаниям английских купцов.

Когда же компания стала хлопотать о заведении торга в Сибири, московские власти забили тревогу.

Выслушав посла Боуса, бояре отклонили его домогательства. Их приговор был кратким и категоричным: «А о реке Оби, да о Изленде реке, да о Печоре реке о тех урочищах им отказать».

Беседуя с послом, Иван IV откровенно объяснил причины отказа. Морские пристанища — «Печора, да Изленди, да река Обь, — заявил царь, — те места в нашей отчине очень далеки» от тех мест (на Белом море), где пристают английские гости; и настоящих морских пристанищ в тех отдаленных местах нет, так что приставать англичанам там «не пригодитца»; главное же — «в тех местах ведутца соболя да кречеты; и только такие дорогие товары, соболя и кречеты, пойдут в Английскую же землю, и нашему государству как бес того быти?»

Казна не желала делиться с англичанами выгодами торга редким сибирским товаром. Но иностранные купцы, зачарованные сказочной прибылью, готовы были преступить любые запреты.

Приказные люди не сразу уразумели значение известия, доставленного в Москву Черкасом Александровым. Но даже они не скрыли изумления при виде соболиной казны, привезенной из Сибири.

Появление в Москве «сибирских» казаков с драгоценной пушниной произвело сильнейшее впечатление на жителей Иноземной слободы. Купцы обсуждали захватывающую новость во всех подробностях.

Предприимчивый приказчик Московской компании Антоний Мерш спешил использовать случай, чтобы умножить личное состояние. Он тайно договорился с четырьмя поморами-промышленниками из Холмогор. 21 февраля 1584 года поморы сообщили Мершу, что для осуществления его проектов необходимо снарядить два морских судна русской постройки с командой по десять человек на каждом. «Если ты хочешь, чтобы мы поехали к устью Оби морем, — писали холмогорские мореходы, — то мы должны пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея, и ты можешь убедиться в том, что от острова Вайгач до устья Оби не очень трудно проехать». Поморы сообщали англичанину подробные сведения о югорских и мангазейских самоедах, о навигации в устье Оби. Письмо не оставляло сомнения в том, что и морские, и сухопутные дороги в Сибирь были им хорошо известны.

Нарушив закон, Мерш послал на Обь своего русского слугу Богдана с запасом товаров, предназначенных для меновой торговли с самоедами. На кочах холмогорских промышленников Богдан благополучно добрался до Сибири и вернулся в Москву с партией мехов, оцененной в тысячу рублей. Однако московские власти сурово пресекли незаконную торговлю. Богдан подвергся порке и попал в тюрьму. Привезенные им собольи меха были конфискованы в казну.

Из письма двинских мореходов Мерш впервые узнал о том, что «некогда ваши люди (европейцы. — Р. С.) уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их».

Сведения о гибели неизвестного западноевропейского корабля в устье Оби подтвердились после того, как в Москву был привезен пленный сибирский царевич Маметкул. Агент Московской компании Джером Горсей беседовал с ним и записал следующее: «Я слышал от него, что в их земле были некие англичане или, по крайней мере, такие люди, как я, взятые ими с кораблем, пушками, порохом и другими богатствами за два года до того». Никто не знает, кому принадлежал корабль, потерпевший крушение в устье Оби. Скорее всего, его снарядили и послали на восток купцыавантюристы, нарушившие царский запрет.

Неизвестные западноевропейские мореходы были поголовно истреблены на Оби подданными Кучума в то самое время, когда Ермак появился в Зауралье.

Строгановы были более удачливы в своих морских предприятиях, чем иноземные купцы. Один из их слуг, некий Оливер Брюнель, имел случай в этом убедиться.

Уроженец Брюсселя, Брюнель прибыл по торговым делам в Холмогоры, где был арестован по наветам англичан. Заподозренный в шпионаже, бельгиец провел в тюрьме в Ярославле несколько лет. В дальнейшем Строгановы поручились за него перед властями и из тюрьмы взяли к себе на вотчинную службу.

Вместе с людьми Строгановых Брюнель дважды побывал на Оби. Первый раз он ездил туда сухопутьем через страну самоедов, а второй раз — морем «вдоль берегов реки Печоры на восток».

Торговля с сибирскими племенами приносила Строгановым огромные барыши, и они старались окружить тайной все свои зауральские экспедиции. Брюнель попал в круг посвященных лишь после того, как стал слугой русских солепромышленников.

Решив наладить регулярную торговлю по морю, Строгановы приступили к строительству морских кораблей на верфях в устье Двины. По словам Брюнеля, два таких корабля были построены русскими плотниками под присмотром пленных шведов. Доверяя Брюнелю, солепромышленники послали его в Антверпен, снабдив достаточными средствами. Брюнель должен был нанять искусных лоцманов и моряков, которые за щедрое вознаграждение согласились бы отправиться в Россию и поступить на службу к Строгановым.

На западных русских границах шла война, и Брюнелю пришлось пережить немало, прежде чем он добрался до датских владений. Там он познакомился с купцом, снабдившим его рекомендательным письмом к Меркатору.

Прославленный европейский космограф достиг преклонных лет. За спиной у него была трудная жизнь. Меркатору пришлось отведать тюрьмы. Он едва вырвался из рук святейшей инквизиции. Не по своей охоте покинул он родной край и переселился в тихий немецкий городок на Рейне. Беды его довершила чума, унесшая в могилу двух детей.

Невзирая на напасти, Меркатор до глубокой старости сохранил неиссякаемую любознательность и смелый дух исследователя. Он жадно следил за всем, что происходило в самых дальних концах земли. Дом Меркатора всегда был открыт для путешественников, вернувшихся из далеких странствий.

Знаменитый автор «Космографии» принимал деятельное участие в разработке проектов отыскания восточного морского пути в Китай. Его не оставляла надежда на то, что проект будет осуществлен еще при его жизни. С почти что юношеской верой старый географ писал в своих наставлениях английским навигаторам: «Плавание в Китай северовосточным проходом весьма удобно и легко, и я часто удивлялся, что, столь успешно начав его осуществление в этом направлении, его оставили, чтобы повернуть паруса на Запад».

Оливер Брюнель всецело разделял уверенность фландрского ученого и мечтателя. Беседуя с купцами, он неустанно твердил, что «северо-восточный проход в Китай, без

сомнения, очень короток и легок». Вернувшись на родину, Брюнель сумел заинтересовать многих рассказами о далекой Сибири. Правда, сам он немного видел, и ему постоянно приходилось ссылаться на чужие свидетельства.

Строгановы поручили Брюнелю нанять к ним на службу опытных навигаторов. Но тот не выполнил их наказа. Брюнель решил основать собственное дело и заняться прибыльной торговлей с Сибирью. Он пытался заручиться помощью знакомых ему купцов.

Беглый приказчик уверял будущих компаньонов, что приведет корабль с товарами в устье Оби, если будут соблюдены два условия, необходимые для успешного путешествия. Вопервых, надо обзавестись всем необходимым снаряжением, включая запас продовольствия, и, во-вторых, в его команду надо нанять неких «хорошо известных» ему русских людей (слуг Строгановых), «которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с рекою Обью, так как ездят туда из года в год». Брюнель был человеком практичным и хорошо усвоил уроки путешественников. Он считал, что добьется успеха с помощью опытных русских мореходов. В дни службы у Строгановых Брюнель завязал дружбу со многими поморами и теперь рассчитывал использовать давние связи.

Прошло несколько лет, прежде чем Брюнель смог снарядить корабль и отправиться к берегам далекой Сибири. К тому времени он поступил на датскую службу и поселился в Бергене.

В своем путешествии на восток Брюнель достиг острова Вайгач. Его корабль тщетно пытался пройти в Карское море. Льды вынудили его лечь на обратный курс. Неподалеку от устья Печоры судно село на мель. Незадачливый навигатор едва избежал гибели.

Пока продолжалась сибирская экспедиция Ермака, западноевропейские мореплаватели не оставляли попыток освоить морские пути в устье Оби. Но добиться цели никому из них не удалось.

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

Заняв столицу Сибири, казаки рассчитывали получить немедленную помощь из Москвы. Но шли долгие месяцы, а подкреплений все не было. Приходилось рассчитывать лишь на свои силы.

Успех сопутствовал Ермаку, потому что он умел внушить своей дружине уверенность в победе. Среди врагов же царил раздор. Могущество царевича Маметкула при ханском дворе давно вызывало зависть его недоброжелателей. Некий Сеин Бахта лишь ждал случая, чтобы свести с ним счеты. Сохранилось предание о том, что Сеин Бахта Тагин принадлежал к окружению Кучума и служил при нем «большим ясашным мурзой», то есть ведал сбором ясака в ханскую казну.

Сеин Бахта дал знать казакам, что Маметкул разбил свои кочевья на реке Вагае, всего лишь в ста верстах от Кашлыка.

Ермак оценил важность известия и поспешил использовать оплошность царевича. Он отобрал до полусотни «резвых» людей и без промедления выслал их на Вагай. Отряд шел без роздыха, не останавливаясь на привал. Наконец казаки обнаружили кочевья Маметкула. Ночь не кончилась, и в юртах люди еще не пробудились ото сна. Лишь немногие были на ногах. Рабы разжигали костры, чтобы готовить пищу. Женщины спешили за водой. Пастухи хлопотали подле лошадей.

Когда казаки ворвались в ханский лагерь, там поднялся переполох. Стража слишком поздно схватилась за оружие. Казаки успели окружить шатер, стоявший посреди лагеря. Поднятый с постели Маметкул не успел вскочить на лошадь. Вместе с царевичем в руки казаков попала большая добыча.

Когда Маметкула доставили в Кашлык, Ермак встретил пленника с почетом и долго беседовал с ним через переводчика. Казацкий предводитель знал о том, что в Москве охотно принимают на службу и жалуют иноземную знать, откуда бы она ни прибыла. Поэтому он старался склонить Маметкула к переходу на царскую службу. Последующие события

показали, что старания Ермака не пропали даром.

На протяжении многих лет Маметкул возглавлял войска Сибирского ханства. Кучум поручал ему руководство крупнейшими военными экспедициями. С пленением Маметкула из рук Кучума как бы выпал меч.

Когда Кучум убил Едигера и сверг старую династию, ему понадобилось семь лет, чтобы силой и хитростью подчинить сибирских мурз и укрепиться на троне. Поражение Кучума привело к тому, что междоусобная борьба в среде татарской знати возобновилась.

Племяннику погибшего Едигера Сеид-хану удалось в свое время спастись и укрыться в Средней Азии. Прослышав о неудачах Кучума, он вернулся в южные пределы Сибири и стал угрожать узурпатору местью.

Предчувствуя новые междоусобия, знать стала спешно покидать ханский двор. От Кучума отвернулся даже его верный Карача. К тому времени, как тобольские книжники начали записывать воспоминания сподвижников Ермака, имя сибирского «карачи» было прочно забыто. Под пером летописцев титул «карача» непроизвольно превратился в имя собственное. На самом деле в Крыму, Ногайской орде и других татарских улусах этот титул носили главные сановники хана, принадлежавшие к самым знатным и могущественным родам.

Карача владел одним из лучших улусов Сибирского «царства». Его ставка располагалась в самом устье Тобола, в непосредственной близости от столицы. Казаки дознались, что Карача был любимым советником и что в его ведении находились ханские мастерские, изготовлявшие «царю пансыри и кольчуги и всякую ратную збрую». Когда Карача узнал о том, что Сеид-хан объявил войну Кучуму, он решил покинуть неудачливого хана. Отказавшись повиноваться приказам Кучума, он со всем своим родом, воинами, кибитками и рабами ушел на юг к Чулымскому озеру и стал кочевать между Тарой и Обью. Вскоре Караче удалось привлечь на свою сторону многих мурз и он повел свою особую войну с Ермаком.

На огромной территории Сибирского «царства» обитали редкие и малочисленные племена, завоеванные татарами и связанные с ними одними лишь даннические отношениями. Внутренне непрочное ханство стало распадаться, не выдержав столкновения с казаками.

Некоторые местные племена и их князьки перестали признавать власть Кучума после первого же его поражения.

Хантский князек Бояр со своим родом стал помогать казакам тотчас же после появления их в Кашлыке. Со времени похода казаков на Обь надежным союзником Ермака стал князь Алачей со своим племенем. Несколько позже в Кашлык прибыли мансийские князьки Ишбердей и Суклем. Согласно преданиям, эти князьки, жившие в недоступных местах за Яскалбинскими болотами, добровольно признали власть Ермака и привезли ему ясак. Казаки отпустили их с честью, после чего Ишбердей оказал им много услуг. Он привел к покорности русским других мансийских князьков и «пути многи сказа, и на немирных (князьков. — Р. С.) казаком вожь изрядной был и верен велми».

Помощь со стороны местного населения имела для экспедиции неоценимое значение. Горстка казаков не могла бы в течение двух лет держаться среди враждебного населения.

Фольклор хантов донес исторические предания о Ермаке. Замечательно, что в памяти хантов сохранились воспоминания не только о длительной и упорной войне с Ермаком, но и о мирных отношениях с ним. На протяжении веков сказители передавали из уст в уста песнь о мире между остяками и Ермаком: «Остяки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришел, то наш вождь встретился с ним, встали напротив друг друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружье: тот нашему ружье, а наш — лук». Другой «сказ» хантов гласил: «Когда Ермак (то есть его люди) пришли в Айполово, решили не трогать остяков, а дать им решить: покориться или воевать. В Айполово семь шаманов собрались и сказали своему народу: „Дайте нам семь дней подумать!“ Посовещались с богом и решили подчиниться и платить дань».

…Экспедиция затягивалась, и силы Ермака таяли из месяца в месяц. Болезни и стычки с татарами приводили к невосполнимым потерям. Казаки могли успешно сражаться с превосходящими силами, пока в изобилии имели порох и свинец. Но вскоре отряд израсходовал почти все боеприпасы и, таким образом, утратил свое главное преимущество перед врагами, не имевшими огнестрельного оружия. В такой обстановке Ермак предпринял поход на Пелым.

На старости лет тобольские ветераны любили вспоминать, как они «свободными стопами» ходили с Ермаком по всему Сибирскому «царству». Некоторые дополнительные сведения об их походах Семен Ремезов почерпнул в неизвестном памятнике, найденном им в Кунгуре и позднее переработанном им в так называемый Кунгурский летописец. Не все было понятно тобольскому историку в обнаруженной им рукописи, подробно рассказывавшей об экспедиции Ермака вглубь Пелымского княжества.

Следуя кунгурскому источнику, Ремезов начал с того, что дополнил текст своей «Истории» краткими сведениями о том, что после взятия Кашлыка и похода на Обь казаки «ездили воевать по Тавде». Но затем он обратил внимание на то, что Ермак отправился по Тавде к Пелыму не из Кашлыка, а с Карачина улуса на Тоболе и туда же вернулся после похода. Неверно истолковав эту подробность, историк пришел к ошибочной догадке, согласно которой казаки ходили на Тавду и Пелым до занятия Кашлыка.

Ремезов снабдил составленную им Кунгурскую летопись многими подробностями, касавшимися хорошо известных ему географических пунктов, местных святилищ и шаманских обрядов. Но его рассказ нельзя воспринимать как достоверный отчет о происшедшем. Скорее это живая иллюстрация, составленная на основании поздних преданий.

Известие Кунгурского летописца о выступлении Ермака из Карачина улуса достаточно правдоподобно. Городище Кашлык оказалось непригодным для того, чтобы пять казачьих сотен могли разбить в нем свой лагерь. Поэтому, заняв Кашлык, Ермак в дальнейшем перенес свое зимовье на Карачин остров на реке Тобол. Тем самым он обезопасил себя от внезапных нападений. Ни одна сибирская летопись не упоминает о Карачине острове. Но сомневаться в достоверности известий о нем не приходится. В Атласе Ремезова 1697 года помечены озеро и остров Карачинский на реке Тобол неподалеку от ее устья. По словам Г. Миллера, Карачинское озеро располагалось в 16 верстах от Тобольска и по форме представляло овальную дугу, концы которой почти сходились, соединяясь с Тоболом протокой. Озеро это, добавил Г. Миллер, «называется еще поныне по-русски Карачиным озером, а по-татарски Карача-куль».

Покинув Карачин остров, флотилия казаков устремилась на Тавду и Пелым. Судя по Кунгурской летописи, Ермак спешил, «восхотоша» вернуться «вспять на Русь». Свидетельство летописца вызывает сомнения.

Предполагал ли Ермак отказаться от первоначальных планов и навсегда покинуть Сибирь? Если бы дело обстояло так, то казаки двинулись бы не на Пелым, а на Обь и беспрепятственно ушли бы на Русь старыми, проторенными путями через Печору. На этом пути казакам пришлось бы иметь дело с союзниками и населением, принесшим присягу — шерть. На самом деле Ермак выбрал не самый легкий, а самый трудный путь. На Тавде располагалось Пелымское княжество, без сомнения, самое сильное из мансийских объединений, в течение многих лет ведшее войну сначала с Кучумом, а затем с русской Пермью.

Аблыгерим был для казаков едва ли не самым опасным противником после Кучума. По сведениям Строгановых, воинственный пелымский князь будто бы имел до 700 воинов. На самом деле воинские силы Пелымского княжества были менее многочисленными. На конец XVI века на Пелыме, Конде и Тавде числилось немногим больше 500 ясачных людей. В районе Тавды манси возделывали землю, но пашня их была невелика по размерам.

Если бы Ермак попал в затруднительное положение в Кашлыке, Аблыгерим немедленно нанес бы ему удар в спину, перехватив пути через Тобол и Туру на Русь.

Разгром Пелымского княжества позволил бы казакам привести к шерти население восточной части Сибирского ханства, а главное, овладеть самым удобным путем из Сибири на Русь. На Тавде казаки могли получить иемного хлеба, отсутствие которого им ничто не могло возместить.

Война с Пелымским княжеством оказалась трудной и кровопролитной. Пройдя по полноводному Тоболу около сотни верст, казацкая флотилия вошла в устье Тавды. Река эта имела в ширину до 120 метров. Берега ее были довольно высокими.

Местный князек Лабута собрал окрестных князьков и смело выступил навстречу казакам. Стычка была недолгой. Мансийские воины отступили. Весть о появлении русских облетела Тавду.

Устроив засаду, манси подстерегли ермаковцев и стали поражать их метко пущенными стрелами. В бою пролилось немало русской крови. Но казаки жестоко отомстили за свои раны.

Следуя вверх по Тавде, Ермак достиг святилища Чандырь. Жившие здесь племена покорились ему — одни с боем, другие добровольно. В знак покорности старейшины принесли в казачий лагерь ясак. В плен к Ермаку попал есаул Ичимх.

Казаки вплотную приблизились к Пелыму, где находился князь Аблыгерим. Но штурмовать его укрепленное городище Ермак не стал, решив уберечь от новых потерь свой малочисленный отряд.

Казацкого вождя смутили показания манси, захваченных на Тавде. Все они в один голос твердили, что никакого пути с Пелыма на Русь нет: «И по допросом пути нет за Камень в Русь». Мансийские шаманы старались уверить казаков в том же самом. Переводивший их речь толмач заявил Ермаку: «Через Камень, хотя и думаешь, не пройдешь: дороги нет!»

Местные манси знали о существовании лозвинского пути из Зауралья в Пермь. Что же заставляло их давать казакам неверные сведения? Как видно, пелымских жрецов и старейшин вполне устраивало присутствие казаков в Кашлыке: они не желали восстановления власти Кучума в их владениях. Чандырский жрец с уверенностью предсказал Ермаку победу над Кучумом. «И о том, — наивно отметил Кунгурский летописец, — идольское пророчество сбылося, а о смерти его (Ермака. — Р. С.) не сказал».

Вынужденные повернуть с Пелыма вспять, казаки собрали с вогуличей «хлеб в ясак», и «тот збор, — отметил Ремезов, — первое ясачной хлеб в Тоболску и доныне хлеб и денги и куны — то вместе — Ермакова прибору».

Казаки не вернулись в Кашлык, а остались зимовать на Карачине острове. Туда они «провадше в зимовье» свои струги с хлебом и прочими «припасами». Вогуличи (манси), сопровождавшие обоз, были отпущены из Карачина восвояси.

Тобольские церковники, первыми описавшие экспедицию Ермака, постарались представить казаков как подвижников, пострадавших во имя православной веры. Архиепископ Киприан велел составить синодик ермаковым казакам, из которого следовало, что сам Бог дал ермаковцам силу, чтобы победить басурман (татар) и язычников (ханты и манси), «разорить их богомерзкие и нечестивые капища».

В жизни, однако, Ермак и его сотоварищи очень мало походили на православных миссионеров. Издавна повелось так, что на вольных окраинах собирались люди самой различной национальной принадлежности и вероисповедания. По этой причине казакам был чужд религиозный фанатизм. Оказавшись в Сибири, они не проявляли никаких поползновений к разрушению языческих капищ и христианизации края. Положив ясак на татарские улусы, казаки стали приводить население к присяге не по христианскому, а по казацкому обряду. В знак верности царю их предводитель велел татарским «мергеням» целовать окровавленную казацкую саблю.

Во время своих долгих «хождений» по Сибири ермаковцы с детским любопытством разглядывали идолов, амулеты и священные камни, которым поклонялись местные племена. Поверье насчет чудесных камней, «производящих погоду», было распространено в Сибири

особенно широко. Шаманы искали священные камни в горах, во внутренностях лося и карася, в деревьях, куда они будто бы падали прямо с неба. С помощью камней колдуны напускали дождь, стужу и снег.

Однажды казаки попали в Ташаткан. В переводе с татарского это название значило: «камень, который бросили». Согласно кунгурским «сказам», Ташаткан возник на том месте, где с неба на землю «спал» камень. На вид камень был багровым, по размерам превосходил воз с санями. Жители Ташаткана говорили ермаковцам, что от их небесного камня восходят то дождь, то снег и мороз.

Если верить кунгурским «сказам», Ермак не раз посещал языческие мольбища и в трудных обстоятельствах обращался к шаману за советом. Попав в «великое болванское моление» в Чандыре, он спросил колдуна, суждено ли ему пройти за горы на Русь. Шаман дал Ермаку отрицательный ответ и посоветовал поскорее вернуться в Кашлык: «Про возврат (на Русь. — Р. С.) Ермаку тот же шейтанщик сказал, что воротится на Карачино озеро (под Кашлык. — Р. С.) зимовать…»

Манси верили в то, что шаманы наделены сверхъестественной силой, позволяющей им предсказывать будущее. Этнографы XVIII века детально описали шаманские прорицания. «Волхв», по их словам, приказывал связать себя и бросался на землю, после чего присутствующие начинали неистово кричать, ударять в котлы и доски. Колдун отзывался на крики, делая «харей» разные «чудообразия» и бормоча заклинания. В чуме разводили «великий» огонь, курившийся дымом. Едва шамана обволакивал синий туман, он вскакивал в беспамятстве и метался, словно угорелый. Очнувшись, шаман рассказывал о своем свидании с духами и просвещал сородичей насчет их будущего.

Казаки повидали в Сибири немало кумиров и идолов. На глаза им не попала разве что «золотая баба». Слухи об этом великом идоле проникли в Европу за двести лет до похода Ермака. Прославляя подвиг Стефана Пермского, поселившегося в Приуралье, летописец под 1398 годом записал, что святителю пришлось жить среди неверных, молящихся «идолам, огню, и воде, камню и золотой бабе». Более чем через сто лет митрополит Симон в послании пермичам вновь упомянул о поклонении местных племен «золотой бабе».

С христианизацией Пермского края следы идолища исчезли. Золотую бабу теперь стали искать в Сибири. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посетивший Москву в начале XVI века, записал, что за Уралом при устье Оби стоит идол «золотая баба», в виде некоей старухи, которая «держит в утробе сына и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук».

Согласно «сказам», казаки впервые услышали о золотом идоле от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде городища на реке Демьянке. Чуваш, попавший в Сибирь в качестве пленника татар, немного говорил по-русски. С его слов ермаковцы узнали о том, что в осажденном ими урочище ханты молятся идолу — «богу литому золотому, в чаще сидит», а идол-де «поставлен на стол и кругом — горит жир и курится сера, аки в ковше». При этом чуваш не мог вразумительно ответить на вопрос, откуда взялся золотой идол. Описанный им обряд моления был скорее всего стилизованным изображением хорошо известного обычая хантов «пить с золота воду» при заключении договоров или принятии важных решений.

Согласно «сказам», казаки вторично услышали о «золотой бабе», когда попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое хантами капище: «жрение (священнодействие. — Р. С.) и съезд великий».

Казакам и на этот раз не довелось самим увидеть хантского бога. При их приближении жители спрятали «болвана», как и всю прочую сокровищницу — «многое собрание кумирное». Казаки постарались расспросить хантов и на основании их слов составили описание идола: «На Белогорье у них молбище болшее богине древней — нага с сыном на стуле седящая».

Автор одного из первых этнографических сочинений о Сибири Григорий Новицкий вслед за казаками безуспешно разыскивал хантских идолов. Ему не удалось найти «золотую

бабу», но он видел и подробно описал «болвана», названного им «обский старик». Идола хранили в мольбище «на усть Иртыша прежде (не доходя. — Р. С.) Самарова града», в тех местах, где побывали казаки Ермака. Старик обский (или «мнимый бог рыб») имел вид доски с носом-трубой, малыми рогами на голове и золотой грудью. Ханты тщательно закутывали его в «червленную одежду» и рубища. Отправляясь на промысел, ханты ели священную уху, предварительно помазав ею «бога рыб». Если им не везло и они возвращались с моря без рыбы, они принимались колотить идола и оплевывать его. Когда промысел налаживался, они как ни в чем не бывало вновь оказывали ему почести. В крайней нужде ханты не только били своих золотых «стариков» и «старух», но и «отнимали» у них кусочки золота, чтобы выжить в трудную годину.

В кунгурских «сказах» причудливо смешались правда и вымысел. Разделить их нет возможности. И все же нельзя усомниться в том, что вольные казаки не были православными фанатиками. Православным священникам не нашлось места в их отряде. Они не постились по сорок дней.

В «сказах» по временам слышен отзвук живых воспоминаний. Предание увековечило неповторимую фигуру старца, не отступавшего от Ермака ни на шаг. Про него говорили, что он «круг церковный справно знал» и «правило правил». Никто не мог исповедать смертельно раненного, кроме него. Но был старец всего лишь беглым монахом, «ходил без черных риз».

Вольные казаки вели жизнь, полную опасностей и ратных трудов. Товарищество назначало каждому свое дело. Старец-бродяга вел у Ермака счет припасам и «каши варил». Он не даром ел свой хлеб.

Оказавшись среди мусульман и язычников, казаки не пытались навязывать кому бы то ни было свою веру. Веротерпимость помогла им наладить отношения с местным населением и пережить две трудные зимы.

ПОСОЛЬСТВО В МОСКВУ

Путь в низовья Оби интересовал Ермака с первых дней его пребывания в Сибири. Со слов опытных уральских «вожей» казаки знали, что приказчики Строгановых многократно ездили с товарами печорским путем в низовья Оби.

С наступлением лета 1583 года из Кашлыка в Москву выехала станица из 25 человек. На одном или двух стругах казаки повезли царю собранный ясак — пушнину. Погодинская летопись, включившая в себя фрагменты из «архива» Ермака, весьма точно обозначила тот путь, которым станица проследовала в Россию. «…Доплыша по Иртишу реке вниз, — записал летописец, — и по великой Оби вниз же и черес Камень прошли Собью же рекою в Пусто-озеро; тута ж (шел) казак Черкас Александров».

Гонцы Ермака прибыли в Москву в самое неподходящее время. В свои пятьдесят три года Иван IV казался преждевременно одряхлевшим человеком. Его все больше одолевали болезни. Все его тело оплыло, и он с трудом передвигал ноги. Во дворце и за пределами Кремля все чаще говорили о том, что дни царя сочтены. Всех занимал один и тот же вопрос: кто наследует корону Ивана?

Среди придворных временщиков борьба за власть началась задолго до того, как государь испустил дух.

Десять лет служил царю верой и правдой Афанасий Нагой. Само имя его внушало страх боярам. Малейшая прихоть государя была для него законом. Но едва Иван объявил о завещании царства сыну Федору, преданность Нагого заколебалась. Вместе со своей племянницей, царицей Марией, Афанасий Нагой давно строил планы возведения на трон царевича Дмитрия. Интриги Нагих вызвали гнев царя, и он не включил любимца в число душеприказчиков.

Не попал в опекунский совет и Борис Годунов, шурин царского наследника. Царевич Федор любил свою жену, Ирину Годунову, но их брак был бесплодным. Царя страшила перспектива пресечения старшей законной ветви династии, и он готовился развести сына с

Ириной. Но гибель первенца, царевича Ивана, вспоминалась ему как кошмарный сон, и отец не решился обрушить грозу на голову убогого Федора. Он выразил свою волю насчет развода иным способом. Брат царицы Борис Годунов мог помешать исполнению царских планов, и Иван IV отказался назначить его душеприказчиком.

Среди начавшихся династических распрей один Богдан Бельский, племянник Малюты Скуратова, сумел сохранить милость царя. Он-то и должен был стать главным опекуном Федора. Вместе с ним в регентский совет вошел дядя Федора боярин Никита Романович. Он пользовался популярностью в народе и был опытным правителем. Но старость и болезни сделали свое дело. Романову осталось недолго жить.

Опекунами Федора Иван назначил также главу Боярской думы удельного князя Ивана Мстиславского, человека, удобного своей полной бесхарактерностью, и князя Ивана Петровича Шуйского — прославленного воеводу, ум и энергия которого были известны всем.

Опекуны придерживались различных взглядов, что лишало жизнеспособности высшую боярскую комиссию, призванную править страной за Федора. Все ждали неизбежных перемен.

Когда Ивану IV доложили о прибытии гонцов Ермака из Сибири, он оценил важность привезенных известий и отдал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. После беседы с казаками царь убедился в том, что уральские перевалы непроходимы в зимнее время. Тогда он известил Строгановых об отмене зимнего похода. «Ныне, — писал он, — до нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно». Экспедиция была отложена на весну.

К концу зимы царь сильно занемог и вскоре отстранился от дел. Ему докладывали лишь самые важные и неотложные государственные вопросы.

После прекращения войны со Швецией в 1583 году русское командование высвободило значительные военные силы. Но использовать их пришлось для обороны южных границ от Крыма и для подавления восстания в Поволжье.

Поглощенные своими распрями, советники царя не потрудились составить точное представление о положении дел в Сибири. Блестящие успехи пяти казачьих сотен внушили им уверенность в том, что «сибирское взятие» не потребует значительных военных усилий. Никто из них не понимал того, что лишь посылка крупных воинских сил может обеспечить присоединение Кучумова царства. После недолгого совета боярин и дьяки, сидевшие в Разрядном приказе, решили отправить в Сибирь князя Семена Болховского.

Несмотря на свой княжеский титул, Болховские не принадлежали к знати. Выходцы из Литвы, они владели поместьями в Муроме и Ростове и служили царю по особому списку как «литва дворовая». Накануне сибирского похода князь Семен Болховский служил вторым воеводой в небольшом городке Курмыш на Волге.

«Архив» Ермака сохранил подробную разрядную запись о посылке подкреплений Ермаку. Вместе с Болховским Разрядный приказ послал в поход голов Ивана Киреева и Ивана Васильева Глухова.

Сборным пунктом войска стала Пермь. Сюда головы привели сто стрельцов из состава гарнизона Казани и Свияжска. Еще сто человек предполагалось набрать из стрелецких отрядов на Вятке и в самой Перми. Третью сотню ждали из других городов.

Царь приказал Болховскому выступить в поход за Урал «по весне». Однако с наступлением весны Иван IV умер, и в Москве произошли крупные народные волнения. В общей сумятице о сибирской экспедиции на время забыли.

Отряд Болховского был очень плохо подготовлен к выполнению порученной ему миссии. Запасы провианта, выделенные ему, оказались недостаточными. Стрельцы потратили на преодоление Уральских гор гораздо больше времени, чем вольные казаки. Они выбились из сил, пока добрались до перевалов. Неизвестно, какие суда выстроили им Строгановы. Казаки не раз перетаскивали суда на Переволоке с Волги на Дон. Когда надо, они смогли перенести струги через горы. Стрельцам все это оказалось не по плечу.

Обессилев, они бросали суда на склонах Уральского хребта вместе с припасами.

Воевода шел навстречу гибели, сам не подозревая того.

На втором году пребывания в Сибири ермаковцы столкнулись с реальной угрозой голода. Запасы зерна и круп, привезенные из России, были полностью израсходованы. Неболыпая запашка, которую держали татары под Кашлыком и манси на Тавде, давала слишком мало зерна. Военные действия помешали населению вовремя посеять хлеб. Сибирское ханство получало многие необходимые продукты из Средней Азии. Отступив в верховья Иртыша, Кучум позаботился о том, чтобы затворить торговые пути из Бухары в Кашлык.

Тобольские ветераны помнили, каким трудным был для них второй год пребывания за Уралом, когда «бысть во граде Сибири глад крепок». Казаки сумели кое-что заготовить на зиму, но при этом они имели в виду лишь себя. По приказу Ермака, «казацы запас посяху, сметеся по своим людям». При самом бережливом расходовании можно было надеяться растянуть продовольствие до весны. Казаки, забывшие вкус хлеба, рассчитывали также на то, что царь пришлет им не только свое жалованье — свинец и порох, но и продовольствие.

Когда в Сибирь прибыл Болховский, ермаковцы встретили стрельцов с ликованием и на радостях щедро одарили их мехами — «мягкой рухлядью». Но радость сменилась унынием, когда выяснилось, что с воеводой не было никаких припасов. С приходом в Сибирь воинских людей, записал тобольский летописец, голод усилился.

Стрельцов надо было не только прокормить, но и разместить на зимние квартиры. Еще до начала сибирской экспедиции Строгановы получили от пленных сведения о том, что столица Сибирского ханства не имела каменных стен, а была окружена осыпавшимся земляным валом. Попав в Сибирь, казаки скоро убедились, что тамошние городища очень мало напоминали русские посады с их теплыми рублеными избами. Кашлык не был городом в собственном смысле. Располагавшаяся на вершине крутого яра площадка имела малую площадь. За валом помещались мечеть и несколько построек, служивших резиденцией для Кучума и его ближних людей.

Казаки зимовали не в Кашлыке, а на Карачине острове, имевшем большую территорию. Среди них было много опытных плотников, сооружавших струги за несколько дней. Каждый орудовал топором не хуже, чем саблей. Для таких людей не составляло труда отрыть землянки и построить теплые бревенчатые срубы. По обыкновению, казаки довольствовались тесными клетушками. Разместить в них на постой дополнительно несколько сот стрельцов оказалось не так-то просто. Но в конце концов эта задача не была неразрешимой.

Стрельцы снаряжались в поход в весеннее время и не позаботились о шубах. Долгий изнурительный поход утомил их до крайности. Воеводы рассчитывали дать отдых ратным людям в столице Кучума. Вместо отдыха их ждали худшие испытания.

Пришла зима. Грянули жестокие сибирские морозы, когда температура падала ниже 40 градусов. Ледяные ветры мешали людям покидать теплые помещения. Глубокие снега сделали невозможной охоту в таежных лесах. Подле человеческих жилищ бродили голодные волчьи стаи.

В разгар зимы смерть стала безжалостно косить стрелецкий отряд. В «архиве» Ермака хранилось донесение о гибели отряда, написанное сугубо деловым слогом, без каких бы то ни было литературных ухищрений: «Которые люди присланы были с воеводою со князем Семеном Болховским и с головами казанские да свияжские стрельцы да пермичи и вятчяня, а запасу у них не было никакого, и те все присылные люди… померли в Старой Сибири з голоду». Сколь бы удивительными ни казались слова донесения о том, что стрельцы не имели при себе никаких запасов, их достоверность не вызывает сомнения. Причиной беды были нерасторопность военных властей и незнание ими особенностей Сибирского края. Воеводы надеялись, что «ратники» прокормятся «собой», как в любых других походах. Но в Сибири хлеба не оказалось. Стрельцы частью израсходовали выданные им казной запасы в дни перехода, частью же бросили их вместе с тяжелыми судами на перевалах.

Присылка царских воевод в Кашлык не достигла цели. Стрельцы погибли почти все поголовно. Казаки лучше перенесли голод и мороз. Но и их отряд заметно поредел. Прибытие подкрепления не облегчило, а, напротив, осложнило положение русских в Сибири.

Со временем возникло множество легенд о щедрых наградах, которыми удостоил Ермака и его сотоварищей великий государь Иван Грозный. Говорили, будто царь послал покорителю Сибири два панциря, шубу со своего плеча и другое добро. Самым заметным подарком были панцири. Воображение народа поразила не только их ценность, но и та роковая роль, которую они сыграли в жизни Ермака. Свой смертный час предводитель казаков будто бы встретил, будучи одет в оба панциря. Они не только не спасли его от гибели, но и увлекли на дно Иртыша.

Тобольского историка Семена Ремезова с юных лет интересовала судьба злополучных царских доспехов, и он тщательно записал все предания о них. После смерти Ермака, так гласило предание, один из снятых с него панцирей был отдан хантам в их Белогорское святилище, а другой достался мурзе Кайдуле.

Кайдула пережил Ермака на пятьдесят лет. Умирая, он завещал волшебную кольчугу старшему сыну «под клятвою, чтоб ему тем панцирем служить службу». По описанию, железная рубашка имела следующие приметы: «длинен и около грудей напереди кольца часты, напереди же ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо».

Молва о волшебных доспехах гуляла по степям более сотни лет, когда калмыцкий тайша Аблай попросил их за верную службу у тобольских воевод.

Когда воевода явился на двор к Маметбеку, сыну Кайдулы, и потребовал у него кольчугу, тот отказался отдать семейную реликвию. Тогда воевода велел своим людям снять с Мамета панцирь «неволею». Отец Семена Ремезова отвез кольчугу в ставку Аблая. Со слов отца Ремезов составил следующее описание доспехов: «Биты на грудях и меж крылец печати царские златые орлы, по подолу и рукавам опушка медная на 3 вершка». Новое описание очевидным образом расходилось с описанием простреленной кольчуги.

Прошло время, и Маметбек свиделся с калмыцким тайшой. Аблай не мог отказать себе в удовольствии и показал полученный от воевод подарок бывшему владельцу. Однако Мамет, «смотря, сказал, что панцырь не его». След тобольской кольчуги навсегда потерялся.

О другом панцире шел слух, что из Белогорского святилища его забрал кодский князь Алачей. Правнуки Алачея жили в Москве, другие члены княжеского рода служили государеву службу в Тобольске. Воевода расспрашивал их, но обнаружить панцирь так и не удалось. «И до днесь, — записал Семен Ремезов при царе Петре, — „низовой“ панцырь Алачеевых не слышится».

За пятнадцать лет до того, как тобольские власти приступили к розыскам ермаковских панцирей, березовские служилые люди отняли у приобских самоедов кольчугу. В первых отписках они указали, что «на том де пансыре на грудях мишени золоты, а на них вырезано на одной государево имя, а на другой орел». Когда кольчугу осмотрели более внимательно, обнаружили, что на позолоченной медной бляшке значится не государево имя, а «подпись князь Петра Ивановича Шуйского». Когда кольчуга после многих приключений попала наконец в Москву, на ней сохранилась лишь одна бляшка, удостоверявшая принадлежность вещи Шуйскому. Бляшка с орлом исчезла в пути.

Прошли годы, и археологи нашли в развалинах ханской столицы Кашлык бляшку с именем Шуйского. Тотчас возникло предположение, что кольчуга, привезенная с Оби в Москву, когда-то принадлежала Ермаку и тот потерял бляшку с нее во время трехлетнего пребывания в Сибири. Однако точными данными это предположение все же не подкреплено.

Князь Петр Шуйский был воеводой в Казани за тридцать лет до сибирской экспедиции. Как раз в то время Сибирское ханство перешло под покровительство царя. Кольчуга могла попасть в Сибирь и тогда, и много позже. Погиб Шуйский за двадцать лет до похода Ермака.

Предположение, будто Ермак получил панцирь Шуйского из рук царя, основано на недоразумении.

Согласно документам из архива Посольского приказа, царь Иван Грозный в полном соответствии с разрядной практикой пожаловал казаков «многим жалованьем — деньгами и сукном», а Ермака и атаманов наградил золотыми. Вопреки поздним преданиям, Ермак не получил ни панцирей, ни шубы с царского плеча.

Летописцы XVII века утверждали, будто «Ермака повелел государь написати в грамотах сибирским князем». Все это, однако, лишь легенда. Царь Иван Васильевич и не думал жаловать предводителю казаков титул «сибирского князя». Напротив того, он считал благоразумным не оставлять Ермака в завоеванном крае. Посольский отчет о награждении казаков заканчивался фразой: «А Ермаку указал государь быть в Москве».

Ни царь Иван, ни сменивший его Федор понятия не имели о том, какую роль сыграл Ермак в «сибирском взятии». В их глазах князь Семен Болховский больше подходил к роли царского наместника в Сибири, чем предводитель вольных казаков. Однако Болховскому эта миссия оказалась не по плечу. Переход через горы дался ему с трудом. Морозы и голод довершили дело. Пока в погребах оставались коекакие крохи, Болховскому не угрожала голодная смерть. Но и его паек был урезан до крайности. Не выдержав испытаний, воевода умер посреди зимы. Тело его похоронили тут же, неподалеку от казачьего лагеря. Главный помощник Болховского голова Иван Киреев дождался первого подходящего повода, чтобы унести ноги из Сибири. Он отплыл из Кашлыка, едва вскрылись реки.

Ермак вторично ослушался царской воли. В первый раз он ушел в Сибирь вопреки приказу Грозного. Во второй раз он остался во вновь присоединенном крае, невзирая на четкий приказ, полученный из Москвы. Тщетно воеводы прельщали атамана обещаниями щедрых наград, которые ждут его в России. Если бы Ермак жаждал чести и богатств, ему в самом деле стоило бросить все и возможно скорее отправиться в Москву. Царский указ сулил ему жизнь и благоденствие. Но вождь вольных казаков, оставив сотоварищей, изменил бы себе.

Ермаку не суждено было покинуть Сибирь.

ОСАДА

Голодная зима тянулась бесконечно долго. Измученные люди устали ждать весны. Наконец повеяло теплом и по-весеннему заблестело солнце. Казаки не потеряли времени и при первой же возможности отправились в дальние места за продовольствием. Вскоре в казачий лагерь прибыли обозы с рыбой, дичью, кониной.

На Руси казаки жили в нужде и не раз сталкивались с голодом. Нужда научила их скупо расходовать продукты. Товарищество позаботилось о том, чтобы поставить на ноги слабых и больных. Они могли рассчитывать на усиленное питание.

Пополнив запасы дров, казаки первым делом выбрали место для братских могил, прогрели кострами землю и вырыли в промерзшей земле глубокие ямы. Могилы скоро были заполнены до краев, а из заброшенных землянок несли новые трупы. На каждого уцелевшего приходилось по четыре-пять мертвецов. В сибирскую землю легло несколько сот русских людей.

Чтобы сберечь остатки отряда, Ермак старался избегать столкновений с татарами. Он с готовностью откликнулся на мирные предложения, поступившие из стана врага. Казакам надо было во что бы то ни стало выиграть время и дождаться новых подкреплений.

Пленение Маметкула, лучшего военачальника Сибири, выдвинуло на авансцену Карачу, главного визиря. Лишившись улуса на Тоболе, Карача перенес свои кочевья на Тару. Но тут его стали теснить владетели из Казахской орды. Тогда Карача прислал в Кашлык гонцов и просил Ермака оборонить его от недругов. Казаки созвали круг и после обсуждения постановили «по приговору всего товарищества» отпустить к Караче атамана, «а с ним 40 человек». Отправка союзного отряда к татарам сопряжена была со смертельным риском. Руководить операцией мог человек, обладавший исключительной отвагой и хладнокровием. Выбор пал на атамана Ивана Кольцо.

Когда вольные казаки собрались на Иргизе, Кольцо был главным соперником Ермака. Казаки, громившие ногайцев и объявленные вне закона, не прочь были сделать главным предводителем похода своего атамана. Но сотни Ермака оказались более многочисленными. Став «сверстником» Ермака, Иван Кольцо не потерял своего лица. Недаром с вестью о сибирском взятии в Москву выехали два сеунча: один, Черкас Александров, представлял Ермака Тимофеевича, другой, Савва Болдыря, — Ивана Кольцо.

Больше двух лет после объединения на Иргизе ермаковцы сражались плечом к плечу с людьми Кольца. Теперь они расстались на берегах Иртыша. Время было трудное, и каждый из предводителей постарался удержать при себе своих испытанных соратников. После стрельцов осталось некоторое количество боеприпасов, так что при дележе свинца и пороха не возникло трудностей. С продовольствием было сложнее. Ермак не мог выделить Кольцу много продуктов. Но в том и не было нужды. Татарские гонцы заверили его, что в их кочевьях казакам не придется заботиться о пропитании.

Переговоры вскоре завершились к обоюдному удовольствию. Приближенные Карачи не скупились на лесть, восхваляя казацких вождей. Казаки же, не искушенные в дипломатии, допустили роковой просчет. Они должны были затребовать у Карачи аманатов-заложников и лишь тогда отпустить к нему своих товарищей. Но никто не надоумил их. Доверчивость обернулась катастрофой.

Карача не прочь был использовать помощь казаков для войны с казахами. Но его планы полностью переменились под влиянием всего, что рассказали ему гонцы. Поездка в Кашлык убедила советников Карачи в том, что победители Кучума и Маметкула сами стоят на краю гибели, что у Ермака осталась кучка людей, изможденных голодом, и справиться с ними не составит труда.

Пока Ермак казался неодолимым противником, Карача мог рассчитывать на то, что с помощью казаков удастся отвоевать себе пастбища у Казахской орды. Когда же обнаружилась слабость русских, Карача решил обратить свое оружие против них.

Иван Кольцо явился в татарский стан как союзник. Карача устроил пир в его честь и постарался усыпить бдительность русских. Выбрав подходящий момент, воины Карачи предательски напали на казаков и перебили их всех до единого.

Весть о «победе» Карачи облетела сибирские улусы. Враждебное возбуждение против русских росло день ото дня. Муллы и шаманы были единодушны в том, что час мщения настал. Ордынцы выслеживали казаков и беспощадно убивали их, где бы они ни появлялись. Не получая подолгу вестей от сборщиков ясака, встревоженный Ермак выслал в «подсмотр» (на разведку) атамана Якова Михайлова с людьми. Но и разведка сгинула без следа.

Известия, приходившие в казачий лагерь, были одно хуже другого. Сначала Ермак узнал о гибели Ивана Кольцо, а вслед за тем ему донесли о приближении воинов Карачи.

Весна пришла, но реки еще не вскрылись. Казачьи струги по-прежнему лежали перевернутыми на берегу. Люди были настолько слабы после голода, что Ермаку нечего было и думать о наступлении. После обсуждения дел на круге атаман велел перенести больных и доставить припасы на вершину крутого яра в Кашлык. Для поредевшего отряда места в ханской столице оказалось достаточно.

Настал великий пост, когда отряды Карачи окружили Кашлык плотным кольцом. Сам визирь, остерегаясь казаков, разбил свою ставку в трех верстах от столицы. Татары зорко следили за тем, чтобы никто из хантских и мансийских князьков, признавших власть Ермака, не проник в Кашлык и не привез туда продовольствие.

Страшась казацких пуль, враги не пытались штурмовать неприступное городище. Они терпеливо ждали, когда у Ермака иссякнут собранные продукты и голод покончит с теми, кто еще держался на ногах.

Весна окончательно вступила в свои права, Теплое апрельское солнце растопило снега. На проталинах зазеленела трава. Сквозь тонкий слой талого снега пробились первые цветы. Лесные рощи огласились птичьим гомоном. Река вздулась, приподняла рыхлый лед и принялась крушить его, точно яичную скорлупу.

Вскоре внизу под яром заблестела водная гладь реки. Спуск к воде был коротким. Но казаки не могли воспользоваться им. Татары пробили днища у стругов, оставшихся поодаль от Кашлыка. Другие суда пришли в негодность после долгой зимовки. Их надо было конопатить и смолить и лишь после этого спускать на воду.

С весны и до «пролетая» казаки сидели в осаде в Кашлыке. Терпеливо ждал Ермак момента, когда можно будет нанести противнику удар. Время от времени его люди в сумерках покидали лагерь и, прячась за деревьями, пробирались поближе к местам, где светились татарские костры. Лазутчики установили, где находится ставка Карачи. Теперь Ермак знал, где стоят главные караулы врага и когда меняется ночная стража.

В июне приготовления к решающей схватке были завершены. Отобрав самых крепких казаков, Ермак подчинил их своему помощнику атаману Матвею Мещеряку.

Посреди ночи Мещеряк с отрядом покинул Кашлык и скрытно спустился на берег реки. Искусно обойдя татарские заставы и караулы, атаман под покровом ночной темноты обрушился на главную ставку неприятеля. Чудом Карача избежал гибели. Преданные слуги успели переправить его за озеро. В ночном бою погибли двое сыновей Карачи и почти вся его стража.

Одержав победу в ночном бою, казаки вскоре сами оказались в критическом положении. Ночь осталась позади, и у них не было надежды пробиться к своим. Расположив людей на пригорке в кустах, Матвей Мещеряк стал ждать. Пользуясь своим численным превосходством, татары подбадривали себя криками, лезли на пригорок со всех сторон. Число атакующих умножалось час от часу. Но казаки храбро держались. Они отбили все атаки врагов меткой пальбой.

Заслышав пальбу, Ермак открыл огонь по ордынцам, оставшимся на своих позициях подле стен Кашлыка.

Лишившись предводителя, ханское войско все больше утрачивало порядок. Когда время приблизилось к полудню, воины стали толпами покидать поле боя. Отступление вскоре сменилось общим бегством.

Защитники Кашлыка высыпали на земляной вал и приветствовали криками Матвея Мещеряка и его людей.

ГИБЕЛЬ ЕРМАКА

После отражения неприятеля первой заботой казаков стала починка стругов. Когда флотилия Ермака впервые бросила якоря под Кашлыком, в ней было до тридцати судов. С тех пор на берегу под кручей образовалось целое кладбище брошенных ладей. К концу третьего года пребывания Ермака в Сибири весь его отряд мог свободно разместиться на семивосьми стругах.

Казаки отобрали несколько самых прочных судов и с помощью досок, снятых с других кораблей, быстро починили их. Работали дружно, артелями. Но работа не так спорилась, как прежде. Люди едва начинали приходить в себя после неслыханных трудностей зимы и голодного осадного времени.

Законопатив и просмолив борта, казаки спустили струги на воду. Отряд готов был к новым битвам.

Вскоре Ермак предпринял свой последний поход. Поводом к выступлению послужило то, что в Кашлык приехали «вестники» от бухарцев — торговых людей. Бухарцы жаловались Ермаку, «что их Кучум не пропускает в Сибирь». Поход на выручку к бухарцам завершился катастрофой.

Выступление Ермака на первый взгляд казалось авантюрой, безрассудно рискованным предприятием. Казакам надо было провести в Кашлыке считаные недели, чтобы дождаться подкреплений. Однако они не располагали точными сведениями о движении воевод и принуждены были рассчитывать исключительно на свои силы. Если бы казаки боялись риска, они никогда бы не добились победы.

Ожидая подкреплений из Москвы, Ермак все чаще задумывался над тем, как собрать продовольствие, чтобы прокормить московских ратных людей.

Весть о задержке бухарцев встревожила атамана. После двух лет, проведенных за Уралом, казаки уяснили себе роль бухарских купцов в жизни Сибирского «царства». Бухарцами называли всех выходцев из Средней Азии, в их руках находилась почти вся торговля Сибири.

Среднеазиатские караваны доставляли в Сибирь лес, сушеные фрукты, ткани и другие товары. Казаки не жалели усилий, чтобы выручить бухарских купцов.

Карача явно переоценил свои силы, когда задумал уничтожить русских в Кашлыке с помощью своих воинов. Неудача побудила его искать примирения с Кучумом и его сыновьями.

Исходным пунктом нового наступления ордынцев должно было стать Бегишево городище, располагавшееся на Иртыше сравнительно недалеко от Кашлыка. Туда отступили карачинцы, на помощь к которым прибыли «сборные татары».

Отразив Карачу, Ермак не мог надеяться на то, что враги откажутся от новых попыток разделаться с ним. Оставаясь в Кашлыке, казаки могли в любой момент вновь оказаться в кольце блокады. Вот почему они предпочли обороне наступление. Их флотилия появилась на верхнем Иртыше еще до того, как Кучум и Карача успели завершить сосредоточение своих сил в Бегишеве.

Казаки помнили, что Ермак проделал свой последний поход «с невеликою дружиной», «не со многими людьми». Семен Ремезов поначалу считал, что с атаманом было всего 50 человек. В кунгурских «сказах» он нашел другие сведения, из которых следовало, что с Ермаком было 300 бойцов. Обе цифры, по-видимому, недостоверны. В последнем походе казачий отряд насчитывал немногим более ста бойцов.

Появление казачьих стругов на верхнем Иртыше явилось полной неожиданностью для Кучума. Престарелый хан воспрял духом, когда узнал о голоде в отряде Ермака. Он никак не предполагал, что сотня ослабленных недоеданием казаков осмелится вновь бросить ему вызов.

Тобольские ветераны помнили, что во время последнего своего плавания они достигли Вагая в ста верстах от Кашлыка. Их показания отразились в синодике Ермаковым казакам и в ранних тобольских летописях.

Судя же по кунгурским «сказам», казаки будто бы ходили далеко за Вагай. Ремезов старательно собрал предания старины. Поэтому в его записи «сказов» факты и легенды неразделимы. Кунгурские «сказы» сохранили яркие зарисовки, достоверность которых не поддается проверке.

По «сказам», казаки плыли по Иртышу, не встречая сопротивления. Волости выражали им покорность во всем. Но вскоре положение переменилось. Южные пределы Сибирского ханства от Кашлыка вверх по Иртышу до Барабы оставались главным прибежищем Кучума. То были наиболее заселенные территории Западной Сибири. Кроме татар тут было небольшое число бухарцев, выходцев из Средней Азии.

После «малого» боя отряд Ермака прибыл в Каурдак, жители которого успели спрятаться в темном ельнике и болотах. Из Каурдака ермаковцы попали в волости, некогда принадлежавшие ханскому роду Саргачиков. Тут они взяли в плен старосту и «смирили» его. Вслед за тем казаки попали во владения князька Елыгая. Прослышав, что Ермак не причиняет вреда покорным, тот поднес дары и ясак.

По преданию, Елыгай задумал породниться с предводителем казаков. Он привел к атаману «в честь и в дар» свою юную прекрасную дочь. Однако Ермак отклонил «дар» и запретил своим людям прикасаться к прекрасной девице из «рода ханска» Саргачиков.

У впадения в Иртыш реки Ишим лежала местность Ишим-томак, некогда принадлежавшая тем же Саргачикам. Там произошла ночная стычка. С обеих сторон бойцы дрались врукопашную: «яко не оружием, но руками, кто кого может». В этом «великом бою» отряд потерял пять человек убитыми. Одно из двух: либо казаки подверглись внезапному

нападению, либо у них кончился порох. Последнее вполне вероятно. Ермак выступил на Вагай, имея ограниченные цели, и у него не было необходимости брать с собой большие запасы пороха и свинца. Пробиваясь к верховьям Иртыша, его отряд, однако, оказался втянутым в затяжные бои.

Запись о стычке на Ишиме не оставляет сомнения в том, что в своем описании экспедиции Ермака Семен Ремезов следовал фольклорной традиции. Спустя сто лет после гибели Ермака татары с Ишим-томака пели древнюю песню о побиении пяти казаков.

В своем стремительном движении отряд Ермака достиг юго-восточных пределов Сибирского ханства. Надежно прикрытое с северо-запада Уральским хребтом, оно не имело сильных крепостей на Тагиле, Туре и Оби. Юго-восточные же степные границы были открыты для нападения степных кочевников, и тут сибирским ханам приходилось вести постоянные войны с соседними ордами. На степном рубеже располагалась крепость Кулары, «опасной крайной кучумовской (городок. — Р. С.) от (со стороны. — Р. С.) калмык». На всем верхнем Иртыше не было другого такого же укрепленного городка. Казаки сами убедились в этом.

Урочище Кулары служило центром Тав-Отузской волости. Если в Саргачской волости к началу XVII века числилось примерно 290 татар, то в Тав-Отузской — около 350.

Пять дней отряд Ермака безуспешно штурмовал урочище Кулары, располагавшее превосходными естественными укреплениями. Не добившись цели, Ермак отдал приказ двигаться дальше. «Назад де воротяся, приберем!» — сказал он при этом, чтобы ободрить свое поредевшее войско.

Ожидая подкреплений из России, Ермак не ставил целью закрепиться в южных пределах Сибирского ханства.

Вскоре Ермак прибыл на Шиш-реку в Туралинскую волость. Тут проходили последние рубежи Сибирского «царства». После поражения Карачи его воины в большом числе отступили сюда. Найдя беженцев в бедственном положении, Ермак приказал не обижать их: «видеша всех, яко зело скудные, и нечем не вредиша им».

С Шиш-реки казаки повернули назад и, пройдя мимо Кулар, стали возвращаться к Кашлыку, «прогребаючи все городки и волости». Однако им не суждено было благополучно закончить поход.

Неудача под Куларами имела роковые последствия. Противники Ермака воспрянули духом и предприняли попытку уничтожить отряд Ермака. Карача с оставшимися у него воинами задумал устроить казакам западню. Кучум, державшийся подальше от Иртыша, присоединился к нему.

Чтобы задержать казаков, татары расставили на пути следования Ермака своих людей, которые в один голос показывали, что видели бухарцев в верховьях Вагая. Хитрость вполне удалась Кучуму. Отряд Ермака повернул с Иртыша на Вагай.

Фольклор — не слишком надежный источник, чтобы служить основой для достоверного исторического повествования. Но все же можно заметить, что все сибирские летописи и предания совпадают в двух решающих моментах. Ермак отправился вверх по Иртышу, чтобы выручить бухарский караван. Свой последний лагерь он разбил близ устья Вагая.

Левый приток Иртыша Вагай имеет протяженность в 250 километров, его ширина — от 40 до 80 метров. Летом река мелеет, и ее глубина составляет в среднем от полутора до двух метров.

Со слов участников похода дьяк С. Есипов записал, что казаки, занятые поисками бухарцев, поднялись по Вагаю до Атбаша. Татарское урочище Атбаш стояло на торговом пути, который вел с юга из Ишима через Вагай на Кашлык. С одной стороны к урочищу вплотную подходили густые леса, с другой — непроходимые болота, простиравшиеся верст на 80 вдоль Вагая.

Кунгурские «сказы» сохранили некоторые подробности плавания флотилии по Вагаю. Казаки «в трудности» поднялись вверх по течению реки, никого не нашли там и к вечеру

вернулись к устью.

Где-то вблизи устья Вагая Ермак разбил свой последний лагерь.

На Иртыше казакам легче было ускользнуть от врага, нежели на мелководном Вагае. Потому они и решили остановиться на ночлег на иртышском берегу. Местность близ Вагая была им хорошо известна. Именно здесь они пленили год назад царевича Маметкула. «Остров» на Вагайской луке как две капли воды походил на Карачин остров в излучине Тобола, где казаки провели две зимы. «Перекопь» преграждала путь тем, кто попытался бы проникнуть на «остров» со стороны суши.

Казакам пришлось идти на веслах против течения много часов. К вечеру люди устали до изнеможения. Была непогода, и Ермак приказал причалить к берегу.

Отряд остановился на ночлег на «острове» за Перекопью. К полуночи разразилась буря. Во тьме не видно были ни зги. Шум ливня заглушал любые звуки.

Ермак не позаботился о том, чтобы окружить лагерь часовыми. Он и не подозревал, что люди Кучума давно следят за каждым его шагом.

Татары устроили засаду менее чем в двух верстах от «острова». Страшась казацких сабель, хан расположил своих воинов «в темном диком суземье — дремучем лесу, при речке, вельми топкой».

Летописцы сочинили немало небылиц по поводу последнего ночного боя. Хан Кучум долго колебался, прежде чем отважился помериться силами с Ермаком. В его войске будто бы был смертник, осужденный на казнь. Его-то хан и послал на разведку в казачий лагерь. Смертник прокрался за «перекопь» и сумел украсть у спящих пищаль.

Позднее летописцы украсили этот рассказ новыми впечатляющими деталями. Кучум будто бы дважды посылал смертника в казацкий лагерь и отдал приказ о нападении лишь после того, как лазутчик стащил у спящих три пищали и три вязня. (Вязнями называли ремни, на которых держалось оружие.)

На самом деле не мифический смертник, а тьма и непогода позволили татарам осуществить внезапное нападение на ермаковцев.

С историей последнего боя на Иртыше связано одно из тех открытий, которые мгновенно меняют все привычные представления. Любое повествование о сибирской экспедиции завершается картиной полной гибели отряда Ермака:

Кучум, презренный царь Сибири,
Прокрался тайною тропой,
И пала грозная в бою,
Не обнажив меча, дружина.

Привычное представление заколебалось после того, как историки нашли в архивах древний список синодика. Тщательное сопоставление вновь найденного текста с поздней летописной копией обнаружило обстоятельство, казавшееся почти невероятным.

Древний синодик был составлен в то время, когда тобольские ветераны прилежно записали свои «речи»-воспоминания на архиепископском дворе. Дьяки Киприана переписали «речи», придав им форму поминальной записи. В составе поминальной книги первой половины XVII века синодик сохранился до наших дней. О чем же поведали участники последнего боя?

«И подсмотреша нечестивыя (воины Кучума. — Р. С.) и нападоша на станы их (казаков. — Р. С.) нощию, и (казаки. — Р. С.) ужаснушася от нечестивых и в бегство приложишася, а иным (суждено было остаться. — Р. С.) на станах побитым и кровь свою пролиша Яков, Роман, Петра два, Михаил, Иван и Ермак».

Казакам пришлось пережить в Сибири немало отчаянных и трагических моментов. Но гибель предводителя навсегда осталась для них самым тяжким и мучительным воспоминанием. Об этом эпизоде они говорили мало и неохотно. Как бы то ни было, ветераны изложили историю последнего боя кратко, но с полной правдивостью и

откровенностью. Разбуженные среди ночи, они бежали на стругах прочь, а их предводитель с немногими соратниками остался лежать на берегу.

Когда архиепископский книжник взялся за составление летописи, его не удовлетворил бесхитростный рассказ ветеранов. Выходило так, что казаки, подвергшись нападению Кучума, бросились к стругам, груженным добычей, и бросили на берегу своего вождя. Летописец взялся придать рассказу более благопристойный вид. Очинив перо, он старательно вымарал из синодика все сведения о бегстве казаков и записал свою версию того, что произошло:

«Поганые же подсмотриша их (казаков. — Р. С.) и нападоша на станы их нощию… и там все (казаки. — Р. С.) избиены быша. И на том деле убиенным Ермаку еже изволи им Бог живот скончати, вечная память большая и возглас большой».

При составлении летописи книжник повторил сведения из исправленного синодика: «…прииде на воинов смерть и тако живота своего гознуша, убиени быша». Но надо было объяснить, как весть о разгроме попала к тем, кто вернулся на Русь. Для этого летописец вставил в свой текст не совсем к месту фразу о том, что все ермаковцы погибли, «токмо един казак утече». От спасшегося узнали обо всем казаки, будто бы оставшиеся в Кашлыке.

Выдумку тобольского книжника повторили все последующие сибирские летописцы, включая Семена Ремезова.

В последнем походе с Ермаком была сотня казаков. Из похода вернулось девяносто. Именно эта цифра фигурирует в документах из «архива» Ермака. В ночной стычке отряд потерял немного человек.

Никто не мог знать в точности, что произошло на Вагайской луке в ту ночь, когда разыгралась буря. Ясно лишь одно. Если бы казаки поддались панике, разгром и истребление отряда были бы неизбежны. Этого не произошло. Коль скоро почти вся сотня в обстановке внезапного ночного нападения смогла погрузиться на суда и сняться с якоря, можно сделать вывод, что отряд отступил, сохранив порядок.

Жизнь, полная риска и опасностей, приучила казаков к осторожности. Подозрения насчет их беспечности беспочвенны. Свои «пологи» казаки ставили подле борта корабля. У каждого бойца было свое место на струге. Едва начался ночной переполох, казаки в мгновение ока оказались на своих судах.

В то время как архиепископские дьяки взялись за составление летописи, в Тобольске жили не только старые ермаковцы, но и воины, некогда сражавшиеся на стороне Кучума. Их воспоминания о последних минутах Ермака так заинтересовали летописца, что он включил их «сказку» в текст своего сочинения. Строгановский придворный историограф переписал эту «сказку» из ранней летописи в неизменном виде:

«Впоследствии же некие от язык (местных татар. — Р. С.) глаголют о том, яко воспрянул тут храбрый ваш воин Ермак от сна и увидел дружину свою, от нас (татар. — Р. С.) побиваему… и побежал в струг и не мог добраться до своих, понеже те были уже в дальнем расстоянии, и тут ввергся в реку и утопе».

Нападавшие на лагерь мало что успели разглядеть в темноте, но все же они знали несколько больше, чем казаки. Так, они определенно знали, что раненый Ермак утонул в Иртыше, а не остался среди побитых на берегу. Бывшие воины Кучума не забыли и того, как русские струги исчезли в ночной мгле и они ничего не могли поделать, чтобы остановить их.

Люди Кучума понимали, что казаки Ермака окажутся в их руках, едва будут захвачены их струги. Для казаков единственная возможность избежать поголовного истребления заключалась в том, чтобы погрузиться в свои струги и как можно скорее отчалить от берега. Командирский струг отчалил от берега последним. Прикрывая отступление отряда, Ермак отбивался от наседавших врагов, пока не был ранен и не свалился в воду.

Подробности насчет того, что Ермака увлекли на дно два тяжелых панциря — подарок царя, носят легендарный характер. Даже в дни походов воины надевали тяжелые панцири лишь перед боем. Никогда никто из них не спал в доспехах. Во время ночной тревоги у Ермака едва ли было время облачиться даже в один доспех.

Если предположить, что Ермак успел набросить на себя кольчугу, то все же это не был царский доспех, потому что Иван IV никогда не дарил ему панциря.

Поколение Ермака явилось на свет лишь через полвека после того, как русский народ сбросил власть золотоордынских ханов. Для этого поколения борьба с Ордой не была далеким прошлым. Современники Ермака и он сам видели Москву, дотла сожженную ханами. Набеги ордынских феодалов, пленение тысяч мирных жителей были для казаков впечатлением повседневной жизни. В борьбе с ордынцами прошла вся жизнь Ермака.

Заняв столицу Кучума, вольные казаки могли вернуться на Русь, обремененные богатой добычей. Но не такими были Ермак и его товарищи. Казачий круг постановил присоединить разгромленную Кучумову орду к России. Решение круга казаки осуществили ценой своей жизни.

Семен Ремезов первым попытался нарисовать портрет удалого атамана: «Бе бо вельми мужествен и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власами кудряв, возраст (рост. — Р. С.) средний и плоск, плечист».

Три года малочисленная дружина не знала поражений перед лицом многочисленных неприятелей. Враги, наседавшие со всех сторон, суровые морозы, голод и невыносимые лишения — ничто не могло сломить волю казаков к победе.

В последней ночной стычке поредевший отряд понес небольшие потери, но лишился испытанного вождя. Смерть Ермака означала конец экспедиции.

ВТОРОЕ «ВЗЯТИЕ»

Казаки налегали на весла изо всех сил, чтобы поскорее покинуть злополучный остров. Одним кормчим удалось вывести суда на стремнину и вырваться вперед. Другие жались к берегу. Но там легко было посадить корабль на мель. Во тьме суда потеряли друг друга из вида. Лишь когда рассвело, струги стали собираться группами.

Люди нуждались в отдыхе, и командиры выбирали для остановок острова, расположенные вдали от берега. На островах казаки разжигали костры, варили пищу, сушили промокшую до нитки одежду.

Когда в гавани у Кашлыка бросил якорь последний струг, казаки убедились, что Ермака нет среди уцелевших.

После небольшого отдыха атаман Матвей Мещеряк собрал круг и задал всему товариществу один-единственный вопрос: что делать дальше? Круг решил немедленно возвращаться на Русь.

Голова Иван Глухов и немногие уцелевшие стрельцы присоединились к решению казаков.

Более пятисот человек перевалили Уральский хребет вместе с Ермаком. Только девяносто вернулись на Русь с Мещеряком.

Казачья флотилия проследовала из Кашлыка вниз по Иртышу на Обь, а оттуда древним Печорским путем через Собь на Пусто-озеро.

Покидая Сибирь, казаки не знали того, что посланный им в помощь отряд правительственных войск преодолел уральские перевалы и стремительно приближался к брошенному Кашлыку.

Военное ведомство извлекло уроки из катастрофы, постигшей воеводу Болховского. Бояре решили направить в Сибирь вдвое больше сил — «семьсот человек служилых людей из разных городов, казаков и стрельцов». Отряд имел при себе большие запасы продовольствия, а также все необходимое для строительства острога.

Разрядный приказ поставил во главе отряда Ивана Алексеевича Мансурова. Род Мансуровых пользовался известностью при дворе. Двое Мансуровых служили постельничими в царской Думе. Но Иван Мансуров был им дальней родней и службу нес с небольшого поместья — как выборный дворянин из Мещевска. В конце войны его назначили «в дозор для стрельцов» при особе царя.

Власти считали, что Сибирь можно удержать силами одного лишь стрелецкого войска. Отряд Мансурова состоял по большей части из стрельцов.

Весть об оставлении Кашлыка мгновенно облетела Сибирь. Наследник Кучума царевич Алей первым прибыл в окрестности старой ханской столицы и занял опустевшее урочище.

Победа на Вагайской луке упрочила престиж Кучума, но не вернула ему прежней власти над Сибирью. Престарелому хану не удалось удержать при себе могущественных татарских мурз.

С тех пор как в пределах Сибири появился хан Сейдяк из старой династии, свергнутой Кучумом, многие татары ушли к нему. Силы Сейдяка росли со дня на день. Наконец на его сторону перешел Карача.

При дворе Кучума Карача был всего лишь слугой — визирем. Посадив на трон Сеид-хана, Карача рассчитывал править ханством его именем.

Старая лиса Кучум, оказавшись в трудном положении, откочевал в степи, а оборону своей столицы поручил царевичу Алею. Однако Алея преследовали неудачи. Не успел он укрепиться в урочище, как нагрянул Сейдяк. В бою с ним погибли семь Кучумовичей. Алей, по одним сведениям, бежал, по другим — попал в плен к Сейдяку.

Направив в Сибирь флотилию Мансурова, русское командование поставило перед воеводой две основные задачи — закрепиться «в Старой Сибири» (то есть Кашлыке на Иртыше) и «в Новой Сибири на Тюменском городище» (на Туре).

Туру Мансуров миновал, не встретив сопротивления. Но, достигнув Кашлыка, воевода неожиданно для себя увидел на берегу вместо казаков многочисленную татарскую рать.

После многократных поражений от казаков татары едва ли могли бы выдержать атаку со стороны многочисленного стрелецкого отряда. Но Мансуров так и не решился пустить в ход свои пушки.

Он не знал о кровавом соперничестве между Кучумом и Сейдяком, зато помнил о несчастной судьбе Болховского.

Известие о смерти Ермака произвело на него тягостное впечатление.

Воевода не осмелился отдать приказ о штурме Кашлыка. Вместо этого он предпринял попытку догнать отступавший казачий отряд. Пока судовая рать плыла по Иртышу, наступили холода. Опасаясь того, что близкие морозы могут в любой момент сковать реки льдом, Мансуров принял решение зимовать на Оби.

Стрельцы были снабжены в изобилии и зимней одеждой, и инструментами. Воевода умело использовал последние недели осени, чтобы подготовиться к зимовке. Близ устья Иртыша ратные люди срубили Обский городок, на время ставший опорным пунктом русских в Зауралье.

После гибели Ермака князьки в Приобье поспешили сложить присягу царю. Они собрали множество воинов и осадили русских в их укреплении. В течение дня ханты приступали к урочищу со всех сторон. На другой день они привезли в окрестности острожка идола и устроили жертвоприношения. Метким выстрелом из пушки ратные люди разбили вдребезги дерево, под которым князьки устроили свое мольбище. Испуганные ханты разбежались.

У русских были не только противники, но и друзья среди местных племен. Мансуров получил деятельную поддержку со стороны князька Лугуя. Принадлежавшая князьку волость Ляпин была одной из самых крупных на западных притоках Оби. Лугуй ездил в Москву и получил от царя Федора жалованную грамоту. По грамоте князек обязался вносить в государеву казну по 250 соболиных шкурок ежегодно.

Отправив за Урал самые крупные силы во главе с Мансуровым, Посольский приказ поспешил заверить иностранных дипломатов, будто покорение Сибири окончено. «А поделал государь, — объявили царские дипломаты за рубежом, — городы в Сибирской земле в Старой Сибири, и в Новой Сибири, и в Новой Сибири на Тюменском городище, и на Оби на усть Иртыше тут город те государевы люди поставили и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя». Правдой в официальных заявлениях было лишь то,

что Мансуров выстроил Обский городок, чтобы обеспечить себе безопасный путь к отступлению на Русь. Выполнить государев наказ и основать укрепленные острожки в Старой и Новой Сибири он не сумел.

Инструкции на имя Мансурова не сохранились. Но следы их можно обнаружить в том же самом Посольском приказе. Сменив Ермака на посту воеводы Сибири, Мансуров должен был обложить ясаком весь обширный Сибирский край. Ожидая, что воевода пунктуально выполнит наказ, и предвосхищая будущее, царские воеводы поспешили заявить за рубежом, что «ясаку положил (царь Федор. — Р. С.) на Сибирское царство, и на Конду Большую, и на Конду на Меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру реку, и на Иртыш, и на Киргизское государство, и на Пегие Колмаки, и на Обь великую, и на все городки на обские, на девяносто на четыре городы — с году на год имать по пяти тысячь сорок соболей, по десяти тысяч черных лисиц, да по пяти сот тысяч белки…»

Донесения Ермака из Сибири, подкрепленные привезенным ясаком, внушили правительству представление о неисчерпаемых пушных богатствах Сибири.

Двести тысяч соболей — столько «мягкой рухляди» царское правительство надеялось получать из-за Урала ежегодно. И в самом деле, в ближайшие годы государева казна пополнилась неслыханным количеством мехов. Европа была поражена, когда московский двор направил в качестве субсидий («вспоможенья») австрийским Габсбургам через десять лет после гибели Ермака 40 тысяч собольих шкурок, 20 тысяч куниц, более 300 тысяч белок. Пражские купцы оценили московские меха в восемь бочек золота. На русских рынках пушнина ценилась дешевле.

В Москве надеялись на то, что война в Сибири закончена. Исходя из этого, власти поручили Мансурову наложить ясак не только на те земли, где побывал Ермак, но и на население Пегой орды и Киргизского ханства.

Между тем атаман Матвей Мещеряк с сотней казаков добрался до Москвы. Вести, привезенные им, были самые неутешительные. Двор отказал ермаковцам в торжественной встрече. Но хорошо было и то, что царь Федор «на них не опалился».

Шли годы, а смута на Москве не прекращалась. Присвоив титул конюшего боярина, Борис Годунов вошел в опекунский совет, управлявший страной от имени царя Федора. Главой совета Грозный назначил удельного князя Ивана Мстиславского. Но Годунов принудил князя постричься в монахи. С наступлением весны в Москве вновь заволновался народ. Боярам пришлось затвориться в Кремле.

Со всех сторон враги угрожали государству войной. С осени царь велел готовить рать для войны со шведами. Поход был отменен в последний момент. С весны отряды ратных людей потянулись к южным границам, которым угрожали крымцы и ногайцы. Сгустились тучи войны над западными рубежами. Стефан Баторий спешно формировал армию для нового вторжения в Россию.

Вновь вышло так, что Разрядный приказ не мог послать за Урал никого из видных воевод. Но отказываться от Сибири московские власти не желали. Пришлось снарядить войско из стрельцов и казаков, набранных в разных городах («многих русских людей»). Командовать отрядом назначили человека знатного, но совсем молодого и не имевшего за плечами большого военного опыта. Племянник боярина Василий Борисович Сукин в конце Ливонской войны служил при дворе Грозного в скромном чине «стряпчего с государевыми чеботы». В последние годы жизни Ивана IV Сукин нес службу в Кремле как стрелецкий голова.

Помощником у молодого воеводы стал Иван Мясной, бывалый командир. Вместе с Сукиным в поход выступили атаманы Черкас Александров и Матвей Мещеряк с вольными казаками, проделавшими сибирский поход вместе с Ермаком.

От прежней самоуверенности в Москве не осталось и следа. Бояре не помышляли более о том, чтобы овладеть разом Новой и Старой Сибирью. Сукину поручили закрепиться на Туре и не предпринимать никаких попыток к овладению Кашлыком. Воевода исполнил приказ и основал Тюменский острог на высоком берегу Туры близ устья Тюменки. Некогда

тут располагалась древняя татарская столица Чимги-Тура.

Прошел год, и воеводы затребовали подкреплений из Москвы. В 1587 году Разрядный приказ решил послать за Урал Данилу Чулкова. Незадолго до того Чулков служил головой в Ряжске. «Письменный голова» привел в Сибирь дополнительно несколько сот стрельцов.

Разрядный приказ решил повторить в Сибири опыт Казанской войны. Царские воеводы несколько раз ходили походом на Казань, но не могли добиться успеха. И лишь выстроив на Волге крепость Свияжск и опираясь на нее, они смогли сокрушить Казанское ханство.

Чулкову не велено было штурмовать Кашлык. Но его снабдили всем необходимым, чтобы выстроить крепость в непосредственной близости от Старой Сибири.

Отряд Чулкова спустился по Туре и Тоболу на Иртыш и там выстроил деревянный острог, названный Тобольском. Тобольск располагался на высоком мысу всего лишь в 15 верстах от Кашлыка.

После изгнания Кучума из Кашлыка Сибирское ханство все глубже погружалось в пучину кровавой междоусобной борьбы. Сеид-хан продолжал удерживать столицу «царства», опираясь на поддержку татарских феодалов и правителя Казахской орды. При нем постоянно находился султан Ураз-Мухамед, племянник казахского хана Теввекеля с воинами.

Кучум всецело уповал на поддержку бухарцев, которые некогда помогли ему захватить Сибирь. Старый хан лишь ждал своего часа, чтобы нанести удар сопернику и вернуть себе столицу.

Поглощенный борьбой с Кучумом, Сеид-хан старался избегать столкновений с русскими. Когда воеводы в 1587 году появились у самых стен ханской столицы, Сеид-хан попытался завязать переговоры с ними. Чулков пригласил хана и его приближенных в Тобольск на пир. Хан принял приглашение. Однако татары приняли меры предосторожности. Сеид-хана сопровождали пятьсот отборных воинов. Голова Чулков располагал куда меньшими силами.

Когда гости явились к воротам Тобольска, Чулков согласился впустить в крепость не более ста человек и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но он видел малочисленность русских и согласился на все их условия.

Когда Сеид-хан, Карача и татары заняли места за столом, они столкнулись лицом к лицу с ермаковыми казаками. Едва ли можно предположить, будто Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались независимо от него.

Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольцо и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом. Ханская свита была перебита. Однако самое трудное было впереди. Гвардия хана — 400 воинов — стояла во всеоружии подле ворот острожка.

В упорном кровопролитном бою казаки разгромили противника, обладавшего большим численным перевесом. Но они заплатили дорогую цену за свою победу. В бою погиб «великий атаман» Матвей Мещеряк, возглавивший экспедицию после гибели Ермака.

Сеид-хан был увезен в Москву и там определен на царскую службу. Пленение Сеид-хана было последним крупным событием, в котором Ермаковы казаки участвовали как организованная военная сила. В дальнейшем судьба разбросала их по разным концам Сибири. Ни одна закладка новой крепости, ни одна военная кампания не обходилась без их участия. Показательна в этом отношении судьба Гаврилы Иванова. Вернувшись в Сибирь с отрядом воеводы Сукина, он «ставил» крепость Тюмень, «рубил» деревянный Тобольский городок с головой Данилой Чулковым, участвовал в бою с гвардией Сеид-хана, потом ставил Пелымский и Тарский городки, громил Кучума на Оби.

Заслуги ветерана первой сибирской экспедиции получили признание лишь тогда, когда он достиг старости. Его назначили атаманом конных казаков в Тюмени. К тому времени немногие из соратников Ермака остались в живых.

Казак Черкас Александров вернулся в Сибирь с воеводой Сукиным в чине головы.

Долгое время он командовал сотней служилых татар в Тобольске. Сподвижник Ермака прослужил в Сибири более пятидесяти лет. Приказные грамоты 1638 года упоминали о его поездке в Москву и даче показаний в приказе Казанского дворца. В то время дьяки уважительно называли его «тобольского города атаман Иван Олександров».

Ермаковец Гаврила Ильин в конце жизни возглавил сотню «старых казаков» в Тобольске. Алексей Галкин стал атаманом казаков в Березове.

Дети и внуки ермаковцев продолжали служить в Сибири на протяжении всего XVII столетия. В их среде никогда не умирала память о славных днях «сибирского взятия».

НА ДАЛЬНИХ РЕКАХ

После того как Ермак увел лучшие казачьи сотни на Урал, военные действия на Яике на время стихли. В течение трех лет станичники тщетно ждали их возвращения. Но время шло, и казачьи зимовья пополнились новыми удальцами, прибывшими из России. Собравшись с силами, вольница возобновила войну с кочевниками.

Правитель Большой орды князь Урус давно порвал мирные сношения с Москвой. Его послы обивали пороги ханского дворца в Бахчисарае. Они домогались посылки нового турецко-татарского войска на Астрахань и обещали, что Ногайская орда окажет им на этот раз действенную помощь. Крымцы вели свою войну с Россией и не слишком доверялись обещаниям ногайцев. Действия вольных казаков связывали силы Ногайской орды.

В те самые дни, когда ермаковцы отбивались от татар в Кашлыке, князь Урус дал знать своим союзникам, что яицкие казаки учинили ногайцам «тесноту великую», ходили войной за Яик в трехдневный поход — «днища с три», достигли реки Эмь (Эмбы) и «поизставили там городки многие».

Ермаковы сотни входили в состав Волжского казачьего войска. Их сотоварищи, подвергшись преследованиям на Волге и перебравшись в Заволжье, основали там Яицкое казачье войско. Предводителями его стали те самые атаманы, которые некогда порвали с Ермаком и отказались идти вместе с ним в Приуралье. Война с ногайцами закипела с новой силой. Первый поиск против Орды возглавил атаман Матюшка. Как и атаман Матвей Мещеряк, известный сподвижник Ермака, Матюшка бежал в волжские станицы из Мещерского края.

Став атаманом, Матюшка собрал на Яике 500 казаков и напал на улус мурзы Баба-хози. Мурза погиб в стычке. Весть о дерзком набеге казаков распространилась по всем ногайским улусам. Один за другим к кочевью Баба-хози подходили с разных сторон отряды Сеид-Ахмата, Кучюк-мурзы, хана Мурзы Урусова, Яраслан-мурзы и Ситый-мурзы.

Атаман Матюшка с казаками укрылся в балке. Когда же их стали теснить подошедшие ногайцы, они ушли в лес.

Тем временем небо потемнело, задул ветер. С востока поднялась и закрыла полнеба грозовая туча. Пыльные столбы летели по степным шляхам. По временам тучу прорезали огненные зигзаги молний и округа заполнялась грохотом. Вслед за тем полил ливень. Поток воды, обрушившийся на землю, казался нескончаемым. Застигнутые посреди степи ногайские конники промокли до нитки. Как только ливень стих и выглянуло солнце, кочевники стянули с себя доспехи и стали сушить одежду.

Матюшка не терял времени даром. Высланные им сторожевые станицы незаметно следили за передвижениями неприятельских отрядов. Вскоре сторожа вернулись в лес и доложили, что ногайцы стоят вежами, «расплошась». После совета с есаулом и атаманами Матюшка велел людям готовиться к бою. Пройдя через лес «потайком», казаки, подбодряя себя громкими криками, обрушились на неприятеля.

Ногайцы были застигнуты врасплох. Среди них поднялась паника. Побросав доспехи и одежду, воины ловили лошадей и устремлялись в степь, подальше от леса. Пастухи тщетно пытались сбить в кучу и отогнать овец. Ногайские вежи опустели в мгновение ока. Один лишь Кочкар Имилдеш, ближайший советник правителя орды, пытался организовать

сопротивление. Но он был убит метким выстрелом из пищали.

В руки казаков попали 200–300 душ татарского «полона», сестра князя Уруса и несколько знатных мурз. Им достались горы доспехов и оружия. Казаки отбили огромные отары овец.

Хан Урус был вне себя от гнева, когда узнал о погроме. Он вызвал к себе царского посланника Хлопова, только что прибывшего в Сарайчик, и обрушился на него с упреками. «Государь к нам прислал послов, — негодовал он, — да и войну за ними прислал, а приходили де те люди — Матюшка с войском — на наши улусы с астраханских воевод ведома!»

Урус нимало не сомневался в том, что яицкие атаманы напали на орду по наущению царских воевод. Показания пленных подтвердили его подозрения.

Ободренный поддержкой Москвы и одержанной победой, Матюшка и прочие атаманы созвали круг и постановили выстроить укрепленный острожек, чтобы окончательно утвердиться на Яике. Казаки устроили себе засеку — сечь на обширном острове при впадении реки Илек в реку Яик. Не теряя времени, казаки приступили к строительству городка на возвышенности посреди острова. Они воздвигли вал, укрепили его частоколом, окружили острог глубоким рвом.

Урус тут же объявил о действиях казаков посланнику Хлопову: летом-де «пришед на Яик, казаков с шестьсот и семьсот человек поставили город большой».

При царе Борисе московские картографы составили «Книгу Большому чертежу» всего Российского государства. Описав реку Яик и устье Илека, они пометили: «На устье тое реки остров Кош-Яик, а промеж тем протоком и рекой Яик на острову казачьей городок».

Городок на Кош-Яике стал для яицких казаков тем, чем были Запорожская Сечь для украинских казаков и Раздоры для донцов. Властители Ногайской орды решили любой ценой разгромить яицкое войско и изгнать казаков из их городка.

Хан-мурза и Яраслан-мурза попытались разгромить казаков до того, как те успели закончить строительство городка. С войском в 600 всадников они поспешили к Кош-Яику и остановились на ночлег у ближайшего леса. Узнав о появлении неприятеля, казаки вышли из городка и, незаметно прокравшись сквозь лес, напали на врага. Ногайцы бежали прочь.

Казаки не успели как следует отпраздновать свою победу, как к Илеку подступило войско Сеид-хана. Несколько казаков, беспечно трудившихся в своих куренях, были схвачены и приведены в шатер мурзы. Пленные упорно называли себя «государевыми людьми» и твердили, что построенный ими городок «крепок» и ногайцам не удастся его взять: «Казаки де стоят на Яике в крепости, а около их вода; и суды, и лошади, и животные у них есть». Казаки располагали флотилией, что затрудняло действия ногайцев. Сеид-хан стоял под городком восемь дней, а затем послал своих людей на приступ. Казаки произвели вылазку и перебили тридцать человек из числа атакующих. Ногайцы не осмелились возобновить штурм и ушли в степи.

С наступлением осени князь Урус, призвав на помощь Сеид-Ахмата, Урмагмет-мурзу и еще шестерых братьев с их войсками, а также сына Хан-мурзу с войском, собрал все силы Большой Ногайской орды и отправился на завоевание казачьего городка. В авангарде его войска шла ханская гвардия — «нагай двести человек с рушницами» (ружьями).

Ногайцы переправились на остров и подступили «к городку с приметом, а хотели, приметав лес, да город зажечь». Подобно муравьям, воины сновали по лесу и, собирая охапки сухого хвороста, несли его к крепости. Ночью специально отобранные воины и невольники должны были забросать хворостом ров и сжечь деревянные стены острожка.

Но казаки не стали ждать ночи. Они не побоялись вступить в бой с противником, имевшим многократное превосходство в силах. Атаманы Матюшка Мещеряк и Богдан Барбоша смело атаковали ногайскую гвардию, разгромили ее и забрали «все рушницы и рухлядь». Князь Урус пытался выручить своих стрельцов, но не добился успеха. Потеряв двести человек убитыми, он бежал с поля боя.

К вечеру поднялась буря. Сильный дождь с градом продолжался всю ночь. Ногайцы не

смогли уйти далеко от Илека. Казаки догнали их и на рассвете атаковали с разных сторон: «прошли на них тиском, разделялся на шестеро (на шесть отрядов. — Р. С.), и побили».

Поражение Уруса на Яике имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как и разгром Кучума для судеб Сибири.

Царское правительство поспешило присвоить себе плоды побед вольных волжских казаков над Ногайской ордой. Летом 1586 года московский посланник уведомил князя Уруса о том, что царь Федор приказал выстроить крепости в четырех местах: «на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке».

Борис Годунов принял деятельное участие в разработке планов восточной политики. Планы эти имели далекие цели. Русские власти решили основать новые крепости в устье Самары, на Увеке (будущий Саратов), на среднем течении реки Белой и в ее устье поблизости от реки Яик, чтобы взять под свой контроль все пути с Волги в земли Яицкого казачьего войска.

Князь Урус тщетно протестовал и грозил Москве разрывом. Он был занят войной с Барбошей, и царские воеводы могли строить укрепления, не опасаясь нападений кочевников. Государевы пограничные крепости воздвигались в глубоком тылу, надежно прикрытые передовыми казачьими городками.

Ногайцы тщетно надеялись на помощь крымцев. В Крыму вспыхнули кровавые междоусобицы. Спасая жизнь, царевич Мурат-Гирей бежал из Крыма на Русь и стал вассалом царя. Москва приступила к подготовке большого наступления против Крымской орды. В Астрахань прибыли воеводы с полками. Появление крупных сил отрезвило князя Уруса. Мурат-Гирей, отправившийся в Астрахань вслед за воеводами, убедил его вновь перейти под покровительство Москвы.

Разрядный приказ распорядился привлечь для похода на Крым волжских и яицких вольных казаков. Воевода вновь построенной Самарской крепости спешно выслал на Яик гонца с грамотой. Приглашая атаманов на государеву службу, воевода клялся, что царь «за их службы велит вины их им отдати».

В казачьем городке на Яике собрался круг. Вновь шумели молодцы, бросали шапки наземь старые атаманы. В отсутствие Ермака верх взяли Богдан Барбоша и другие «воровские» атаманы. Они не хотели служить царю, как прежде не желали идти «в наем» к Строгановым. Вместе с Барбошей в острожке на Яике осталось 250 казаков. «Воровские» казаки пригрозили расправой гонцу, привезшему воеводскую грамоту. Но атаман Матюшка взял гонца под свою защиту. Вместе с Матюшкой на царскую службу в Самару отправились 150 казаков.

Назревала война с Речью Посполитой, и власти рассчитывали использовать в этой войне ногайцев. Грянули морозы, и ногайские послы, ездившие в Москву, вынуждены были зазимовать в Самаре. Тут они неожиданно для себя столкнулись с яицкими атаманами. Послы потребовали, чтобы казаки вернули им полон и захваченную рухлядь. Те запросили выкуп. Торг закончился перебранкой. «Воры и разбойники!» — кричали мурзы. «Не воры мы, а государевы служилые люди! — отвечал им Матюшка. — Сам государь послал нас воевать орду».

Царские дипломаты старались задобрить послов, чтобы не допустить возобновления войны с ордой. Не посвященные в тайны дипломатической игры, яицкие атаманы едва не разрушили все их старания.

Попав в затруднительное положение, самарский воевода поспешил спровадить казаков в Астрахань. В конце октября сотни покинули Самару. Несколько дней спустя воевода в соответствии с полученным из Москвы приказом отозвал Матюшку в Самару.

Когда атаман с несколькими товарищами пришли в крепость, воевода велел схватить их, сковать в «железа» и бросить в тюрьму. Не ведая за собой вины, атаманы пытались оправдаться. Но их никто не слушал. Дело приобретало дурной оборот. Допрос следовал за допросом, и казаки поняли, что им не миновать петли.

Находясь в тюрьме, Матюшка сумел склонить на свою сторону нескольких служилых

людей из пленной «литвы». Литовцев тяготила царская служба, и они давно подумывали о том, как перебраться в казачьи станицы. Матюшка знал, что его сотоварищи стояли на Волге под Увеком, ничего не ведая о случившемся. Поэтому он просил литовцев, не медля ни дня, подать им весть о беде. Другой гонец помчался к атаману Богдану Барбоше.

Атаманы видели, что попали в западню, и предпринимали отчаянные попытки спасти свою жизнь. Они просили Барбошу прибыть в окрестности Самары не позднее Благовещения (25 марта 1587 года). К тому же сроку Матюшка ждал и своих товарищей из-под Астрахани. Атаманы рассчитывали поднять против воеводы население окрестных станиц и литовцев, служивших в Самаре. Но им не удалось сохранить в тайне свои планы.

Проведав о заговоре, воевода Засекин велел пытать Матюшку и его сообщников литовцев. Их вешали на дыбу и палили огнем. Наконец те не выдержали пытки и признались, что намерены были учинить мятеж, окружить и сжечь вновь построенную государеву крепость, а воеводу и стрельцов побить вместе с ногайскими послами.

Царские струги, на которых плыл московский посол с казной для князя Уруса и с ногайскими мурзами, вмерзли в лед в двадцати верстах от Самары. Узнав о назревавшем мятеже среди казаков, воевода немедленно послал стрельцов на струги и велел перевезти царскую казну и посольскую рухлядь под защиту крепостных стен. Небольшой отряд стрельцов и «литвы» отправился в ближайшее ногайское зимовье «для береженья» на случай нападения мятежных казаков.

Приняв все необходимые меры предосторожности, Засекин послал нарочного в Москву с подробным отчетом о случившемся. Царские власти предпочли забыть о том, что в дни войны они сами подтолкнули вольных казаков к войне с ногайцами. Им не было дела до того, что сам государь обещал полную безопасность тем казакам, которые выйдут с «вольных» рек на службу в полки. Заговор и измена поставили казаков вне закона. Таким был приговор московских судей.

Получив отписку из столицы, Засекин не стал медлить. Стрелецкий гарнизон был построен на площади перед воеводской избой. Поодаль сделали помост для послов, желавших увидеть казни своими глазами. Осужденных атаманов Матюшку Мещеряка, Тимоху Пиндыша, Иванку Камышника и еще двух «пущих» заводчиков смуты привели на площадь под руки. Одежду им заменяли окровавленные лохмотья, на теле видны были следы пыток.

Дьяк вычитал вины «изменников» и подал знак палачу. Пятеро казаков взошли на виселицу. Трупы повешенных долго не снимали с перекладины.

Так кончили свою жизнь известные яицкие атаманы, сподвижники Ермака и Ивана Кольцо, многократно громившие Ногайскую орду.

Вольные казаки не остались в долгу. Не успев вовремя подойти к Самаре и освободить попавших в тюрьму атаманов, они принялись громить царские суда на Волге. На помощь к восставшим волжским казакам пришли донские атаманы. На Волге от них не стало ни проходу, ни проезду. Казаки отпраздновали кровавую тризну.

В недобрый час попался им на пути персидский караван.

Узнав о разгроме персидского каравана, воеводы организовали преследование разбойников. Дипломаты сообщили шаху, будто 400 воров-казаков поплатились жизнью за ограбление шахских послов. Их слова позволяют заключить, что на Волгу явились едва ли не все яицкие атаманы со своими сотнями.

Не в московских обычаях было устраивать массовые избиения «воров». Как правило, власти казнили лишь главных зачинщиков, а прочим предоставляли возможность поступить в «наем» в полки и смыть вину кровью.

От нападения казаков пострадали многие иноземные купцы, торговавшие на Нижней Волге. В Немецкой слободе толки о волжском грабеже не умолкали до самой Смуты. Голландский купец Исаак Масса слышал их. «Степные казаки, участвовавшие в нападении на персидских послов, — записал он, — были схвачены, а их главный атаман посажен на кол».

Прошли десятилетия, и московские летописцы сочинили историю о нападении атамана Ермака с воровскими казаками на персидских послов. В действительности для Ермака сибирский поход оказался последним в жизни, и он так и не возвратился на Волгу. Ирония судьбы! Нападение на посольский караван возглавил не Ермак, а его давний соперник, воровской атаман Богдан Барбоша, некогда отказавшийся идти с ним «в наем» к Строгановым. После казни Матюшки Барбоша окончательно сделался главным атаманом яицких казаков. Как видно, он-то и кончил жизнь в руках палача на торговой площади в Москве.

Освоив пути на восток, царские воеводы пришли на Яик и построили в устье реки крепость. Но московские власти явно переоценивали свои силы. Попытки превратить вольных яицких казаков в государевых подданных вызвали негодование у станичников. Вольница отказывалась подчиниться распоряжениям воевод.

Пока пограничную войну вели казачьи атаманы, основавшие свои городки далеко за линией государевых крепостей, царские воеводы и гарнизонные стрельцы могли спать спокойно. Но с основанием острожка на Яике их спокойной жизни пришел конец. Заняв передовую линию, правительство взяло на себя всю тяжесть борьбы с кочевниками на крайних юго-восточных рубежах.

Гарнизон Яицкой крепости нес потери при нечаянных нападениях орды. Непривычный климат и эпидемии, которые заносили сюда торговые караваны из Средней Азии, были причиной гибели многих стрельцов. Разрядный приказ с трудом изыскивал людей для новопостроенной крепости. Казна несла расходы.

В конце концов Борис Годунов отказался от попыток закрепиться на Яике, как и от попыток занять столицу донских казаков Раздоры. Царский городок просуществовал на Яике несколько лет, а потом правитель велел снести его, а ратных людей отозвал в Астрахань.

Подобно Тихому Дону, «дальняя» река Яик на много лет осталась прибежищем вольных казаков.

ОПАЛА НА СТРОГАНОВЫХ

Неслыханное земельное обогащение пермских солепромышленников давно вызывало зависть и негодование столичной знати. Не только дворянские поместья, но и боярские вотчины далеко уступали тем землям, которыми фактически владели Строгановы. Даже удельное княжество главы Думы Мстиславского по территории не шло ни в какое сравнение со строгановскими землями в Приуралье.

Пока жив был Грозный, бояре ничего не могли с этим поделать. После же смерти Ивана IV все переменилось. Земское правительство стало упразднять прежние порядки: отняло у бывших опричников земельные излишки, лишило высоких окладов. Строгановы оказались среди тех, от кого отвернулась фортуна.

Английский посол Дж. Флетчер, будучи в Москве в 1588–1589 годах, собрал довольно точную информацию насчет строгановских имуществ. «Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, — писал посол, — побудили царя отбирать у них сначала по частям иногда 20 тысяч рублей вдруг, иногда более, пока наконец в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну».

В Соли Вычегодской торговый дом давно распоряжался как в вотчине. Солепромышленники не жалели денег, скупая все, что попадалось под руку: посадские дворы, соляные варницы, кузни, выгоны. Они ссужали деньги нуждавшимся под самый высокий процент, кабалили бедноту, подчиняли мелких солепромышленников. Своей жадностью и насилиями Строгановы навлекли общую ненависть на свою голову. Наконец терпение посадских людей лопнуло. В ночь на 22 октября 1586 года они захватили острог и, вооружившись пушкой, двинулись к строгановскому двору. Семену Аникиевичу не удалось

бежать. Он попал в руки посадских и был убит. Торговый дом лишился старейшего и самого авторитетного из своих руководителей.

Младшим Строгановым не удалось наладить отношения с правителем государства Борисом Годуновым, и вскоре их постигло подлинное крушение. Власти отобрали в казну укрепленные городки Строгановых на Каме и Чусовой. В списке дворян за 1588–1589 годы московские дьяки пометили против имени Захария Безобразова: «К Чюсовой Соли. На Орел на Ондреево место Окинфово». Видный дворянин Безобразов занял пост царского воеводы сначала в одном из чусовских городков, а затем в Орле-городке или Кергедане на Каме. В следующем году Разрядный приказ предполагал послать Андрея Михайловича Окинфова в поход на шведов. Но в походном списке дьяки пометили против его имени: «Из Чюсовой не быть».

В то время, как А. М. Окинфов служил в одном из бывших строгановских острожков, в другом сидел Федор Андреевич Хлопов. В дворовом списке о нем было сказано: «Отослан в Чюсовую».

Английский посол в Москве Флетчер прямо связывал опалу на Строгановых с сибирскими делами: «…царь Федор был доволен их (строгановской. — Р. С.) податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири… тут он насильно отнял у них все».

Было бы наивно полагать, будто Строгановы не пытались извлечь выгоды из «сибирского взятия».

Как только Строгановы узнали о разгроме Кучума казаками, они тотчас почувствовали себя хозяевами в Приуралье. Их слуги и приказчики немедленно привели к шерти инородцев на Каме, Чусовой, Усве, Сылве, Яйве, Обви, Инве, Косве и других реках. Строгановские сборщики отправились не только в мансийские, но и в татарские улусы, пытаясь взять под контроль земли сибирских татар. Не мешкая, Строгановы начали «ясак с них бусермен собирати и к Москве в Ноугородскую четь посылати».

Предприимчивые промышленники не прочь были повторить камский опыт в Сибири. В самом деле, на руках у них была царская грамота, предоставлявшая им право основывать городки и поселения по Тоболу «и кои в Тобол-реку озера падут и до вершин». Солепромышленники получили от Ивана IV льготу на будущие сибирские владения, причем срок их льготы истекал лишь в 1594 году. Права Строгановых подкрепляло еще и то обстоятельство, что они понесли расходы в связи со снаряжением экспедиции Ермака.

Притязания солепромышленников на сибирские земли вызвали раздражение новых московских властей.

Но дело заключалось не только в негодовании властей и знати. Царь Иван Грозный оставил в наследство своим преемникам династический кризис. Наследник престола Федор был бездетен в браке с Ириной Годуновой. Опекуны царя Федора (в число которых Иван IV не включил своего любимца Бориса Годунова) и бояре попытались развести слабоумного государя с Ириной Годуновой. Предполагалось, что Федор женится на дочери главы Думы, князя Ивана Мстиславского. Но это им не удалось. В 1586 году митрополит Дионисий, добивавшийся развода царя Федора, был низложен и отправлен в один из новгородских монастырей. Потом гром грянул над головой Мстиславского. Его дочь была поспешно выдана замуж, а сам князь пострижен в монахи и отправлен в монастырь.

Затем настал черед князей Шуйских. Знаменитый воевода Иван Петрович Шуйский, отразивший Батория от стен Пскова, был заточен в Кирилло-Белозерский монастырь, а некоторое время спустя тайно умерщвлен. Можно предположить, что Строгановы подверглись опале за то, что поддержали замысел о разводе царя. Московские власти подчеркивали вину «торговых мужиков», которые «поворовали и не в своиское дело вступились». Нескольким богатейшим столичным купцам отрубили головы. Строгановы были заключены под стражу. Пометы об этом появились в боярском списке в 1588–1589 годах.

Любопытно, что в приставах у Строгановых были дворяне из тех же семей, что и приставы у Шуйских: Федор Окинфов числился приставом у Шуйских, а Андрей Окинфов

— у Строгановых. В боярском списке значится: «Ондрей — у Шуйских» (зачеркнуто) и далее: «на Орле — да Офонасей… Васильевы дети Замыцкого». Итак, Андрей Замыцкий содержал под арестом Василия и Александра Шуйских в Галиче, а затем Строгановых в Орле на Каме.

В связи с опалой власти отставили солепромышленников от «ясашного сбора» и поручили дело воеводам.

В то самое время, как Флетчер записал сведения об опале на Строгановых, дьяки Разрядного приказа внесли в дворянские списки пометы о гонениях на сибирских воевод. Старший из воевод Василий Сукин оказался «у пристава в опале». Его помощник тюменский воевода Иван Мясной также попал под стражу. Основатель Тобольска Данила Чулков, согласно дьячей помете, угодил «в тюрьму».

Сибирские воеводы добились крупных успехов. Они основали несколько крепостей, заняли Кашлык, пленили Сеид-хана. Почему же вместо наград их ждала тюрьма?

Скорее всего, они пострадали вместе со Строгановыми.

На смену опальным воеводам в Зауралье прибыли новые — князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский, а затем князья Федор Михайлович Лобанов-Ростовский и Михаил Ноздреватый. Лобанов срубил новую крепость в Тобольске, ставшем «старейшим» среди сибирских градов.

Ни Ермаку, ни Сукину не удалось покорить «Пелымское государство», где продолжал чинить «смуту» князь Аблыгерим. Наступление на Пелым началось после того, как Иван Нагой построил небольшой острожек Лозьву. Через Лозьву двинулись вглубь Пелымского княжества воеводы князь Петр Горчаков и Никифор Траханиотов. Они должны были покончить с властью Аблыгерима, «приманить его и повесить» вместе со старшим сыном, племянниками, внучатами и пятью-шестью «лучшими» людьми княжества. Простому народу — «черным» пелымским людям — была объявлена милость. «Черных людей, — значилось в наказе воеводам, — всех обласкать и обнадежить, чтобы жили по своим юртам, платили ясак и приходили в город, ничего не опасаясь».

Сознавая, что город не может существовать без пашни, власти наказали воеводам основать острог в Таборах на Тавде, где у манси была небольшая запашка. Но Горчаков решил дело по-своему. Он основал крепость на месте княжеского городища в устье реки Пелым. Городище располагалось на неприступной горе.

В новом походе участвовали ветераны из отряда Ермака. Следом за служилыми людьми и казаками в Пелым прибыли русские крестьяне из Каргополя, Перми и Вятки. Им выделили землю под пашню и поселили отдельной слободой.

Посад подле Пелымского острога населили русские поселенцы из Углича, подвергшиеся наказанию после смерти царевича Дмитрия.

С основанием городков на Лозьве и Пелыме труднопроходимый путь с Чусовой на Тагил и Туру утратил прежнее значение, уступив место более надежному пути с Вишеры на Лозьву и Тавду.

С реки Пелым воевода Траханиотов с ратными людьми ушел на стругах в Тобольск, а оттуда на Обь. На реке Сосьве близ ее впадения в Обь он основал городок Березов. Городок стал важным пунктом на древнем пути из Печорского края в Югру.

Вскоре же русские ратные люди продвинулись вверх по Оби до реки Сургутки. Местный хантский князек Бирдан, с трудом оборонявшийся против соседей — Пегой орды, добровольно принял русское подданство и помог воеводам выстроить на Оби городок Сургут. Старый Обский городок, основанный И. Мансуровым, был сожжен.

Опала пресекла попытки Строгановых использовать царское пожалование и подчинить себе сибирские земли. Но солепромышленники не жалели сил и казны, чтобы избавиться от царской немилости. Правительство не могло обойтись без их услуг и объявило о возвращении Н. Г. Строганову Орла, самого крупного из строгановских городков. В 1590–1591 годах царь Федор пожаловал «Никиту Григорьева сына Строганова, велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою и с варницами и с деревянными и с починками со

всеми к ним угодьи владеть по прежнему…».

К тому времени Борис Годунов окончательно забрал в свои руки бразды правления, и Строгановы сделали все, чтобы заручиться его расположением. Они поднесли ему богатые подарки, а затем изложили проект подчинения заобских самоедов. По словам голландского купца Исаака Массы, этот проект вскоре же был осуществлен. Посланные Строгановыми люди проникли на 200 миль за Обь и склонили жившие там племена к тому, чтобы они «добровольно подчинились русскому царю и позволили обложить себя данью». Годунов оценил старания Строгановых, после чего «Аниковичи еще больше возвысились и получили большие привилегии и власть над многими местностями, которые были присоединены к их земле». Приведенное известие заслуживает полного доверия. Через десять лет после опалы Строгановы получили от казны в придачу к старым камским владениям более полумиллиона десятин земли.

Однако утвердиться в Сибири Строгановым так и не удалось.

ГИБЕЛЬ КУЧУМА

Множество песен и преданий сложил о Ермаке народ. Едва ли не самым удивительным было то, что память о нем хранили и русские люди, и местные сибирские племена. Собираясь на праздник, обитатели глухих деревень пели о Ермаке русские и татарские песни. Одни при этом плакали, другие смеялись. Так было три века спустя после гибели славного атамана.

Коренные жители Сибири явились первыми творцами легенды о Ермаке. Через неделю после гибели атамана, гласит предание, некий рыбак-татарин заметил в Иртыше мертвое тело. Вытянув его на берег, рыбак по доспеху увидел, что это не простой казак. Он поспешил в деревню и вернулся на берег с толпой.

Всё, что произошло с телом дальше, напоминало сказку. Отец Ремезова услышал и записал эту сказку при посещении калмыцких кочевий в середине XVII века.

В калмыцких степях акыны пели о том, как утоп Ермак, как был «обретен и стрелян и кровь течаше» и сколько «от пансырей (его) и от платья чудес было», как похоронили его татары и «смертной завет положиша, что про него русакам не вещати».

Семен Ремезов знал от отца калмыцкие предания. В своей «Истории» он дополнил их множеством подробностей. Пробыв в воде две недели и еще шесть недель на суше, тело Ермака будто бы источало живую кровь и оставалось нетленным. Птицы кружились над ним, но не смели клевать.

Мурза Кайдаул Баисетов, опознав Ермака, велел положить тело на помост (лабаз) и стал созывать татар из всех поселений. Каждый вновь прибывший поражал мертвое тело стрелой.

Среди сибирских племен преобладал шаман. Своих жрецов-шаманов соплеменники погребали над землей на лабазе. Такой способ погребения считался почетным.

Ермака поначалу оставили лежать на лабазе. Но потом атаман будто бы стал являться в видениях «бусурманам», и те настояли на его погребении. Местом погребения было выбрано Баишево кладбище. То было место захоронения некоторых из мусульманских шейхов, павших в дни «священных» войн ислама на берегах Иртыша. Над шейхами высились небольшие погребальные сооружения — мавзолеи. Ермака закопали под кудрявой березой.

В память о доблестном враге татары будто бы устроили богатую тризну. Вскоре по степям разнеслись слухи о чудесах, творившихся на могиле героя. Семен Ремезов записал толки, подслушанные им в татарских улусах. «Бе же видитца бусурманоми до днесь, — писал историк, — во вселенские суботы столп до небеси, а по простым свеща велия». Огни на могиле видели, впрочем, одни мусульмане, тогда как православным ничего не открывалось.

Чем больше проходило времени, тем больше легенд слагали о Ермаке. Калмыцкий тайша Аблай поведал Ремезовустаршему, что в детстве его исцелила щепотка земли с

могилы Ермака. С тех пор Аблай, отправляясь на войну, брал с собой землю со священной могилы и побеждал. Если же земли с ним не было, он терпел неудачу.

Мусульманское духовенство относилось с неодобрением к народным песням и преданиям, прославлявшим атамана. Но все попытки заглушить молву о Ермаке ни к чему не привели.

Кучум был последним, кто прибыл на берег Иртыша, чтобы посмотреть на своего грозного противника. Его сопровождали знатные мурзы.

Кучуму не удалось вернуться в Кашлык, где утвердился его соперник Сеид-хан. Даже когда тот попал в плен, это не принесло выгоды престарелому хану. Русские воеводы объявили, что царь возьмет на службу всех татар, которые того пожелают. Новым царским слугам назначали денежное и хлебное жалованье.

Призывы воевод возымели действие. Многим татарам надоело скакать по степи за Кучумом, и они потянулись в родные улусы под Кашлык. В числе других к русским отъехал мурза Кайдаул, которому по разделу достался доспех Ермака.

Сфера власти Кучума стремительно сужалась. Волости, располагавшиеся в Прииртышье к югу от Тобольска на расстоянии пятнадцати дней пути по реке, признали власть русского царя и стали платить воеводам ясак в половинном окладе. Другую половину ясака местные князьки и есаулы продолжали давать Кучуму, «блюдяся от него войны».

Теснимый со всех сторон, Кучум послал в Москву грамоту. Он настойчиво просил отпустить к нему пленного Маметкула. Одновременно хан просил царя Федора пожаловать его сибирским юртом «под царскою высокою рукою». В Москве не придали значения миролюбивым заявлениям Кучума. Там не забыли, как хан, будучи царским вассалом, велел однажды убить русского посла и вероломно напал на Пермский край. Маметкул справедливо считался лучшим военачальником Сибирского ханства. Не потому ли Кучум старался вызволить его, что замышлял новую войну?

Выстроив сеть укреплений на Оби и Нижнем Иртыше, русские двинулись в южные пределы Сибирского царства. Воевода князь Андрей Елецкий получил приказ пройти по Иртышу до устья реки Тары и выстроить там крепость. Царская рать насчитывала более полутора тысяч ратных людей. Среди них было 550 сибирских татар и 400 башкир и татар из Уфы, Казани и Свияжска.

Елецкий не скупился на мирные жесты по отношению к Кучуму. Он должен был усыпить бдительность хана, «приказывать гладко и его оплашивать, покаместь город укрепится».

Мирные заверения сторон были не более чем хитростью. Андрей Елецкий имел тайный наказ разгромить Кучума, если представится возможным захватить его врасплох. В свою очередь, Кучум искал повсюду союзников для войны с «белым царем». Он не раз обращался к правителю Бухары Абдуллах-хану с просьбой о помощи. Но бухарский правитель был занят борьбой за Хорезм и не мог прислать ему подкрепления.

Кучум заключил договор с нарымским князем Воней, стоявшим во главе Пегой орды. Воня копил силы для нападения на Сургут, и Кучум прикочевал поближе к его владениям, чтобы сообща напасть на русских. Но их воинственным планам не суждено было осуществиться.

Кучум мог рассчитывать на поддержку ногайских мурз, пока между ними не возник спор из-за земель. Одним из самых больших улусов на Иртыше владел ногаец Авлия Мурзин. Кучум послал сына-царевича Алея, и тот «отвел» людей от мурзы. Тогда Авлия пожаловался правителю Бухары. Абдуллах-хан потребовал, чтобы Кучум немедленно вернул улус ногайскому мурзе и учинил его «меньшим братом» для совместной войны с русскими.

В Москве оценили весть о раздоре Кучума с ногайцами. Царь Федор упомянул об этом в одной из своих грамот к хану. «…ногайские улусы, — писали дьяки, — Тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которых была тебе большая надежда». Знать из рода Тайбуги издавна пользовалась исключительным влиянием в Сибирском «царстве».

Война с Калмыцкой ордой окончательно осложнила положение Кучума. По русским данным, после одного неудачного боя ханскую ставку покинули двое царевичей и 300 татар, а «иные пошли в Бухары и в Нагаи и в Казахскую орду».

Некоторые из приближенных Кучума перешли на сторону русских. Владелец крупного улуса Чин-мурза, сын Ильмурзы Исупова, перешел на царскую службу. Выехала в Москву мать царевича Маметкула.

Зная о трудном положении Кучума, правитель Борис Годунов предпринял новую попытку привлечь его самого на русскую службу и таким путем положить конец войне в Сибири. Находившийся в русском плену царевич Абдул-Хаир написал грамоту отцу, предлагая ему «покрыть свои вины» и отдаться под покровительство царя. Абдул-Хаир советовал Кучуму показать свою добрую волю, прислав в Москву одного из своих сыновей.

Не получив ответа, московские власти в 1597 году предприняли новый демарш. Абдул-Хаир, на этот раз вместе с Маметкулом, направил новое письмо Кучуму, где сообщалось, что они несут в Москве службу и получили в удел города и волости. От имени царя Федора Маметкул и АбдулХаир предлагали Кучуму две возможности: либо он приедет в Москву и получит щедрые земельные владения — города и волости, либо царь вновь «учинит» его на Сибирском «царстве» под своей высокой рукой. В Москве была составлена от имени царя Федора «опасная» грамота Кучуму, гарантировавшая ему безопасный проезд и царскую милость.

Однако обещания царских милостей не прельщали Кучума. Сын степей, он слишком высоко ценил волю. Свое последнее письмо воеводам Кучум адресовал так: «От вольного человека, от царя боярам поклон!» Хан желал узнать у воевод, нет ли указа насчет него от царя из Москвы. Он явно ничего не знал о царской «опасной» грамоте и добивался некоторых практических уступок. «Прошу у великого князя у белого царя, — писал он, — Иртышского берегу, да и у вас, у воевод, бью челом, того же прошу».

В последние годы жизни Кучума мучительно преследовали мысли о поражениях, покончивших с его счастливым царствованием. Он не раз вспоминал Ермака. И в своем последнем письме Кучум упомянул его имя. «А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти, — сокрушенно признавал он, — а Сибирь не яз отдал, сами естя взяли; и ныне попытаем миритца, либо будет на конец лутче».

Кучума удручали старческие немочи. Он стал слепнуть и пытался помочь беде, выписав снадобье для глаз из Бухары. Однако бухарский посольский караван попал в руки к русским, и хан смиренно просил воевод вернуть ему конский вьюк из захваченной «рухляди». «Очи у меня больны, — писал старец, — и с теми послы были зелия, да роспись тем зельям…»

Кучум пытался убедить воевод в своем миролюбии. Но он отказывался послать в Москву сына, что подрывало доверие к его словам.

В 1597 году Кучум собрал ясак с нескольких тарских волостей. Вскоре прошел слух, будто он готовит набег на Тару.

В августе 1598 года помощник тарского воеводы Андрей Воейков отправился в Барабинские степи, чтобы отыскать Кучума и разгромить его. При воеводе находились голова Черкас Александров, ратные люди, казаки, служилые татары, всего 400 человек. Ермаковский атаман возглавил поиск в двух «волостях», только что «отведенных» от Кучума. Захваченные им «языки» показали, что хан кочует на Черных водах и при нем находятся «в собранье» 500 татар да еще 50 бухарских торговых людей. Захваченные в плен татары подтвердили, что Кучум откочевал на Обь и собирает отовсюду людей, чтобы идти войной на Тарский городок.

Вести встревожили воеводу. В двух днях пути от кочевий Кучума было замечено сосредоточение воинов-калмыков — пять тысяч человек. Намерения их оставались неизвестными.

Воейков решил не терять времени. Ратные люди шли днем и ночью. Наконец на рассвете 20 августа они приблизились к ставке Кучума. Побоище началось на заре и

закончилось в полдень. Несмотря на то, что при Кучуме было 500 воинов, тогда как у воеводы лишь 400, татары потерпели сокрушительное поражение. В бою погибли брат и двое внуков Кучума, шесть князей, 15 мурз и «аталыков», 150 человек ханской гвардии. Около 150 татар погибли при отступлении. В плен к русским попали пять младших сыновей Кучума, восемь цариц из его гарема, пять высших сановников и 50 отборных воинов.

Кучума не было ни среди убитых, ни среди пленных. Одни говорили, что хан «в Оби реке утоп», другие — будто «Кучум в судне утек за Обь реку».

Действительно, хан в разгар боя бежал в небольшой лодке. Воейков пытался настигнуть беглецов, для чего наскоро соорудил плоты. «Плавал я, — писал воевода в Москву, — на плотах по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел».

Кучум вновь ускользнул от погони. Вскоре к нему «прибежали» трое старших сыновей и 30 воинов.

Выждав время, хан вернулся на место битвы и в течение двух дней хоронил убитых, а потом послал гонца к мурзе Кожбахтыю в соседнюю волость, прося лошадей и платье, «чем бы ему мочно поднятца». Мурза прислал ему коня и шубу, а затем сам прибыл к Оби и предложил Кучуму свидеться. Хан не стал дожидаться мурзу и ночью бежал прочь.

С наступлением осени 1598 года тарские воеводы вновь предложили Кучуму поступить на государеву службу, обещая вернуть жен и детей и пожаловать «царским жалованьем». При Кучуме не осталось ни одного писца, и он передал ответ воеводам на словах: «…не поехал деи я к государю по государеве грамоте, своею волею, в кою деи пору я был совсем цел, а за саблею деи мне к государю ехать не по что, а нынеча деи я стал глух, и слеп, и безо всякого живота».

Кучум нисколько не сгущал краски, описывая свое бедственное положение. Он почти ослеп и оглох. Его покинули все, и бывший властитель метался по степи, не доверяя даже своим слугам. Любой мурза мог захватить его и выдать недругам.

Старшие сыновья давно отделились от отца, соседство с которым становилось все более опасным. Кучум смирился со своей участью, но часто сетовал о пленении своего кормильца («промышленника»), тридцатилетнего царевича Асманака: «Хотя бы деи у меня всех сыновей поимали, а один бы деи у меня остался Асманак и яз бы деи об нем ещо прожил, а нынеча деи я иду в Нагаи, а сына деи своего (Каная. — Р. С.) посылаю в Бухары».

Канай поддерживал отца до последней минуты, не желая покидать его. Но Кучум пожалел сына и отослал его в Бухару, где доживала свои последние годы мать царевича.

Бывший властитель Сибири держался в Барабинских степях, пока находил поддержку у ногайских мурз и при дворе бухарского правителя. Когда же он лишился войска и всего имущества, от него отвернулись и ногайцы, и покровители из Бухары. Гибель Кучума стала неизбежной.

С тех пор как кибитки царевича Каная скрылись за Обью, следы Кучума затерялись в степях. Прошел слух, будто хан пытался отбить стада у калмыков, но был настигнут ими и разбит. Окончательно лишившись всего, Кучум бежал в ногайские кочевья и был там убит.

Царевич Канай иначе излагал историю гибели своего отца. Канаю не довелось найти прибежище в Бухаре, и его переполняло негодование на интриги бухарского правителя. Царевич считал, что калмыки были лишь орудием в руках бухарцев, а ногайцы явились такими же жертвами последних, как и сам Кучум. По словам Каная, бухарцы, заманив его отца «в колмаки, оманом убили», и, кроме того, «у них в бухарех многих нагайских мурз, заманив оманом, побили».

С гибелью хана Кучума Сибирское «царство» прекратило свое существование.

* * *

После смерти Ермака молва о взятии Сибири разошлась по всей Руси. В казачьей среде в Сибири родились первые песни об удалом атамане. Одни ермаковцы вернулись в родные станицы на Волгу, Дон, Яик и Терек. Другие, продолжая дело Ермака, ушли далеко на восток

к неведомому океану. Но куда бы они ни шли, они несли с собой давние «сказы».

В песнях Кирши Данилова Ермак приобрел черты былинного богатыря. Как некогда Илья Муромец сражался с враждебной Руси степной стихией, так и Ермак бьется и побеждает «царя татарского» и всю его силу.

Вольные казаки явились пионерами в освоении новых земель. Опережая правительственную колонизацию, они освоили «дикое поле» в Нижнем Поволжье, на Тереке, Яике и Дону. Поход Ермака в Сибирь был прямым продолжением этого движения. То, что первыми русскими поселенцами здесь стали вольные люди, оказало влияние на исторические судьбы Сибири. Преобладание народной колонизации привело к тому, что дворянское землевладение и крепостное право никогда не утвердились на сибирской окраине.

Казаки Ермака сделали первый шаг. Следом за ними на восток двинулись крестьяне, промышленники-звероловы, служилые люди. В борьбе с суровой природой они отвоевывали у тайги землю, основывали поселения и закладывали очаги земледельческой культуры.

Приложения[1]

Приложение 1 ПОГОДИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ[2]

Повесть летописная, откуду начяся царство бисерменское в Сибири и чесо ради наречеся Сибирь, и како Божиим повелением взята бысть православными хрестьяны, и како в Сибири бусорменская вера умалилась, а православная крестьянская вера распространилась.

О Сибирской стране

Сия убо Сибирская страна полунощие, отстоит же от Росийского государства от царствующаго града Москвы многое растояние, яко до двою тысящ и трехсот верст до перваго сибирскаго града Верхотурья, а ходу зимним путем з болшими возы семь недель; а стоит город Верхотурье на реке на Туре на левой стороне. Суть же промеж Московскаго государства и Сибирские земли облежит Камень превысочайши, яко инеми холми блиско досязати облак небесных. И сего же Камени многие рекии истекоша, овии поидоша к Росийскому государству, а инии поидоша в Сибирскую землю; в них же рыбы различные; по тем же рекам дебрь и пространная места зело.

Первая ж река в Сибирскую изыде землю, словущая Тура. По той же реке жителства имеет люди, глаголемыя вог[у]личи, глаголют своим языком, а поклоняютца идолом бездушным. В сию же реку Туру вниде с правой стороны река Салдавада Тагил, как плывучи Турою рекою от Верхотурья к Туринскому острогу; а Туринской острог стоит на той же реке Туре на правой стороне. А река Тура ниже города Тюмени многими поприщи пала в реку в Тоболу; да на той же реке Туре стоит город Тюмень на правой же стороне; а река Тобол пала

---

[1] В Приложение включены две сибирские летописи, посвященные походу Ермака и завоеванию Сибири. О значении Погодинской летописи для истории сибирской экспедиции Р. Г. Скрынников пишет специально (см. с. 53–60). Отдельные главки его книги посвящены также «Истории» С. У. Ремезова и включенной в нее «Летописи Сибирской краткой Кунгурской» (с. 97—100, 120–122). Кроме того, в Приложение вошел текст Синодика Ермаковым казакам, написанный в 1622 году по поручению тобольского архиепископа Киприана при участии уцелевших казаков дружины Ермака. Он был включен в состав общего Чина православия, совершаемого ежегодно в Неделю православия в первое воскресенье Великого поста, и позднее лег в основу местной тобольской летописной традиции. (Прим. ред.)

[2] Печатается по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / Под ред.

А. П. Окладникова, Б. А. Рыбакова. М., 1987. С. 129–137 (подг. текста В. Н. Алексеева, Е. И. Дергачевой-Скоп).

в реку Иртищ, а на Иртище реке стоит город Тоболеск; а выше Тоболска многим растоянием на той же реке Иртише стоит город Тара. А река Иртищ пала в реку в Обь великую ниже урочища Самаровых гор единым плесом. А Обь великая пала в окиян море розными своими устьи.

Первое начало Сибирской земле, как было мочно изыскать писмяны и старейшинами людми о начале тое Сибирские земли: река, глаголемая Ишим, вниде в реку Иртищ. На сей же реце Ишиме бе царь Маametова закону именем Он. И воста на него по некоих летех его ж державы от простых людей именем Чингис, яко ж бысть в Великой орде и в Руском государстве в некоторое время наименовася Темир-Аксак от простых же людей; пишет про то инде в московских летописцех. Чингис же со инеми нашед напрасно на царя Она и уби его, а царство Она царя приим Чингис. Некто ж от слуг царя Она соблюде от Чингисова убийства сына царя Она, ему ж имя [Т]айбуга. По неколикех же летех уведано бысть царю Чингису про Тайбугу, яко он, Тайбуга, сын есть царя Она, и приемлет его Чингис, и честью великою потчти его, и нарече его пот собою первым князем, и дарует ему в людех своих власть.

Князь же Т[а]йбуга прося у царя Чингиса воинских людей на войну иттить на иных людей, где он хочет. Царь же Чингис собра воинство многое и вооружено и отпусти Тайбугу с войском по реце Иртишу вниз к Обе реке, и тут живяше люди, именовася чють. Князь же Тайбуга, шед с войском, многие царю Чингису покорны учини, которые жили по реце Иртишу и по великой реке Оби живущих, и прииде ко царю Чингису с радостию. Царь же Чингис наипаче князю Тайбуге честь дарует. Князь же Тайбуга просися у царя Чингиса, чтоб ему повелел быть, где он хочет, тут да пребывает. Царь же Чингис отпусти его и рече: «Хде хощеш, тут пребываеши». Изыде ж князь Тайбуга со всем своим домом на реку Туру, и тамо созда себе град Чимги князь же Тайбуга, на том месте град Тюмень. Жил же Тайбуга во граде Чимги много лет и умре ту.

По нем княжил сын его Ходжа, по сем Ходжин сын Мар. Маровы дете Адер, Абалак. Мар женат был на сестре казанского царя Упака. Сей же казанской царь Упак зятя своего Мара уби и градом облада и владе много лет. А Маровы дети Адер да Обалак умре своею смертью. А у Адера остася сын Мамет, и по сем Адеров сын Мамет казанского царя Упака уби, и град Чинги разруши, и отойде оттуду внутрь Сибирские земли и постави себе град на реке Иртише и назва его град Сибирский, [си]речь началный, что ныне словет Старая Сибирь, от города Тоболска вверх рекою Иртишем 12 верст. Царь же Чингис живе много лет и умре. И оттоле пресецеся царство на реце Ишиме.

О Сибире, чесо ради Сибирь та вся страна Сибирь наречеся

Да егда убо [Ма]мет Адеров сын казанского царя Упака победи и повелел поставити град сего ради, яко царя победи, храбрость свою показа и ославя, и повеле тот град звати началным градом. Оттоле ж и вся та страна прозвася Сибирь. Гради ж сибирстии имянуеми кождо их по прилучаю; а опчея ж Сибирь имянуется, подобна яко и Римская страна Италия нарицается ото Итала некоего, обладавшаго странами вечерними, яко ж свидетелствует краника латышская. Гради ж Римския страны разньство имян имеют, общее же Италия нарицаетца. А прежде сего како та Сибирская земля нарицашеся, не ведомо, понеже как град Сибирь создан, тому много лет преиде. А преж того живяше ту по всей Сибирской земле, а како нарицашеся, того испытати не возможно: в память никому не вниде, ни писания обретох.

Княжение прочих сибирских царей и князей

По князе ж Мамете княжил на Сибири Абалаков сын Агиш. По нем же Маметев сын Казый. По нем же Казыевы дети Едигер, Бекбулат, которых побил царь Кучюм. Бекбулатов же сын Сейдяк.

О царе Кучюме

Прииде же степью ис Казачьи орды царь, зовомый Кучюм Мурзазелеев сын, со многими воинскими людми и доиде града Сибири, и град взя, и князей Гедегера и Бекбулата уби, и прозвася сибирский царь. И многи языцы тое Сибирской земли повинны себе сотвори и возгордися, мыслию превознесеся и сего ради погибе. Бекбулатов же сын Сейдяк ото убиения царя Кучюма жив бысть и изведен в Бухарскую землю. Царь же Кучюм царствова в Сибири лет доволно во многом богатьстве, в своей бусурманской славе и дани и оброки со многих людей иноязычных имяше. И по сем царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать в Чюсовую, и доходили до реки Камы и до города до Соли Камской, и многое дурно над православными християны починили. А как Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовою, и в тое ж пору прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с таварыщи, пограбили на Волге государеву казну и погромили нагайских татар и Чюсовой сибирским повоевать не дали. И с тех мест учали оне, Ермак с товарыщи, мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли до царя Кучюма. А за год до того времени, как Кучюмов сын дошол на Чюсовую, нехто был в Сибири ж пелымской князь Аплыгарым, воевал своими татары Пермь Великую в лето ж повеленья Гос[подня], в не ж Бог восхоте царство его разрушити и дати православным крестьяном.

Об вере царя Кучюма

Вера же и закон бысть у царя Кучюма Маометя проклятого. Святии же апостоли написаша во своих святых правилех: аще кто и прилежит Маамететевы заповеди и внемлет ученью его, анафема да будет, сиречь проклети.

О пришествии Ермакове в Сибирь

В лето 7089-го (1581), при державе великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержьца и обладателя, посла Бог очистити место идолское и победита царя Кучюма и безерменство его. И охрабри Бог не от славных мужей, ни царска повеленья воевод, и вооружи Бог славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына, прозвище ему было у казаков Токмак, а с ним собрася 540 человек казаков волских. И как Ермак с товарыщи, погромя государеву казну, пришел на Чюсовую, и тои и выше сего именовахом. А приход Ермаков с товарыщи в Сибирскую землю с Еика на Иргинские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны; а Волгою шел Ермак вверх, а из Волги в Каму реку и Камою рекою вверх же; а из Камы реки поворотил направо в Чюсовую реку и Чюсовою вверх же; а ис Чюсовой реки в Серебреную реку, а Серебреная река пришла от Сибирской страны в Чюсовую реку с правой стороны, и Серебреною рекою вверх же; а и[с] Серебреной реки шел до реки до Борончюка волоком, и суды на себе волочили, а рекою Баранчюком вниз в реку в Тагил; а Тагилом рекою плыли на низ же в Туру реку, что ныне по той реке Тагилу в Верхотурской уезд; и от Тагилу поплыл Ермак с товарыщи Турою рекою вниз и догребли […][3] до Епанчина, что ныне словет Туринской острог. И тут у Ермака с татары с Кучюмовыми бой был, а языка тотарского не изымаша. И царю Кучюму то стало ведомо, а приходу на себя Ермакова не чаял, а чаяху, что он воротитца назат на Часовую.

И сь Епанчина погребли на нис же Турою рекою в Тобол реку, а Тобол река пришла с правые стороны и[с] степи, и Тура река пала в Тобол реку. И Тоболом рекою доидоша до реки до Тавды, а Тавда река пришла в Тобол реку с левой стороны от Пелынского города, за

[3] Здесь и далее отточием в квадратных скобках обозначены пропуски в тексте из-за дефектов рукописи.

сто верст от города от Тоболска. И на устье ж той реки Тавды изымали татарина именем Таузак, царева Кучюмова двора. Поведа же им про царя Кучюма и про его воинство. Слыша ж царь Кучюм пришествие в Сибирь руских воин и мужество и храбрость их и о сем оскорбись зело. И посла вскоре во въсю свою державу, дабы ехали к нему все люди во град Сибирь и против руских людей ополчились. В мале же времени собрашась к нему множество татар и остяков, вогулич и инии языцы, яже под его властию. Посла же царь Кучюм царевича на встречю руским людем Мамекула со множеством вои и повеле устройно ополчитись. Сам же повеле засеку учинити подле реки Иртиш под Чюващевом, засыпати землею и многими крепостьми утвердити, яко ж есть достойно на боевое утвержение. Маметкул же с вои своими иде до некоего урочища, иже Бабачани имянуетца, на реке на Тоболе. Ермак же и воинство его, видевше таково собранье поганых, нимало того устрашишась. Бысть же ту брань велика, и побиша поганых множество, а досталные побегоша ко граду, ко царю Кучюму. Казацы ж поплыша в стругах своих по реке Тоболу к реке Иртишу. Татаровя ж начаша стреляти из-за гор на струги их. И то место проидоша ничем не врежены.

О Карачине улусе

Доидоша ж казацы до Карачина улусу. Се ж Карача думной бе царя Кучюма и любим ему был, делал царю пансыри и колчюги и всякую ратную збрую. Сотворишася ж с Карачею брань, и улус ево взяша, и множество богатства приобретоша, и царева имения тут взяша много. И доплыша ж до реки Иртиша. Погании ж на берег приидоша, овии на конех, овии ж пеши. Казацы ж на берег выскакаша, мужески и храбро на них наступиша. И в то время бысть поганым смертное поражение, и вдашася погании невозвратному бегству.

О собрание царя Кучюма и о розмышлении казаков

Царь же Кучюм, виде своих людей паденье, и изыде со многими людми и ста на горе, на высоце месте, зовом Чювашеве. А у засеки брат его царевичь Маметкул со многими людми и с великим ополчением. Казацы [ж] поидоша по Иртишу реке вверх и взяша городок Атик мурзы, и седоша в нем. Нощи ж пришедши, и быша вси в размышлении, видевше поганых многое таковое собрание, яко битись единому з дватцатью поганых. И убояшась и пристрашни бысть. И восхотеша тое нощи бежати назад, инии же не восхотеша, яко уже осень бе, возвратиться мало мошно, но уповаша на Бога, утвердишася и протчих уповати на Бога, яко да идут заутра противу поганых.

О бою под Чювашем у засеки

Месяца октября в 23 день, на память святого апостола Якова, вси рустии люди из городка вышли на бой, и вси глаголаху молящеся: «С нами Бог, сотворитель наш! Да поможет нам, созданию своему!» И паки приложиша: «Боже, помози нам, рабом своим, и прослави свое великолепое имя святое, где было безбожие!» И начаша приступати к засеке, и бысть брань велика. Тии же погании зверие поиде дерзостно, показовахуся, яко копейны сулицы во [утро]бах, и бьющеся с обою стран крепко. Погании же пустиша тмочислено стрел, а сами одеяны железом и меднощитницы; казацы ж противу их изо огненнодыщущих пищалей стреляху. И бысть бой и сеча зла, за руки емлющесь сечахуся. Божиею же помощию рустии крепляшуся, а погании помалу начаша оскудевати и слабети. Казацы ж погнаша и вослед их побивающе, и ногами их попирающе. И очервленишась тогда поля кровми и трупием послаша ту, яко ж древле бысть от телес у Троинского града близ Скомандры реки пленующу Акилесу. Тако бо тогда победиша окаянных бесермен за их идоложертвие и кумирослужение. Царевича ж Маметкула уязвиша руские вои, тогда убо и поиман был, но свои его увезоша на он пол реки Иртиша. Царь же Кучюм учал быть зело страшен от православнаго воинства.

О побе[г]е царя Кучюма

Царь же Кучюм, стояще на горе высоке, зовомые Чюваша, и веде своих падение, повеле мурзам своим кликати скверную свою молитву и призывати на помощь скверные и проклятие свои идолы. И не бысть ему помощи от них и никоего успеха. В то ж время князцы остяцкие своими людми с остяки отоидоша от царя Кучюма кождо во своя улусы по юртам. Царь же Кучюм, виде руским людем поможение всесилнаго Бога, сотворшаго небо и землю, а свое видя божество и царство своего видя лишение, рече сущим с ним: «Побежим не медлюще, сами видим всему лишение; были силнии, а ини изнемогоша». И скорбен бысть зело, рече: «Что сотворю и где скрытись?» Покры срамота лице его, и еще рече к своим: «Хто мя победи, из царства отгна? Ведаем, от простых бо людей Ермак и не со многими прииде и толико зло сотвори, воя моя изби и меня посрами». И потом глаголя: «Яз победи во граде Сибири князей Едингара и Бекбулата и многое богатство приобретох, також ни от кого послан, а ныне обратились мои дела противу мне». И прибеже царь Кучюм во град, и взя мало нечто от сокровищ своих, и вдашась невозвратному бегству со въсеми людми. Град же свой Сибирь остави пуст.

О пришествии во град Сибирь атам[а]на Ермака и прочих с ним казаков

Да егда убо под Чювашем преста бранное ополчение, рустии ж [людие] утрудишась, и уж бе нощи приспевши. Отоидоша оттуду и обначеваше ту, стражи ж утвердивше крепцыи от поганых, да не яко окоянни ухапят аки змеи.

И не ведаще, яко погании от града изыдоша. На утрии ж вси рустии люди помолившесь Господу Богу и молитву сотворше ко всещедрому создателю своему Богу и к Пречистей его Богоматере, и ополчишась поидоша ко граду Сибири небоязнено. Да яко ж приближишась близ града, и не бе слышати в граде ни гласа, ни послушанья, мняше ж себе, яко скрышась погании з бойством во граде. Но уповаша на Бога, приидоста во град. Приидоста ж Ермак с товарыщи своими во град Сибирь в лето 7089-го октября в 26 день, на память святаго великомученика Христова Дмитрея Селунскаго. И прославиша и благодариша Бога, давшаго такову победу на окаянных идолопоклонник, на огарян, яко бежаша множество их поганых от малочисленаго [воинства; и вси] радостию великою радующеся рустии люди, славяще Бога и Пречисту[ю] его Богоматерь. Достойно бо во истину воспоминати сию на поганых победу, а дараванну[ю] милость Божию к роду крестьянскому и преидушая времена, яко немногими вои таковое пресловущее царьство взято бысть.

О пришествии татар, остяков во град Сибирь к Ермаку с товарищи

По взятии ж Сибири в четвертый день прииде к Ермаку во град Сибирь остяцкой князец имянем Бояр со многими остяки, принесоша ж Ермаку с товарыщи многие дары, мяхкие рухлядь и запасы, яже на потребу. По сем же начаша ту приходити татары многие з женами и [з детми] и начаша жити в первых своих домех, видяш[е], яко покори их Бог православъным крестьяном.

О убиении казаков от татар

Того ж лета месеца декабря в 5 день Ермакове дружине без опа[сения?…] Иртишем к урочищу, именуется Абалак, а ходит для рыбной ловли ясаул казачей имянем Брюзга с товарыщи. И поставили стан свой, почиша бе[с] стражей, не чаяше на себя нашествия безбожных. Брат же царя Кучюма царевич Маметкул со многими людми пришед на них тай и поби их. Слышано же бысть во граде у Ермака о убиении есаула Брюзги с товарыщи. Ермак же з дружиною своею погнаша вослет поганых и достигоша их. И бысть с погаными

брань велика на многь час, погании же на бежание устремишась. Ермак же с товарыщи во град Сибирь возвратися.

О послании к государю к Москве сь сеунчем

Егда ж изволи Бог предати православным крестьяном Сибирскую землю, по взятии, того ж лета Ермак с товарыщи послаша к государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии к Москве сь сеуньчем атамана и казаков, тут же послан был казак Черъкас Александров потому […] не малой, всего 25 человек. И писали Ермак с товарыщи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, всеа Русии самодержцу, что изволением всемилостиваго в Троицы славимаго Бога и Пречистой его Богоматери и великих всеа Русии чюдотворцов молитвами, а его, государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русии, праведною ко всещедрому Богу молитвою и его царским счастием, его государевы люди, атаман Ермак Тимофеев с товарыщи, царъство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царъскую высокую руку подвели и к шерти их привели, а сибирскаго царя Кучюма и с его детми с Алеем да са Алтынаем да с Ышимом и сь его вои победита и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша ж. А иноязычных многих людей татар и остяков и вагуличь привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царъскою высокою рукою до веку, покамест […] стояти, и ясак им государю давати по вся годы, а на руских людей зла никакого не мыслить. А которые похотят к государю в его государеву службу, и тем служити его государева служба прямо, недругом его государским не спущать, елико Бог помощи подаст, и самим им не изменить, к царю Кучюму и в ыные орды не отъехать и зла никакого на всяких руских людей не думать, и во всем стоять в прямом постоянстве.

Посланнии ж от Ермака атаман и казаки к Москве приехеша. Поведано ж бысть о том благочестивому государю. И благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии слыша сия и повеле отписку принять и вычесть перед своим царским лицем. И егда государь услыша Божию помощ и силу, яко снабдит Господь государство ево и пространство ему дарует и непокоривыя покоряет и повинных сотворяет, и неповинныя и непослушливые повинны бысть, и тогда благочестивый государь царь прослави Бога и Пречистую его Богоматерь и великих московских и всеа Русии чюдотворцов, яко яви ему, государю, таковую превеликую богатую милость: немногими вои таковое царство достиже, а на поганых победа бысть. Ермака же заочно своим государевым жалованным словом пожаловал и похвалил, також и всех ево таварыщей атаманов и казаков. А тех сеуншиков пожаловал государь своим царским многим жалованьем, денгами и сукны. И паки государь отпусти их в Сибирь к Ермаку с товарыщи. И посла государь Ермаку с товарыщи многое свое государево жалованье, сукна и золотые. С ними же государь послал воевод своих князя Семена Волконскаго да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова, а с ними казанских и свияских стрелцов сто человек, да пермичь и вятчан сто ж человек, и иных ратных людей 100 человек. А Ермаку указал государь быть к Москве. И Ермак в тое пору убит, покамес сеуншики ездили к Москве.

О убиении Ермакове речется после сих. А как Ермак был жив еще в Старой Сибири до убиения своего:

О взятии царевича Маметкула и как пришол к Ермаку татарин Сенбахта

По сем же прииде во град Сибирь к Ермаку татарин именем Сенбахта и пове[да] Ермаку, что царевичь Маметкул, Кучюма царя брат, стоит на реке на Вагае вверх по Иртишу реке, от града Сибири поприщ 100, а Сибирь город от града Тоболска 15 верст по нынешнему содержанию. Ермак же посла некоторых резвых и искусных ратному делу. Поидоша ж сии воини, и дошедше агарян, и на станы их нападоша нощию, а им спящим, а иным еще убужающимся, и многих поганых побиша. Царевича ж Маметкулова шатра

доидоша, и обойдоша его, и яша его жива и со всем богатеством. Приведоша его во град Сибирь к Ермаку с товарищи. Ермак же рад бысть зело, и прият его честно, и поведа ему про государьское величество, и росказывает государево жалованье, и уласкает его ласкосердыми словесы. Царь же Кучюм ожидая к себе брата своего царевича Маметкула многое время, приидоша ж к нему вестницы и поведаша ему, царю, яко пленен бысть царевичь Маметкул. Слыша ж то царь Кучюм, и болезнова о том, и плакася со всем домом своим на много время.

О государевых воеводах с Москвы

Князь Семен Волконской пришел в Ст[ару]ю Сибирь, что был царя Кучюма город. А Ермак уже убит до князя Семенова приходу. А царевич Маметкул у казаков, у Ермаковых таварыщей И князя Семена Волконского не стало тут в Сибири вскоре, и многие руские люди померли от скудости хлебные. А голова Иван Киреев повез к Москве царевича Маметкула к государю, а с ним Ермаковы казаки. А в Сибири остался один голова Иван Глухов, а с ним осталцы Ермаковы казаки да которые люди присланы были с воеводою со князем Семеном Волконским и з головами, казанские и свияжские стрелцы да пермича и вятченя. А запасу у них не было никакого. И те все присылные люди, казанские и свияжские стрелцы и пермские и вяцкие люди, померли в Старой Сибири з голоду, а осталось толко Ермаковских казаков девяносто человек. И зимовал и Иван Глухов в Сибири, а на лето, как вода вскрылась, пошел ис Сибири черес Камень Собью рекою и вышел в Пустоозеро, а с ним Ермаковъских казаков девяносто человек. А Сибирь город оста[ви|л пуст, руские люди вышли въсе.

О пришествии князя Сейдяка из Бухар и отшествии от царя Кучюма думного его Карачи, яко же прежде именовахом, как улус того Карачи Ермак възял, не доходя царя Кучюма

Приидоша ж вестницы к царю Кучюму и поведаша ему, яко идет на него с войском многим князь Сейдяк Бекбулатов сын из Бухарския земли, еже от убиения царя Кучюма скрыясь там, и воспомянув отечество свое, и наследити восхотех, и хощет отмстить кровь отца своего Бекбулата и кровь дяди своего Гедегера. Царь Кучюм слыша сия от поведающих ему и убояся страхом велиим зело, еще бо изообилно в нем страху первого, еже бысть от руских людей. Тогда думной его Карача своими людми, иже весть вьсю дума его, отоиде от царя Кучюма и не восхотеша быть в повиновении пред ним. Слыша ж сия царь, печален бысть зело, и восплакася плачем велиим, и рече: «Его ж Бог не помилует, того и любимии его друзи оставляют и бысть ему, яко враги». Карача ж прииде к Ялымскому езеру, еже есть вверх реки Иртища, промеж реки Тары и реки Оби, и ту пребываше.

О взятии городков и улусов

Храбровшу ж Ермаку з дружиною своею по всей Сибирстей земли, ходиша ни от кого ж устрашающесь, страх бо Божий ко всем бысть живущим тамо, яко меч обоюду остр идый пред лицем рускаго полка, потиная многих, устрашая всех. Повоева ж многие городки и улусы по реке Иртищу и по великой Оби, Назымской же городок на Иртише реке взяша со князем их и со всем улусом и богатеством. И возвращахусь во град Сибирь з богатеством велиим и с радостью.

О послех от Карачи во град Сибирь, как еще Ермак жив бысть, до государевых воевод приходу

Перед воеводцким приходом, того ж лета, приидоша к Ермаку от Карачи послы и просиша людей оборонити их от Казачь орды. И даша на том шерть по своей безбожной

вере, что казаков не побить и никакова зла на казаков не мыслить. Ермак же с товарыщи посоветова и повериша их лукавому безбожному шертованию, отпустиша к нему атамана имянем Ивана Колца, с ним же 40 человек казаков с вогненым боем. Егда ж приидоша сии воини к нечестивому Караче, и внезапу оманом вси избиени быша от нечестиваго Карача. Слышано ж бысть Ермаку во граде, яко тии воини, Иван Колцо с товарыщи, побиени быша от нечестиваго Карачи, и плакахусь зело. Ведомо ж бысть поганым, яко атамана Ивана Колца с товарыщи Карача убил, и начаша по многим местам, по волостям и по улусам казаков погании побивати.

О пришествии Карачи с татары под град Сибирь

Того ж лета во время великаго поста прииде Карача со многими воинскими людми и облегоша град Сибирь, и станы поставиша. Сам же Карача ста в некоем месте, зовом Саукъсан, от града яко три поприща по реке Иртишу, многую ж гражаном тесноту деяше. Тогда же стояще до пролития воды, до месеца июня. Тогда ж изыдоша из града казаки тай и приидоша к станом Карачиным в Саукъсан и нападоша на нь нощию, онем же спящим безо всякаго опасенья, и побиша множество нечестивых татар Карачиных, двух же Карачных сынов убиша. А иные татаровя розбегошась врознь от страха без веданья. Сам же зломысленной Карача с невеликими людми убегоша за озеро. И прииде ж вси татаровя, кои стояще около града, в Сауксан, надеяхусь казаков всех смерти предати, и нападоша на нь, много бо их, безбожных, собрано бяху. Казацы ж крыяшесь в кустех и на выласку хожаше ис кустов, и бияшесь с погаными до полудьни. Татарове ж отступиша от них; казацы ж во град возвратишася. Карача ж виде, яко казаков не возмогох одолети, отъиде восвояси срамом велиим.

О убиении Ермакове и протчих казаков от царя Кучюма

Лета 7092-го (1584) посланием Божиим уготовись час, прииде на воинов смерть. Приидоша от бухар от торговых людей весницы к Ермаку во град Сибирь и поведаша, яко царь Кучюм их в Сибирь не пропусти. Ермак же слыша то и со многими воинскими людми поиде на встречю к ним по реке Иртишу в стругех. Дошетщу ж им до реки Вагая, бухарцов не обрете и паки поидоша по Вагаю реке въверх до места, иже зовомо Атбаш, и ту не обрете их, оттоле возвратись. Пришедши ж нощи, казаки ж утрудишась от многаго пути. Доидоша ж до перекопи и ту обначевашесь и поставиша станы своя. Стражи ж крепки не утвердиша, ослабеша умы своими, яко приходит смертный час их. Царь же Кучюм узрев их, повеле тое нощи крепко стерещи и многих татар по многим местом розосла. Тогда же тое нощи бысть дождь велик, в полунощи ж приидоша множество поганых, казаком же спящим безо всякаго опасеннья. И нападоша на нь погании, и побиша всех, толко един казак утече. Ермак же виде своих воинов от поганых побиваемых, а помощи ни от кого чающе, побеже един в струг свой, а струг отплы от брегу, и не много доити, понеже одеян бе железом в пансыре тягче; и не доплы струга, утопе. Бысть се послание на воинов Божиим произволением месяца августа в 5 день. Слышав же сия во граде оставшая казаки, яко Ермак и прочие казаки убиени бысть, и плакахусь горце зело на много время.

А после того въскоре пришли от государя с Москвы с ратными людми воевода князь Семен Волконской да головы Иван Киреев да Иван Глухов, а с ними казанские и свияжские и пермские и вятцкие стрелцы. И о князь Семенове приходе Вол[конскаго] впреди рекохом, и как князя Семена Волконскаго во граде Сибири не стало. И многие Ермаковы казаки, и которые с Руси люди пришли, померли в городе з голоду. А Иван Киреев пошел с царевичем Маметкулом к Москве. И как Иван Киреев с царевичем Маметкулом пришел к Москве 92-м (1584) году, и в то время, Богу изволщу, царя Ивана Васильевича не стало. А по своем преставлении повеле на царской престол возвести сына св[о]его, благочестиваго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии. Привезоша ж царевича Маметкула, и

по государеву указу въстреча ему была честна, и пожаловал его государь царь и великий князь Феодор Ивановичь всеа Русии многим жалованьем, потом же и служилых людей.

А в Сибири только остался во граде Иван Глухов, а толко с ним Ермаковых казаков девяносто человек. И убояшась тут жити и беззапасны до конца, изыдоша из града Сибири и поплыша по Иртишу реке вниз и по великой Оби вниз же, и черес Камень прошли Собью же рекою в Пустоозеро; тута ж казак Черкас Александров. А куды ныне ходят черес Камень, тогда того пути не бывало. А ис Пустаозера пришли к Руси. А град Сибирь оставиша пуст.

О царевиче Алее Кучюмове сыне и о князе Сейдяке, как пришел из Бухар

Егда же из града Сибири казаки побегоша, тогда то уведа царевичь Алей, царя Кучюма сын, яко град пуст остася. Прииде с воинскими людми и вниде во град, и нача ту жи[т]и. Слышано ж бысть о том князю Седяку Бекбулатову сыну, яко Ермак с товарыщи на перекопи от царя Кучюма убиени бысть, а прочии же бежаша из града, а градом обладоша царевич Алей Кучюмов сын. И собрася своими воинскими людми и со всем домом своим, и прииде из Бухар ко граду Сибири, и град взял, а царевича Алея взял и прочих Кучюмовых сынов смер[тью] убил и из града изгна. А отчину отца своего Бекбулата Казыева приемлет и пребываше во граде.

На Москве ж чающе Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди. И послаша с Москвы воеводу Ивана Мансурова, а с ним семсот человек служилых людей розных городов, казаков и стрелцов. По Ермакове ж убиении и по смерти князя Семена Волконскаго во второе лето прииде с Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людми и доидоша в судех рекою Тоболом до реки Иртиша. Тогда ж татар собрашась множество во уреченом месте у реки Иртиша на брегу. Государев же воевода Иван видя таково собрание поганых и слыша, яко град Сибирь пуст, а казаки бегоша к Руси, и убояся поганых, и не приста ко брегу, и поплыша вниз по реке Иртищу, доплыша же до великии Оби. И бе бо тогда уж осень, и лед в реках смерзаетца. И видя то, яко наставаше зима, и повеле на реке Оби на другой стране против иртишъскаго устья постави городок, и зимова тут с войском.

[О пришествии остяков к городку]

По неколиких же днех, зимним временем приидоша под городок множество остяков, живущии по великой Оби и по Иртишу. Начаша ж к городку приступати со всех стран. Людие ж из городка противляхуся им, також стояще и биющеся у городка день весь. Нощи ж приспевшу, погании ж отступиша от городка.

На утрии ж паки приидоша остяки под городок и принесоша с собою кумира своего, понеже в земли их кумир словутен бе и почитаху они, погании, себе вместо Бога. Его ж поставиша под [д]ревом и начаша жрети пред ним, надеяхусь, яко помощью его християн взяти и смерти предати. В то же время, егда иже жруще, стрелиша из горотка ис пушки и древо оно, под ним же бе кумир, розби на многи части. И сего погани устрашишась зело, не ведующе, что се есть, и мняху, яко хто из лука стрелил, и реша друг ко другу: «Силнии убо сии стреляти, яко таковое древо разби». И с того страха отоидоша восвояси, а Иван Мансуров в том городке жил многое время и до весны.

О пришествии государевых воевод в Сибирь и о поставлении градов в Сибири

В лето 7094-го (1586) по государеву цареву и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии указу приидоша с Руси воеводы Василей Борисов сын Сукин да Иван Мясной, с ними ж многие руские люди и Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарыщи. И поставиша на реке Туре град Тюмень, иже преже бысть град Чимги, и домы себе поставиша, и воздвигоша ж церковь во имя живоначалные Троицы в прибежище всеправославным крестьяном. Того ж лета пришел государев воевода князь Федор Горчаков и пелымскаго князя Аплыгарыма,

призвав в город, поимал.

О граде Тоболске, о здании и о поставлении святых Божиих церквей, и яко началный град той наречеся

В лето 7095-го (1587), при державе великаго благочестиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии, по его царскому повеленью послан в Сибирь с ратными со многими людми его государев воево[да] Данило Чюлъков. И по повеленью государскому доидоша до реки Иртиша, от града ж Сибири вниз 12 поприщ. И обрете место на той реке Иртише усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единыи версты, на велице горе и красно велми, а под горою по реке Иртишу луги великие и озера все благополучные, Богом строенное место, плавающим же защита ту бури и пристанище тихо и покойно. И на сем же прекрасном месте поставишася град и нарекошася имя ему Тоболеск реки ради Тоболы. Се же и доднесь государева вотчина посреде всее Сибирской земли, богоспасаемы град Тоболеск. Туто ж во граде Тоболске создашася храм во имя Пресвятыя живоначалные Троицы, понеже ту в Троицы славимому Богу прославляему быти от православъных крестьян; аще бы не благоволи Бог создатись ту граду и воздвигнутись святым [Божиим] церквам, мощен бо есть Бог наставити крестьян и помощи им, дабы шедши, помощию его взяша град Сибирь и князя Сейдяка, иже бе в нем господин, победити. Ныне же благоизволи ту и просвети место во славословие живоначальной Троицы Отцу и Сыну и Святому Духу: вместо преже имянитаго града Сибири Старой сей именовася. И начало градовом бысть град Тоболеск, понеже еще ту победа и одоление на окаянных бесермен бысть, и началный царствующаго града Старой Сибири Сейдяк ту в Тоболске взят бысть Божиим праведным промыслом. И паче же сей Тоболеск вместо царствующаго града Старой Сибири именовася и препрослыся началным градом.

О взятии князя Сейдека и царевич[а] Казачьи орды Салтана и Карачи

То был думной у царя Кучюма, а побил он обманом Ермаковых казаков Ивана Колца с товарыщи, призва к себе оманом, бутто на спомочь от Казачьи орды людей.

По поставлении же града Тоболска при воеводе Даниле Чюлъкове изыде и[с] Старой Сибири, из града, что от Тоболска 12 верст, князь Сейдяк, с ним же бысть и из града изыде царевич Казачьи орды Салтан, туто ж бысть царя Кучюма думной Карача, с ними же воинских людей пятьсот человек. И доидоша Иртишем, гуляючи близ Тоболска, яко за 2 поприша, имянуетца ж место то Княжой луг, позать того места, что ныне Знаменской монастырь, и нача тешитися ястребы за птицы. Увидев их из града Тоболска воевода Данило Чюлков и посоветовал, отпусти ко князю Сейдяку посланников и приказа им говорить князю Сейдяку, что он приехал в город советовать о мирном поставлении, тогда еще яко им, безбожным, злом дышащу на православных крестьян. Посланныцы пришедше ко князю Сейдяку и возвестиша ему сия въся, яко же повеле им глаголати воевода Данило Чюлков. Князь же Сейдяк слыша от послалников сия с[л]овеса и учал советовать с царевичем Салтаном и с Карачею, и абие совету бывшу, и поиде князь Сейдяк и с ним царевичь Салтан и Карача, а с ними по их веленью поиде воинских людей сто человек, [про]чих же оставиша вне града. Приидоша ж во град Тоболеск. Воевода ж Данило Чюлков с воинскими людми встретиша их во градцких вратех, оружия же их повеле положити вне града. Приидоша ж вси во двор воеводцкой и седоша ж за стол, уже бо вся уготовлена суть ести и пити. Глаголаше ж много о мирном поставлении. Князь же Сейдяк седяше задумався, ничто же пия, ни брашна вкуси. Видев же сие Данило Чюлков и рече князю Сейдяку: «Князь же Сейдяк, что зло мыслиши на государевых людей, на провословных християн, ни пия, ни брашна вкушая?» Рече ж князь Сейдяк: «Аз не мышлю на вас никакого зла». Данило ж прием чашу питья и рече: «Понеже, Сейдяк, аще ты не мыслеши зла, и с тобою царевичь Салтан и Карача, на нас, православных християн, и выпей сию чашу за здравие». Прием же чашу князь Сейдяк и нача

пити, и поперхнув в гортани. По нем же приим чашу царевич Салтан, нача пити, також поперхнув. Потом же нача пити Карача, також поперхнув же в гортани, яко ж оне зло мысляще, Богу бо обличающе их яве. Видевьше ж сие Данило Чюлков и служивые государевы люди и познаша, яко князь Сейдяк и прочии с ним зло мыслят на государевых людей, на православных християн, и помаяв рукою Данило своим, воинские ж люди начаша поганых побивати. Князь же Сейдяк кинулся в окошко и за ним царевичь Салтан и Карача, но абие поиманы быша, связани бысть, прочии ж побиени быша. Слыша ж стояще погании вне града, яко князь их Сейдяк побежен бысть, и на бегство устремишась, яко от страха, и во град свой не возвратишась. Слышавше же во граде Сибири такое побеждение, и всии из града побегоша, ни един же остася.

О послании князя Сейдяка и царевича Салтана и Карачи к государю к Москве

По неколице ж времени послаша князя Сейдяка Старые Сибири, и Казачьи орды царевича Салтана, и бывше зломысленъного Карачю в царьствующий град Москву со многими воинскими людми.

О всех благих, яже от Бога подаваемая

Оттоле же солнце Евангилия землю Сибирскую осия и псаломский гром огласи; а егда не было в Сибири веры християнския, тогда ж не было во всей Сибирской стране грому, и нихто отнюдь не слыша. И Божиим повелением на мнозех местех поставишась гради и села, веси, в них же множество внутрения жителя, православъных пребывания быша, паче ж просиявающе в велелепную славу Отцу и Сыну и Святому Духу. Мнози ж невернии, видевще истиную православную крестьянскую веру, крестишась во имя Отца и Сына и Святаго Духа и от неверия верни бысть. Всюду ж по той земли благодать Божия излиясь по писаному, глаголющему Давиду: «Посетил еси землю и упои ея, умножил еси и обагатити ея». И мнози от неверия бысть вернии. Паче же и чюдеса Божия ту содеяшась, еже есть избавлении недугом, и свобоженью страстем, и различным болезнем исцеленье, и прочая благая, подаваемая нам, православъным крестьянем, от всемогущаго Бога. Аминь.

А у царя Кучюма было всех десеть сынов. И семи сынов у царя Кучюма убил князь Сейдяк, которой пришел из Бухар, в Старой Сибири, выше сего то рекохом же. А три сыны у Кучюма, царевич Алей да царевичь Алтынай, при прежних государех были на Москве; а как оне взяты, тому писмо есть в Посолском приказе. И брат царя Кучюма Маметкул был на Москве же, а как он взят в Сибири и привезен к Москве Иваном Киреевым.[4]

Приложение 2
СЕМЕН УЛЬЯНОВИЧ РЕМЕЗОВ. ИСТОРИЯ СИБИРСКАЯ. ЛЕТОПИСЬ СИБИРСКАЯ КРАТКАЯ КУНГУРСКАЯ[5]

История сибирская

Искони Всевидец християнский наш Бог, Творец всея твари, зижьдитель дому Своего и снабдитель винограду и мысленных овец, судебно предповеле проповедати ся чрез Сибирь

---

[4] Текст летописи сохранился в дефектном виде, конца недостает (см.: Полное собрание русских летописей. Т. 36. С. 19). (Прим. ред.)

[5] Печатается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 550–582 (подг. текста и коммент. В. Н. Алексеева, Е. И. Дергачевой-Скоп) (с некоторыми изменениями).

Евангелие в концы вселенныя на край гор Тобольску граду имениту.

Велий Господь Бог наш християнский, еже подает рабом Своим от рождения, яко жь Самсону, исполинство, тако Ерману Тимофееву сыну Поволскому даде силу, спех и храбрость смлада во единство сердца и вседушно храбръствовати.

И в таковой храбрости Герман, в дружине своей Ермаком прослыв и атаманом наречен, яко зрачен, воюя бусы по Хвалынскому морю и по Волге со многими своеволными вои, яко и царскую казну шарпал.

Слышав благочестивый царь Иоан Васильевич на таковых взыскание, посла силных своих вои, повеле вся избити, а началных, поимав, скончати, да не имут казны его разбивати и пути запирати.

Слыша Ермак от многих чюсовлян про Сибирь, яко царь владелец: за Каменем реки текут надвое, в Русь и в Сибирь; с волоку реки Ница, Тагил, Тура пала в Тобол. И по них живут вогуличи, ездят на оленях. По Туре же и по Тоболу живут татара, ездят в лотках и на конях. А Тобол пал в Ыртыш, и на Иртыше царство близ устья и многие татара. И Иртыш пал в Обь. А Обь река пала в море двема устьи, а по ней живут остяки и самоедь, ездят на оленях и псах и кормятся рыбами. А по степи калмыки и мунгалы и Казачья орда, ездят на вельбудах, а кормятся скотом.

Собрании вои в лето 7086 и 7 (1578—79) с Ермаком с Дону, с Волги и с Еику, из Астрахани, и с Казани, ворующе, разбиша государевы казенные суды послов и бухарцов на усть Волги реки. И сълыша посланных от царя с казнью, овии от них разыдошася, другии от многаго числа разбегошася в различные грады и веси.

Ермак побеже вверх по Волге и по Каме и дошед Орла городка, и ту многие запасы у Строгановых, ружье и вожей взял, и бежа по Чюсовой и речкою Серебреною до волоку. И переволокли суды на Тагил, волоку бе 2 дни ходу, инии жь суды на волоку покинуша.

И приехав на стан Тагила реки в урочище речки Абугая в лето 7088 (1580) году со единомысленною дружиною, с 3000 человек, и ту плениша многих вогуличь, улусы и плен взяша, овии же доброволно покоришася до Тавды; и воеваша во всю зиму Пелымские уезды до весны.

Весне же пришедши водополью, овии жь не похотеша с Ермаком воевать и язвленными вспять в Русь возвратишася, инии же на станех умроша, инии же в походех избиени. И остася плыти вниз с Ермаком 1636 человек и приемше запасы на пропитание свое.

Весне же пришедши, яко храбрии казацы видевше и разумевшие, что Сибирская страна богата и всем изообилна, и живущии люди в ней не воисты, и поплыша вниз по Тагилу маия в 1 день, разбиваше суды по Туре до перваго князя Епанчи, идеже ныне Епанчин Усениново стоит. И ту собрашася много агарян, и бои починиша по многи дни, яко лука велика, вверх ходу 3 дни, и в той луке биюшеся велми до выезду; и ту казацы одолеша.

И воеваша все лето, и августа в 1 день взяша град Тюмень, еже Чингида, и царя Чингыза убиша и многие припасы и богатства взяша, и ту зимоваша, яко видя множество бусурманского языка по Туре, и не смеяше плыть до Тобольска.

Первоначалные с начала века цари бусурманские именем: Онсом хан, кочюя по Ишиму и живше на усть Ишима реки, град на Красном Яру Кызыл-Тура и трои окопи; по Онсоме хане Иртышак царь, тем именем Иртыш река, конца не имать, то и ево царство безконечно будет, его жь Чингыз, царь тюменской, войною преодолев; и по Иртышаке Саргачик царь до Кучюма, его жь Кучюм пленив. Ишимские жь татара и доднесь именуются саргачики. Тюмень слыла Онцимки.

Маметь царь казанскаго царя Алима победил и на усть речки Сибирки град Кашлык учинил, царство в Сибири распространив и поддани учинил. И оттоле нача славнее зватися Сибирь и цари, их же бусурманская история поведает.

По сих в Сибири в Кашлыке граде царствовали Агиш царь, Абалак Агишев и по нем Маметь, тажь Маметевы дети. При сих во вся лета видеша царь и князи, агуны, муллы и абызы и протчие бусурманы на том месте, идеже ныне град Тоболеск и соборная церковь, до колоколни видешася христианский со светом град в воздухе и церкви и звон велий, яко ими

дивитися и ужасно недоумея, что будет се. Сие ими видение начатся видетись, яко примером бусурманских историк, с 7060 (1552) году во вся зори и праздники им и до приходу Ермакова.

При Маметеве сыне царе Сенбахте и видешася в летное время воды и земля, и травы окрововлены и черны, на градском же месте по горе и долу искры златы и сребрены блещашеся. Место жь то, идежь ныне град, мыс той зовом Алтын Яргинак.

При Саускане царе на градском месте, идежь соборная церковь, видешася всем бусурманом огненный столб от земли и до небеси, и в том огне многи видения различны. И бусурманы и доднесь видению тому и ужасу возвестить по летописцу своему не умеют, точаю един звон слышан.

Поблизу жь городоваго места, за речкою Курдюмкою, на мысу город и окопи, зовом Бицик-Тура, живяше мурза Девлетим Бай. Людие ж видеша в толпе ужасное видение различное, и битвы, и взук, побегоша во град Кашлык вне ума, овии жь решишась ума и умроша. Ныне словет Паней Бугор.

Царь Кучюм прииде от Казачьи орды со многими вои, и побив царя и князи Етигера и Бекбулата, и прославишася сибирской царь, и дани со многих низовых язык взяша, и городки свои разпространиша, по многим местом названми своими владеша.

Кучюм бе веры бусурманские, кланяшася кумиром и жруще скверно, и пребываше безаконно, яко имети ему 100 жен и юнош, тожь девиц, тако жь и протчим агаряном безазорно, елико числом хощут. Бог же всевидец пресече царство его вскоре.

Во второе лето ехав Кучюм в Казань и дочь казанского царя Мурата взят в жену, и с нею многих чюваш и абыз и рускаго полону людей, и приехав на Сибирку, пребываше славно.

Розсадив царь Кучюм жен своих болших во блиских местех, взят дочь у Девлетима мурзы и пребывать ей устроив близ градскаго места, на Паньине Бугре; другой же на Сузгунъском мысу, именем Сузге, по той жене и город зовом Сузга. Ныне ж словет Сузгун место то. И ездиша к ним по пятницам.

При Кучюме же предиреченные знамение начасте; видешась бусурманом всегда, яко им от таковых видений велми во ужасе быти. И начаша волховски пытати, что имать быти, и пленник вопрошати, что руски видение се. Их же волхвы и пленники согласно к Кучюму провозвестиша, яко Бог отдает место то християном вскоре и тебе изгонит, и скончаешись в злом пребывании. И бысть тако. Он же повеле за се многих казнити.

Царь Иван Грозный приказывает казнить воровских казаков: «Слышав благочестивый царь Иоан Васильевич на таковых взыскание, посла силных своих вои, повеле вся избити…»

Ермак собирает сведения о Сибири: «Слыша Ермак от многих чюсовлян про Сибирь, яко царь владелец: за Каменем реки текутъ надвое, в Русь и в Сибирь…»

При Кучюме же видение бысть: на усть великих рек Иртыша и Тобола велик бе остров пещаной, и много во многое время видеша в полдни с агареном два зверя, исходяще со сторон острова из Ыртыша и Тобола на среду, и битву учиняше между собою велию. Иртышной же бел и велик, волосистой, с вола, подобие волку. Тоболной же мал и черн, подобен псу гончему, яко жь в битве одолевати болшаго, и мертва излагати, и в воду уходити. И болшей оживаше и в воду уходя.

Се же видение многаши видев и сам Кучюм с людми, и вопрошаше агунов и абыз, и волхвов, и абыз своих: «Что се видитца?» Они ж возвестиша: «Болший зверь — твое царство, а малый — руский воин, имать быти вскоре, и тако тя умершвляти, и пленити, и в разхищение отгнати, и грады твои взяти». Кучюм же таковых повеле по лугу конми развлачити.

Паки на предиреченное возвратимся, о нем же слово належит. Ермаку же пребываюшу в Чингиде, и воем его времено умаляюшеся цынгою и недугом чрева, Кучюм жь изходяще в походы на Камыш со всеми вои пребываше, благодариша Бога, яко рыб сухих, и ячменя, и полбы множество обретоша.

Весне же близу приспе время Кучюму ясак с подданных своих збирати; соболи и лисицы и прочих зверей и рыб. Посла в Тарханской городок к Тархану мурзе дворецкаго своего Кутугая. Он же пришед для збору. В то время казацы плениша его в Тарханах, Тарханской же бе заставной таможной Кучюмов городок, а не Чингызов, и привезоша его к Ермаку и с есаком.

Ермак же вопрошаше его с великою честию о царе Кучюме и о всем житии его, похваляюше их, глаголаше ему, яко в гости приехал, показуюше казацы храбрость свою и стрелбу огненную и 5 человек атаманов. Они ж казаков и прежь сего не имуще видети,

дивишася, возвести ему вся подробну о Кучюме и жителех. Ермак же отпустив е к Кучюму чесно и подарив и: Кучюму и челобитье, и трезуб, гостинца всем женам, челобитье князем и мурзам и протчим людем посла, и сказа, яко вспять возвратися в Русь.

Кутугаю же, едушу санми, по пути своем возвещаюше во всех кучюмовых городех, яко гость славный и храбрый приехал с пятью казаками, яко стреляют невидимыми стрелами, и дары свои от Ермака кажуше многи, возхваляюшу Ермакову добродетель, Кучюму челобитье и женам ево всем, и князем, и мурзам, и проччим возвещаше.

Пришедшим же Кутугаю до Кучюма и вниде в ургу в руском платье цветном; ясаку же не привезе, возвещая, како поиман Ермаком и вопрошен, и невидимое стреляние пяти казаков видев, и челобитье посланное и трезуб ему и женам всем, челобитье князем и мурзам и протчим сказа со удивлением и страхом велиим.

Слышав же се Кучюм и прият трезуб и челобитье всем чесно, и оскорбе, зело печален бысть. И посла во вся пределы своя собрати вся живущия подданные по градом своим. Сам же с волхвы нача гадати: «Что хошет над нами быти?» И уразумеша вси, яко воин Еръмак князь не поедет в Русь, но будет к нам вскоре и разхитит всех.

Ермаку же тогда пребываюшу в Чингыде-граде. Внегда ж приспе путь струговой, майя в 9 день 7089 (1581) году, поплыв вниз по Туре со всяким искусом неспешно. Доехав до усть Туры-реки, ту ожидаше 6 князьков, Маитмаса, Каскара, Варваринны, и бишась по многи дни.

Вой же с Ермаком остася 1060 человек, и многих бусурман побиша, и Божиею помощию одолеша, и множество имению взяша, яко стругом их не подняти. И погребоша то имение в земли на усть Туры реки.

По первой брани с кучюмляны, июня 8 дня, поплыша вниз по Тоболу реке, воююще и живуще делно. Доплывше до урочиша Березоваго Яру; ту бе велии бои по многи дни быша. Бусурманы жь, яко овцы из гнезд своих стрекаше, казацы жь, Божиею помощию и явлением стратих силы Господни, и тех побиша.

Оттоле поплыша вниз по Тоболу июня в 29 день, и доплы до урочища Караулнаго Яру. Ту бе на Тоболе место уское. Кучюмляне же оградиша чрез цепми железными, яко да удержит вся струги и казаков убиют. Бе же тут город опасной Кучюмов, есаула Алышая, и ту бишась 3 дни, день и нощь нещадне. Казацы жь одолеша и цепи разломаша, и проплыша с кусты таловыми.

И проплыв до усть Тавды реки и стояше неделю, размышляйте, яко да идут с вожами вспят, по Тавде вверх и чрез Камень вогуличами да возвратятся.

К Кучюму же весницы непрестанно возвешаще о многом собрании казаков и о побивании своем, яко разорены, кажуше сечение бердышей и палашей, раны своя. Кучюм же плакашеся их и паче ярняшеся на казаков.

Ермак же со единомысленники своими, надеяся на Божию помощь, поплыв вниз по Тоболу июня в 8 день и доплыв до Бабасана мурзы. И ту Ермаков ертаулной струг предний похитиша бусурманы, пред ними с версту. Казацы жь велми грянута и удариша таково предивно, яко противных многих вдруг в один раз убиенным быти; овии жь вскоре разбегошась в различные места, и ту своих выручиша вскоре, но и вредных.

Собрание ж вои, чюваши, Казачьи орды, вогуличи, остяки и вси татарове, отпустив Кучюм из города своего с сыном своим Маметкулом по Тоболу навстречю Ермаку. Сам ж учинив засеку под Чюваши на Иртыше реке, и грады окопъми укрепив, и на усть Тоболу крепкую стражу поставив.

Таковая высылка с царевичем Маметкулом стретоша Ермака июля в 21 день в Бабасанах на усть озера на Тоболе. И сразишася нещадно, и за руки взяшеся, тако секущеся, яко конем по чрево бродити в крови их и в трупу поганском. И бишеся 5 дней, стояще, не пропущая стругом вниз. Посем з Богом казацы одолеша и протчих прогнаша, и царевичь беже. И по явлению святителя Николы чюдотворца, дерзати повеле, и поплыша вниз.

И доплыша до усть Турбы, конец Долгаго Яру, июля в 26 день на всходе солнца. И видеша безчисленное бусурманское множество стояше, ждуще приходу Ермакова. Казацы жь вси убояшася и приставша к острову выше Яру, размыслиша, помолишася Святей Троице,

Пресвятей Богородице и всем святым с желанием.

И по явлению Спасителеву, его жь образ, знаме любезное казаком, самовластна с места и поиде преди вниз по левому брегу Тоболу реки, видевше Ермак и казацы единодушно за нем погребоша по брегу тому. Погании жь пустиша безчисленно стрел, аки дожда с горы на струги. И сие место, спасени Богом, яко и власу их неврежьдену бывшу, проплы. Егда жь проплы, знамя само на свое место ста.

В то время видеша бусурманы вси, яко по брегу тому на облацех царь велий и прекрасный зело во свете велице и мнози вооружении воини летяще на крылех и несущаго престол его на плешу свою дивне; и грозяше им царь, в левой же обнаженный мечь имуще на ня. О дивное чюдо Божиим судьбам! По их же бусурманским повестям, яко коим силным на даль стреляющим в него, таковым руце околевше и луки их сокрушишася.

И се видевше бусурманы, яко с казаками царь велий и страшен грядет с вои на разорение и запустение их, зелне убояшася и ослабеша, яко не помыслити, ни зрети на казаков за сие не могуше. И Кучюмови и сущим с ним возвестиша бывшее, и от сего видения Кучюм и бусурманы велми убояшася.

Августа в 1 день, видя раб Божий Герман с предоброю и единодушною дружиною своею, пребываше в посте, и з Божиею помощию устремишася на город Карачин думного Кучюмова боярина Карачи; и в той час сражение их паки видеша бусурманы и сами Герман и казаки самообразно Спаса помогаюша и отврашающа летяша стрелы на ня, вяшее вооружишася, секуще, вконец бусурман умершвляше, видевше на себе явную Божию милость и помощь тверду.

И тот град Карачин взяша и в нем безчисленное богатства: злата и сребра, и камения драгаго, и жемчюгу, и меду доволно, и скота. И седоша ту 2 недели Госпожина поста, пребываше зелне в посте и в молитвах, со всусердием моляшеся Богу, чтоб сохранил живых рук и подал победу на вся бусурманы, да с ним возвыситца и прославитца в концех християнскиий род и Божия десница царю верну простреться.

Кучюм же от великаго ужаса с бусурманы по всем дорогам до Карачина караулы несводные поставил, чтоб никто от казаков ни птицою мимо их не пролетел, мнев: зряще твердость, казаки возвратятся в Русь, яко бояшеся многосилства, и множицею подзираше казаков, чтоб убити, и како живут крепцы. И видевше на пути отъезжей казачей караул крылатии воини, бояшеся их.

Кучюму же и всему бусурманскому воинству предиреченные знамения над местом, идежь ныне святый град Тоболеск и соборная церковь, видеся образне во облаке светле, и взуки, и звоны, и видение многое, яко и побиении видяти кучюмлян своих изо огненнаго столпа, и велми бояшеся руских вой по первым пророкам, их же сам казнил, разумея, яко напрасно и без вины неслушне их. Знамения видеся убо пред приходом Ермака вседневно, не яко ж прежь в празники и в зборы.

И предиреченных же восходящих зверех из рек на остров <…> и близ пред приходом Ермаковым не за многи дни видеша поставленный караул на усть Тоболу, да и удержат казаков и убиют, яко по обычаю в полдни зверем изшедшим от рек на остров и зелне устремишася дратись, яко и телам их изорваным быти вяще перваго. И умертвив малый зверок белаго зверя, и виде умерша, и побеже от него на стрелку в луг, и не виден бе.

Белому зверку, убиену лежашу на острову в виду бусурманом 3 дни мертву, на четверътый же хотяше в малой лодийце видети бывшее чюдо, зверя, каков лежит, умре. Егда же быша среди Иртыша, хотя приближитися к брегу, внезапу мертвой зверь скочил и рыкънул велми, и кинулся в воду, и утопе, и тии зрети поидоша, вси утопоша. И посему проклятии бусурманы о Сибири велми блазнятца, понеже шихи их в повестех истолковаша им, яко малой зверок — Ермак, бусурманство — яко болшаго зверя. И 3 день мертвой оживя, то по времени паки возмут Сибирь бусурманы во владение не надолго. И о сем блазнятся в Тоболску до дне сего и покушаются взять, и многие споны сибирским жителем чинят по своей истории.

Взятие города Карачина: «Августа в 1 день… з Божиею помощию устремишася на город Карачин…»

Взятие города Карачина: «И тотъ град Карачинъ взяша, и в немъ безчисленное богатства: злата и сребра, и камения драгаго, и жемчюгу, и меду доволно, и скота…»

Ермаку же пребывающу в Карачинском горотке во всегдашном посте и с дружиною сентября до 8 дне 7090 (1581) году, и с Воздвиженьева дни пустишася по явлению на град Кучюмов. И доплывше усть Тоболу на Иртыш реку, и виде белые воды, и усумнешася. Кучюмовых же вой толикое множество на усть Иртыша, яко горы и лесы, яко песку умножение. Ермаковы же вой остася от боев 45 человек. И погребоша по Иртышу вверх по правому берегу оборонскою рукою. Бусурманы же гоними невидимою Божиею силою, бежаша невозвратно от него, яко огнем палимы.

Поиде Ермак и с казаками до Заостровных юрт, и ту взяша городок Атика мурзы, и со всем имением своим убрашася в городок в осаду. И тоя нощи, всю безо сна пребываше, в велицем размышлении быша. Овии хотяше и покушашеся бежати в Русь, овии же реша: «Единаче воруюше в Руси, своих християн убиваше на Волге, умрети хотяще, единодушно хотяше и умираше. Ныне же камо идем, яко зима близ суть? Ермак и старейшины, довлеет нам умрети християнски храбро за веру християнскую, яко да прославит Бог и впредь род наш».

И пребываше вси в Атинском городе с великим опасением, яко видеша множество бусурман, яко битись единому против десети и дватцати ратных; и городок той вкруг облежаша, аки облак темный. На городовом месте, идежь ныне церковь соборная, ту видеша Ермак же и сущим видение, се видеша огненный столб и град, и звон до облак, и указующаго перстом на место. И разумеша, яко хошет Бог прославити место се именем своим святым и славным.

Октября в 1 день изыдоша с кучюмляны на брань до засеки в стругах и ту приступища, крепце бияхуся с самем Кучюмом, хотяше взяти Чювашский град на горе Чювашской и ту

засясти на зиму, да пребудем в сидении сохранно, яко крепок бе Чювашский град окопми. И того дни бишася и невредимы помощию великаго Бога проплыв вспять, в Атинской городок возвратишася и седоша ту.

Седяше в Атинском городке долгое время дней, дополступая к засеке и паки возвращаяся в Атинский городок, размышляйте, яко зима бе и потребы ясти себе напромыслиша, точию мало, ячмени, и полбы, и овса.

Умыслиша жь вси казацы на совершенный удар, и се брань 4 с кучюмляны. Кучюму жь стоящу на горе и с сыном его Маметкулом у засеки. Егда жь казацы по воли Божии изыдоша из города, единогласно глаголюше: «С нами Бог! Разумейте языцы и покаряйтеся, яко с нами Бог!» И разишася вси воедино, и бысть брань велия октября в 23 день, емлюшесь за руки, секуще противныя своя. Кучюму же с горы стреляйте. Казацы жь огнем поганых множество попаляше, без исцелений убиваше. Погании же нудими Кучюмом, от казаков велми оскудеваше, плакашеся, неволно биюшесь, умираюше.

Оружия же не бе у кучюмлян, точию луки и стрелы, копия и сабли. Бе же 2 пушки у чюваш, казацы ж умолвиша голк их, они ж бросиша их с горы в Ыртыш. Стояше Кучюм на Чювашской горе и, видев многое падение своих, зелно плакашеся сам и вси погании, повеле агуном и абызам своим вопити велми кумиром молитву свою, спяше бо боги их, и безпомошен пребыв и безчестен, нудим невидимою Божиею силою, и помышля бежати. И бишася 3 дни без опочиву, неотступно.

Октября 24 день первее всех низовые остяки князки от Кучюмова повеления и раменту отступиша и бегу яшася безвозвратно бежати восвояси вскоре и пребывати, яко скот, в диких лесех, да невидими будут человеком руским. Бысть же сей их обычай и доднесь при родех наших, еже бежать и незнатным быть.

Октября в 25 день Кучюму от труда и от печали возлежашу на одре его нощию и видение от Бога виде: внезапу отверзеся на небеси в четырех краех вселенныя, изыдоша идуше на него исътребити воини светлыи, вооружени, крылати и страшни, и дошед до урги его, облежа весь полк его, глаголюше: «Поганий сыне темнаго демона Бахметя, отступи от земли сея, Господня бо земля и исполнение ея и вси живущеи на ней християны благословени, ты же бежи в жилиши своя до близу пропасти треклятаго демона Бахметя». И восстав Кучюм, трепета всем телом, и сем глаголюшу: «Бежим отсюду, велми место страшно, да не умрем». И ангел Господен погоняя их, яко путь им тма и ползок.

Того же числа вечеру бывшу, тако же и вогуличи тайно от заступления Кучюмова убегоша во своя жилища за Яскалбинские непроходимые болота и озера, да взыскани Ермаком будут и зле умрут, но да з домы своими забежавше в непроходимые места, в скрыте пребудут, яко видимо и поднесь заросшые болота и озера, идушему на лыжах, валы бывают напреди и созади.

Решающая битва с Кучумом: «Умыслиша жь вси казацы на совершенный удар, и се брань 4 с кучумляны…»

Карача осаждает город Сибирь: «Того же 92 году марта в 12 день в Великий пост пришед Карача под Сибирь со многими вои…»

Видев же Кучюм царства своего конечное лишение и разорение всем, бежав из града своего Кашлыка, еже Сибирь зовома, октября в 26 день по явлении, нощию восстав тайно и всем своим рече: «Бежим немедленно, донеле же вси зле не умрем от казаков наглою смертию». И вси из града невозвратно бегоша на степ в Казачью орду на прежнее свое селение. Грады жь Чювашской и Кашлык, Сузгун, Абалак и протчие, гоним невидимою Божиею силою, оставиша пусты.

Вечеру бывшу 25 день, и преста подчювашская брань, казаки отидоша за реку и обначеваша со стражею. Во утрии же восташе, помолишася Богу и прославиша явлыпагося им заступати во граде их великомученика Димитрия Селунского, и поидоше без боязни во град Сибирь, еже Кашлык, и внидоша во град лето 7090-е (1581) октября в 26 день.

Егда же внидоша во град в Сибирь, и видев оставшаго имения и богатства множество, и хлеба, глаголюше: «С нами Бог!» Тогда нападе на ня велие веселие и тайная радость, яко сохранени Богом живым, и пристанища достигоша, и желаемое получиша. И слыша самообразно во услышание всем велий звон, яко время светлаго Христова воскресения, радости всего мира и ликования. Вси же единодушнии друзи мирная друг другу вешаще и полезная глаголаше, на многи дни славяще и моля Бога.

Промчеся слых о Ермаке и о казацех во всю сибирскую страну, и нападе Божий страх на вся живущие бусурманы во всей стране той. И в 4 день по взятии Сибири демьянъский князь Бояр со многими дары прииде к Ермаку, и потребные запасы принесоша и ясак даша. Ермак же, чесне жалуя, отпустил их. По нем же начаша приходити всегда во близу живущие татаровя с женами и з детми и с родичи дающе дань. И повеле им Ермак жити в домех своих по прежьнему, яко же жиша при Кучюме.

Казаком же ездяшим по жильям татарским и по промыслам смело, не бояшеся ничего.

Ехавшим 20-ти казаком на Абалацкое озеро для ловления рыб ноября в 5 день и без опасения спяшим, нощию от Маметкула царевича убиени быша. Един же притече, возвестив Ермаку, яко избиени умроша.

Ермак же с дружиною гнав немедленно вослед Маметкула и постиже в урочиши Шаншинъском, и починив бой велий и многих поганых убиша, и протчии бегу яшася невозвратно от него. Ермак же возвратився вспять и погребе своих на Саусканском мысу на царском кладбище, на край мысу, для признаки. Се первое убиение казаком в Сибири.

Декабря в 6 день Яскалбинских заболотных волостей от непроходимых мест и из Суклему приидоша княжцы Ишбердей и Суклем со многими дары и есаком, и потребным запасом поклонишася Ермаку и дружине его. Ермак же приим ясак, отдарив их, отпустил на свое жилища и наказал, да служат. И Ишбердей князь тако радея и служа, яко первее многих взыска князков и приведе в ясак, и ясак принесе, и пути многи сказа, и на немирных казаком вожь изрядной был и верен велми.

По совету Ермак с дружиною своею единомысленною написаша послание благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичи) всеа Русии, принося вину свою, изъявляя службы: яко низложил Кучюма царя прегордаго и вся грады его поят, и многих князей и мурз татарских, вогульских и остяцких с протчими языки под державную руку его привел, и ясак собрал, и послал к тебе, государю, с атаманом Иваном Колцовым и служилыми декабря 26 день волчьею дорогою, нартами и лыжы на оленях, им же вожь бе яскалбинской князь Ишбердей со своими вогуличи в Великую Пермь, и оттоле к Москве доидоша.

Егда же доидоша Московского царства к благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, и отписку и есак вручиша. Егда жь начаша чести, и слыша государь, яко взят царство Сибирское и царя победив, и языки — татар, вогуличь и остяков — под руку его привед, и ясак собрал, и послал с атаманом и протчими, велми возрадовался и прославил Бога, и Ермаку послав великие дары: 2 пансыря, и сосуду, и шубу свою, атаманов же кормом и выходом одарив, и вскоре к Ермаку возвратив с жалованною и похвалною грамотою тоею же дорогою, ею же приехав.

Верный же человек слуга царев, аки слуга Христов и пернат, прелетев к Ермаку того же 90 году марта в 1 день, принесе от государя радосные и похвалные грамоты Ермаку и атаманом, 5 человеком, и протчей дружине. Ермак же прият царское жалование: 2 пансыря, кубок, шубу и сукно, прославив Бога и велми возвеселился, тако жь атаманы и казаки сукна и денги — радовашеся, ликуюше похвално.

Прииде к Ермаку февраля в 20 день ближний мурза ясашной Сенбахта Тагин с отъповедью во град лесно, бутто царевичь Маметкул стоит на Вагае, от города верст со сто. Ермак же отпустив искусных юнных мужей, 64 человек ратных, и дошед Куларово, нападоша на спяших и множество поганых избиша, и царевича жива в шатре взяша, и с богатством приведоша к Ермаку во град февраля в 28 день.

Ермак же приим царевича и показа ему царское жалованье и протчим бусурманом. Кучюм же приим весть о сыне, яко пленен, и болезненно плакашеся с домом. И втории весницы реша, яко Ермак с вои идет на него. Ему же стояшу в Агитской луке, и паки прииде весть: «Бухарские земли князь Сейдяк Бекбулатов идет против тебе и хощет отмъстити кровь отца своего». Тогда думной князь Карача со своими отъехав от Кучюма на озеро Чюлымское и кочева меж Тары и Барабы и Оми. Кучюму же пребываю на дорогах, на урочищах Вагаю, Куларова и Тархан в крепких местех.

91-м (1582) году ехал Ермак вниз Иртыша реки, воевал Кодские городки. Князей Алачевых с богатъством взял и все городки Кодские и Назымский городок со многим богатством князя их взят, и ясак с них собрали, и те платят и до днесь, и возвратився во град свой июня в 20 день. Июля в 1 день того же году ездили воевать по Тавде, взял Лабутинской городок, князка Лабуту с богатством, и Паченку. И на Паченке бой велий бе, яко Поганое озеро наполнил трупами; тожь и Кошуки и Кондырбай и Табары. И собрав ясак, вспять возвратился во град свой.

91 (1582) году ноября в 21 день послал Ермак к Москве царевича Маметкула и собранной ясак. И привезоша его ко царю Федору Ивановичю. И по цареву повелению была ему стреча, и на приезде пожалован и служилые все, велию честь приял и жалованье, и похвалу.

Того же 91 (1583) майя с 10 числа посланы воеводы с Москвы к Ермаку по указу вликаго государя Василья Ивановича Шуйскаго, князь Семен Болховской да Иван Глухой с 500 человеки Волгою чрез волок. Егда жь доехаша до Сибири ноября в 1 день, зиме же пришедши и гладу велию припадшу, яко понудитися и телы человеческие ясти, и от гладу мнози изомроша и воеводы. Весне же приспевше, татара и остяки от новин своих рыбы, и овощи, и запасы принесоша, и казаки от гладу насытишася.

92 (1583) году сентября в 10 день прииде от Карачи оманшик посол и на посольстве шерстовал по своей вере, прося у Ермака на оборону людей от Казачьи орды. И по совету, поверя безбожию их, отпустил атамана Ивана Колцова с 40-ю человеки. Егда же приидоша до Карачи, и внезапу избиени быша. Доиде слых до Ермака, яко избиени, восплакася велми. Видев же нечестивыи, яко Колцов убиен, начаша во многих местех, в волостех и в улусех побивати руских.

Того же 92 (1584) году марта в 12 день в Великий пост пришед Карача под Сибирь со многими вои и облеже град обозами и табары. Сам же ста в Саусканской луке, от града 3 поприща, и стоя до пролетая, и многую гибелную поруху казаком нанесе гибелно.

Того же 92 (1584) майя в 9 день моляся Ермак и казаки Богу и святителя Николу чюдотворца на помощь призва, изыдоша из града тайно. И дошедше ко станом Карачиным, и нападоша на них нощию, онем же живушим без всякаго опасения, и 2 сына Карачиных убиша, овии жь врознь разбегошася, и Карача с треми человеки за Езеро убежал.

Обьстоящим же град весть доидоша. Они жь скоро в Саускан прибегоша и учиниша с казаками бой с утра до полудне, и много попроша, казацы жь крыющеся в кустех, а казаков одолеть не могоша. Видев же Карача погибель своих, что казаков одолеть не мошно, и побегоша безвозвратно. Казаки же с Божиею помощию возвратишася во град, радостно славя Бога.

Нощию же тоя явися Ермаку молящуся и 5 человеком в нощи святый Николае Можайский, повелевая в чистоте жити и прилежный пост имети, и всякие с братолюбием добродетели проходити, и прорече: «Будет на Красной горе дом в жилище Богу и мне впредь; вы же аще не послушаете мене, престану помогати вам, и вскоре скончаетеся за грехи свои, не внемлюще в добродетели, в злобы впадаете». И сие видение Ермак всем возвестив.

По попущению Божию в лето 7092 (1584) августа в 1 день весницы из степи приидоша, яко Кучюм бухарцов не пропустит в Сибирь. Ермак же вскоре востав с 50 человеки и поиде вверх по Иртышу на стречю бухарцом в стругах, и в Агитской луке чрез волок перекопь учинил, и до усть Вагая реки дошед, а бухарцов не обрет, и вверх по Вагаю до Адбашу доиде, и оттоле возвратишась до перекопи. И на усть Вагаю и перекопи розставиша стан и обначеваше, а стража не поставиша, и без опасения крепце спяху. Кучюм же их злобне тайно назираше, всюду татар розсылаще.

Бе бо у Кучюма татарин в смертной казни, и сего посла проповедати Ермака и броду чрез перекопь. Татарин же перебред и виде казаков всех спяших, возвестив Кучюму, и неверно бе, и паки посла, веле унести что. И пришед второе, взят 3 пишали и 3 лядунки и принесе. Бе же нощи тоя дождь умножен, яко судбами Божиими постиже рок, и прииде на воинов смерть.

92 (1584) году августа в 6 день в полунощи нападе на Ермака с дружиною Кучюм со множеством вои, яко спя без опасения; час прииде смертный, и побиша их, точию един казак утече во град и возвестив бывшим.

Посольство атамана Ивана Кольцо отправляется к царю Ивану Грозному: «По совету Ермак с дружиною своею единомысленною написаша послание благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии…»

Царь Иван Грозный принимает посольство Ивана Кольцо: «Егда же доидоша Московского царства к благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, и отписку и есакъ вручиша…»

Ермак же, видя своих убиение и помощи ниоткуду животу своему, бежа в струг свой и не може скочити: бе одеян двема царскими пансыри. Струг же отплы от брега, и не дошед, утопе месяца августа в 6 день. Егда же приемше протчие казаки во граде весть, горко плакашеся об нем, бе бо велми мужьствен, и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы, прикудряв, возраст средней, и плоск, плечист.

Видевше оставшие казаки, яко наставника своего и з дружиною убиенных, плакаше в разлучении, осташася всех 150 человек, и против бусурманских сил стоять некем, а живяше, помрут гладом, седоша в струги своя августа в 15 день и погребоша вниз по Обе и с воеводою и по Иртышу и по Собе, и чрез Камень приидоша в Русь на свои жилища; град же оставиша пуст.

И ведев се Кучумов сын Алей, кочюя Абугиновых городки, оставль же казаки град пуст, пришед, вселися во граде Кашлыке с вои своими. Услышавше про се, Сейдяк князь Бекбулатов сын, яко Ермак убиен на перекопе с вои и протчии бежаша в Русь, а сын Кучюмов Алей град засел, собрався с домашными вои и пришед во град и победив Алея и воинство его, и кровь отца своего Бекбулата отмстил, и прием отчину отцову, и пребываше во граде.

Ермаку от утопления августа в 13 день восплывшу, и принесе его иртышною водою под Епанъчинские юрты к брегу. Татарину жь Якышу, Бегишеву внуку, ловящу рыбу и наживляющу перемет, и видев, у брега шатаюшесь, человеческие ноги, и накинув петлею переметною веревку за ноги, извлече на брег, и виде одеяна пансыри, и разумев не просту

быти, а знающе, яко казацы утопоша мнози, и тече на гору в юрты, возвестив жителем и созва всех вскоре, да видят бывшее.

Уразуме вси по пансырем, яко Ермак, и знающе, что государь прислал ему два пансыря, и каковы видеша. Егда жь начаша снимать Кайдаул мурза с него, тогда поиде кровь из рота и из носа, что из жива человека. Зря жь Кайдаул, понеже стар, течение крови живой не замерло, и разумев, что человек Божий, и положиша его нага на лабаз, и послаша послов во окрестные городки, да снидутся видети нетленнаго Ермака, точащаго кровь живу, и отдаде, ругаяся, на отмщение своей крови. И о сем диво, да разумеют христианскаго Бога и пребываюшаго во веки и прославляюшаго Бога.

Егда же начаша сходити по завету всех, аще кто приидет, да вонзит стрелу в мертвое ермаково тело. Егда же унзоша, кровь свежа течаще. Птицы же облеташе, не смея прикоснутися ему. И лежаше на лабазе 6 недель ноября по 1 день, донележе от конец приидоша Кучюм с мурзами и кондинские и обдаринские князи и унзоша стрелы своя, и кровь его течаше, яко из живаго, и многим являся в видении бусурманом и самому Сейдяку царю, да погребут. Овии жь от него решишася ума и именем его и до днесь божатся и кленутся. И тако чюден и страшен, егда глаголати им и в повестех, между собою, без слез не пробудут.

И нарекоша его богом и погребоша по своему закону на Баишевском кладбише под кудрявую сосну. И пансыри его разделиша надвое: един отдаша в приклад Белогорскому шайтану, и той князь Алачь взял, той бо во всех городах славен; 2-й отдаше Кайдаулу мурзе <…>. Кафтан же взят Сейдяк царь, пояс же и с саблею даша Караче. И собраша абызом на поминки 30 быков, 10 баранов и учиниша жрение, по своему извычаю, поминающе реша: «Аще ли жива тя, учинили бы себе царя, и се видим тя, мертва, безпаметна рускаго князя».

Бе бо от ермакова тела и от платья чюдотворение: болезненным исцеление, родителницем и младенцем на отгнание недугом, на войне и в промыслех удача. Се же виде абызы и мурзы, что закон их сквернен и престает чюдотворение, запретиша всем от мала и до велика не поминать имя Ермаково, да задлитца честь и слава, и могила его неявлена будет. Бе же видитца бусурманом и доднесь во вселенские суботы огненной столп до небеси, а по простым — свеща велия горяща над главою его. Се же Бог своих проявляет.

В лето 129 (1621) году великий государь Михаил Федоровичь с патриархом по совету, воспомянул Еръмака, каков бе и где, и како живе и скончася, и указал по грамоте первому архиепископу Киприяну сибирскому розпрашивати во 2-е лето священства его, испытоваше руских и татар, кто что знает, паче жь ермаковых казаков. Бусурманы по Курану своему потаиша, казаки на писме принесоша. Архиепископ же повеле их имены в сенодик вписати и историею прославляти.

В лето 7158-е (1650) приидоша в Тоболеск послы от калматского Аблая тайши и просив государевых вышеписанных пансырей в жалованье, и Кайдаула мурзу именовах и кондинского князя, что у них пансыри те. И по такому посольству в лето 7159 (1651) году указал великий государь Алексей Михайлович у Алачевых князей и у Кайдауловых детей взять пансыри и послать к Обрею. И в то лето боярин князь Иван Ондреевичь Хилков с великим пристрастием пансыри у Кайдауловых детей взят, а низоваго у Алачевых не верят и доднесь не слышится; и послали из Тоболска июля в 18 день с тобольским сотником стрелецким Ульяном Мосеевым Ремезовым с товарыщи.

Татары находят тело Ермака, прибитое к брегу: «Уразуме вси по пансырем, яко Ермак…»

Тризна татар по Ермаку: «И нарекоша его богом и погребоша по своему закону…»

Егда жь Ульяну доехавшу до Урги, и по чину Аблаеву учинена с честию стреча и корм. Егда ж дары понесоша по наказу, Аблай же спросив у Ульяна: «О честь ли пансырь Ермаков, ему жь в дарах не ряд поднесену быти?» Ульян же поведа послань. Аблай же по росписи чин весь оставил: «Подайте ми пансырь». И подаша. Он же прият вселюбезно, облобыза и на главу свою поднял, хваляше царское величество и любов, како б ему утеху надежну подал. Пансырь же бит в 5 колец мудростно, долиною в 2 аршина, в плечах с четью аршин, на грудех и меж крылец — печати царские, златые орлы, по подолу и рукавам опушка медная на 3 верьшка.

И паки Аблай вопрошаше: «Знаешь ли, Ульян, где ваш Ермак лежит?» Ульян же снискателен бе и хитр о делех, к вопросу отвеща: «Не вемы до дне сего и како погребен, и скончася». И нача Аблай повести деяти о нем по своей истории: как приехал в Сибирь, и от Кучюма на перекопе побежа, и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаше, и пансыри разделиша и развезоша, и как от пансырей и от платья чюдес было, и как татара смертной завет положиша, что про него русакам не вещати. Аблаю же, приемшу пансырь, и Ульяну стояше, глаголаше о Ермаке. Ульян же испросив у Аблая сказку за его знамены и печатью; он же обещася о Ермаке подробну возвестити.

Прият же и протчие подарки, седя, и сконча посольство. Радошен бе и со своими, что любезно великий государь послуша его, послал лета 7159 (1650) году сентября в 4 день, поведа о Ермаке все подробну: како живе по своему писму, и како скончася, «соглазно нашим историям», точию как обретен и чюдотворяше <…>. Аз, де, много лет доступал. «Егда же я был мал и утробою болен, и даша мне з земли, с могилы его, пить, здрав явихся доныне. Егда же земли с могилы взятой, еду с нею на войну, побиваю; егда жь нет земли, тощь возвращаюсь; и того ради просив пансырей у государя, да пойду на Казачью орду.

Ермак жь ваш лежит на Баишевском кладбище под сосною, и родителници ваша дни столбы огненнеи над ним и в ыные свеча кажется татаром, руским же не кажетца». В том и печать свою приложил.

Во второе лето по смерти посланы воеводы с Москвы Иван Мансуров с таварищи, с ним сто человек ратних. Егда плыша по Иртышу и видеша по Иртышу по брегу, яко песка, поганскаго войска, ждуше на побиение, по ведомости, яко в малости посланнаго войска; и стужившеся и проплыша за страх и до Оби реки. Видев же смерзение лда, поставиша град над Обью против устья реки и седоша зимовати.

Собрашася с Ыртыша и с Оби множество остяков и обступиша городок, и бишась день, вон же погании в вечер отступиша. Во утрии жь принесоша с собою болшего белогорскаго болвана и поставиша под древо березу, и молясь, и жряху, да возмут град. И во время жрения их стрелиша из города в цель ис пушки и кумира их с древом на многие части раздробиша. Погании же зело устрашишася, не знаше, мня же, что из лука такой человек розбил, и вси разыдеся по своим. И по сем ясак принесоша, и в весне чрез Камень проидоша.

Лета 7093 (1585) посланы воеводы с Москвы Василей Борисовичь Сукин да Иван Мясной, да писменой голова Данило Чюлков с тремясты человек. Поставиша град Тюмень июля в 29 день, еже Чинги слыл, и церковь воздвигоша Всемилостиваго Спаса, первую в Сибире, и ясак со многих татар собраша по Туре и по Тоболу, и Исете, и Пышме.

Лета 7095 (1587) при царе Федоре Ивановиче указ воеводе Данилу Чюлкову: прислано 500 человек поставити град Тоболеск. И по промыслу Божию доплыв воевода Данило Чюлков и против устья Тоболу поставил град именем Тоболеск на горе, первый столной во всех городех, и церковь первую воздвиже во имя Святые Троицы и другую, Всемилостиваго Спаса на Звозе.

Князь Сейдяк владелец бе, и Салтан царевичь Казачьи орды, и думной Кучюмов пущаше за птицами ястребов. И воевода послаше послов к Сейдяку, чтоб жити им в мире и приехал бы к нему во град любезно, да советуют и живут побратски, заедино.

Егда жь доидоша послы к Сейдяку, он же советова с Салтаном и Карачею; и по совету взя с собою 100 человек и приидоша к воеводам во град. И седоша за столом, и бояшеся, глаголя, оману в слове. Сейдяк же задумалъся, ни пъет, ни ест. И воевода глаголя Сейдяку: «Что на нас мыслиши зло?» И взят чашу, поднесе ему и рече всем трем: «Аще не мыслите на нас зла, выпейте чашу сию во здравие». Егда жь Сейдяк приим, нача пити, и поперхнуло в гортани его; посем и Салтану, таж и Караче. Обличи бо их зломыслие Бог.

Воевода жь и вои видят, что мыслят зло, и с тихостию махнув рукою казаком, и нача бить поганых. Видев же Сейдяк убийство своих, кинулся в окно, за ним Салтан, таж и Карача, и поиманы быша и связаны быша. А стояшеи вне града слыша, яко побежден Сейдяк и вси с ним, от великаго страха побегоша и во град свой Сибирь не внидоша, но мимо. Протчии жь слыша во граде и на бежание устремишася на Вагай до Кучюма.

Лета 7097 (1588) сентября в 10 день послал воевода Данило Чюлков Сейдяка, Салтана и Карачю ко государю к Москве. Егда же привезоша казаки их к Москве, и повеле их государь крестити и указал им корм и вотчины на прожив. Есть же род тот на Москве и доднесь.

Кучюм жь в побегах место жительству своему, скитаясь, нигде не обрете, и всегда покушаяся на Тоболеск и за страхом не смеяще. Единою же собра вся вои своя, 98 (1590) году июля в 23 день, итти хотяще под Тоболеск, и подошед под полки агарен своих тайно, и побил своих, и побеже в степь скоро, и паки покушаяся на град. И нападе на него страх, и трепет, и ужас, и не поиде на град, и побив агаренские веси Каурдацкую и Салинску.

В лето 7099 (1591), слыша жалобу тобольской воевода князь Володимер Васильевичь Масальской Колцов, собрався с ратными и с тарскими и с татары июля в 8 день, и гна вслед Кучюма, и изшедша его на степи близ Ишима реки на озере Чиликуле, и нападоша на нь августа в 1 день, и побиша многих и взяша полону: сына его и две жены, и возвратишась з Богом здрави, з богатством и с конми и со многим пленом, славя Святую Троицу.

Кучюм же от убиения с протчими не со многими татары и с женами и с детми своими, от неначаяния рати руской утече на калмытской рубежь на вершины рек Ишима и

НорИшима, Оши и Камышлова, между озер в крепкие места, и ту живяше скрыто и пакостяше руским и ясачным зелне поблизу Тарского города; и множицею покушашеся на Тоболской на отмщение, и бояшеся страхом велиим зело, еже бо изобилне страху перваго в нем бысть от рускаго полку, яко его самоволне друзи оставляют и врази бывают. Ту живя Кучюм со своими до лета 105 (1597), скитаяся. Проповеда тарской воевода ясашными Кучюмовы станы и кочевья, писал к Москве ко государю о походе на него.

И в лето 7106 (1598) году майя в 9 день по указной грамоте великаго государя Бориса Федоровича тарской воевода князь Иван Масалской ополчением ходил на кучюмлян. Изошли его во станех, и множество кучюмлян побиша, и взяша кучюмовы 3 сына, 2 дочери, 6 жен и многой полон взяли, и з досталным имением и со скотом возвратишася здрави. И немнози ранены быша и не убиен ни един человек от 700 конных и 300 татар. На Тару приидоша августа в 23, славяще Святую Троицу.

Ис Тары, ис Тобольска полон домовых кучюмовых детей — трех сыновей, 2 дочери и 6 жен — послаша к Москве со служилыми людми воевода Ефим Варфоломеевич Бутурлин. Егда же привезоша к Москве тот полон того жь 106 (1598) году к царю Борису Федоровичю, государь же прият и прославив Святую Троицу и Пречистую Богородицу и московских чюдотворъцев, яко таковая покорив, сибирцов же велми похвалив и комуеждо за службу их золотыми и выходом и кормом пожаловал и протчим в Сибирь послал золотыми же послугу.

Кучюм же житию своему скитаяся и места не обрете, яко обнажен всего дома своего, имения и скота и жителей лишен от живущих сибирян, и не со многими людми убежа в Канскую землю к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан Нор. И похитил у калъмыков коней многое число, и побежа на ино место со своими. Калмыки же гнаша вослед его и достигоша на Нор Ишиме у озера Кургальчина, и ту многих кучюмлян побиша, и коней, свои стада, отъяша, и досталное имение его пограбиша. Кучюм же убежа от них с малыми людми в Нагайскую землю жити и кормитца нищетою.

Егда же Кучюм со своими к нагаям приходом явился, тогда нагаи нимало потерпеша, собрався с роды своими, убиша Кучюма и протчее имение отъяша, а людей его похолопиша, глаголаше ему: «Ведомой ты и славной вор, Муртазелеев сын, и отец твой нам много зла соделал, и ты, хотя и нищь, то же и нам учиниш, что и протчие твои люди, от тебя же убиты напрасно и озлоблены».

Протчие бусурманы кучюмляна, живущеи по степи, егда жь виде, яко Кучюм зле убиен, приидоша ко граду Тобольску и приложишася ясак платити, яко же и до сего дни: овии же крестишася во християнство и поверстаны в службу в новокрещеной список, овии же мурзы и мурзичи, 300 человек, поверстаны в службу и оклад им учинен по 15 рублей и по 7-ми, И поставиша рускаго голову, чиновника. И тако служат и доселе. И по крещении многих бусурман, по сем Сибирь распространися, и поставиша грады и монастыри со всяким превольством.

В лето 7129 (1621) февраля 16 число советом освященного собора, святейшим патриархом Филаретом и государем царем Михаилом Федоровичем всеа Русии указано правилно по грамоте первому Киприану, архиепископу сибирскому, Ермаку Тимофееву сыну Повольскому, идеже кийждо убиени быша, кликати вечную память. В лето 88 (1579) году октября 23 день 107 человеком, под Чюваши от Кучюма убиени, вечная память болшая. Во второе лето, 89 (1580), ноября в 5 день 20 человеком, на ловление рыб на Абалацком озере без опасения спящим, убиенным, вечная память меншая. В лето 89 (1581) июля — июня месяцех воюющим вниз Иртыша по Обе, по Тавде, взяша Назымские, и Кодские, и Лабутинские городки, вечная память средняя. В третие лето по взятии, 90 (1582) году, апреля 17 день оманом Карачи льстиваго побиеным: атаману Ивану Колцову с 40 человеки вечная память болшая. В четвертое лето, 91 (1583), августа в 6 день Ермаку Тимофееву с 300 человеки вечная память, возглас болшей. И оттоле уставися и до нынешнаго лета помяновение вселенское на Москве и зде в Тоболску Ермаку и подобным ему, ныне верно служаще, вечная память, убиваемым за православие, возглас болшей.

О проречении древле. О сем Кучюме сбыстся пророчество Исаино и християнским воином Ермаком со единодушною дружиною в Сибири исполнися, глаголаше им же образом, рекох: «Тако будет, и еже совеща, тако уставися. Не веселитеся, вси иноплеменные, сокруши бо ся ярем веселящаго вас: от семени бо змиина изыдут внучата аспидом, и внучата их изыдут змия летящая. И упасутся нищии Господем, и убозии человецы в мире почиют, потребит Господь гладом семя твое, аспиде, и останок твой. Возрыдают врата градов и возмут гради тверди иноплеменских всех, яко дым от севера грядет, и несть пребывати в числех его». И се завещание скончается на турках в совершенство.

Молебная сибирян. Егда же возвратишася от плена в Тоболеск августа в 23 день, от радости благосоветно общеначалные и церковницы единогласно глаголюще: «Поем, Господеви, славно бо прославися отец наших, Боже в Троицы благословен еси. Ты, Господи, сокрушил главы змием в воде, яко же и кучюмляном злым». И всенародне Святей Троице и Богоматере и всем святым молебно от сердца благодарение воздаша со звоном, и сим бусурманом наипаче ужасиша, правоверных же сердца возвеселишася, и все уповающе вседушно на Бога и на Пречистую его Богоматерь, заступницу всего мира, надежду возложиша, глаголюще вси: «Тишину и мир подати рабом своим, и милость прияти, и сущая посреде нас распри и мятежи умирити, расточити належащий на ны страх и трепет. Да ко многим благодеянием и сибирское приложим взятие». Проповедующе явление, заступление и великую милость и чюдеса от древле, 88 (1579) году ноября в 28 день, всегда и доднесь.

Благословение жизни с небеси сибиряном. Имать Сибири действия дело. И благослови Бог Ноя и сынов его, и рече им: «Растите ся и умножите ся, и исполните землю, и обладайте ею, и страх и трепет ваш да будет на всех зверех земных, и на всех скотех земных, и на всех птицах небесных, и на всех движущихся по земли, и на всех рыбах морских. И всяк гад под руки ваша дах. Яже сотворих в жизнь вся дни на земли, сеяние и жатву, зиму и зной, лето и есень, день и нощь не престанут».

Явление возсия Сибирь и прославися. Древле Сибирь идоложертвием омрачена бе, ныне же сибирская земля и страна, паче же богоспасаемый началнейший град Тоболеск, наполнися божественныя святыя славы явлении в лето 96 (1588) году самого Вседержителева образа в славу имени своего. Таже во 144 (1636) году июля в 20 день Пречистые Богородицы, заступницы всего мира, таже Иоанна Предтечи на Шамъталыке, Михаила архангела Ермаку с дружиною, святителя Николы чюдотворца во 110-м (1602) году, и в приходе Ермака — великомученик Димитрий в 89-м (1580) году ноября в 23 день. И таковым озарися светом неизреченнаго веселия сибиряном во исцеление и просветися просвещением всесвятаго и животворящаго духа во образе орли; яко орел покры гнездо свое, Сибирь, со птенцы своими и на вся веси и град даде перо славы своея, благодать возсия везде сый и вся исполняя и прославися во всех сибирских концех. Имать же в мало явлении некой ради тайности и мощи угодивших Богу святых молебники о сибирстем снабдении; еще же священством и воинством, христолюбием и братолюбием пребывает злата светлейша и света полнейше, источающе благодать духовную, концем бо наставник божественная являя, собирая пресветло православных лики союзом духовным.

Древле християне, страшни языком, и Ермак. В прежная лета везде и повсюду, аможе идут правоверныи християне, в пути своя и на войну, страшни бусурманом и протчим незнающим Бога, понежь святая наша християнская вера, возлюбленная благоверным царем и великим князем Владимером всеа росийским, егда твердыни нашей Спасителя святое Евангелие во огни не сгоре, и таковая нам, християном, оттоле даде Бог вышний власть, силу, храбрость и спех над всеми, наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию, и горы преставляти. И сицеваго ради повеления Господня един християнин гонит тысящу бусурман, а два двигнета тмы. И се быста деле благообразно сибиряном пример.

О скверных бегунах роксолянех. Сквернии роксоляне бегуны возгордешася на Бога, прияша мерзость латынскую от сатаны, а не Божию помощь, уповаша на луки оружия своего, падаше аки снопы во время жатвы с несмысленною мудростию, а не духовную, и аки неплодная смоковь отметаше пупы своя от ветра велика, движима зелно, и бежаша храбро с пыхою своенравне в зиму. И попущением за грехи мерзостей реченных, от вышняго Бога прияша казнь: един агаренин гоняще 1000, а два двигнета тмы. И се во историях их яве написано: аще праведник едва спасется, нечестивый же и грешный где явится?

Бытия воином воздаяние, с коня да в рай. О предивное чюдо! Дело великих Божиих глубоких чюдес! Древле на поли сшедшеся, хотящи языцы бранем, многочисленные полки благочестивых же християн, Христовым словом надежне дерзающих, малое стадо во обстоянии, аки овцы посреде волков. Егда же сразившеся в велией сечи со обоих стран, обои видевше в противенстве небесный рай отверзен, и бездна открыта. Егда жь час умерщвленну от бусурман Христову рабу, приемлюще душу его святии ангели с коня да в рай. Егда бусурман исчезаше, приемлюще демоны с коня да во ад к своему сатане. За се бусурманы престаша от сечи, християна же видя свое знамя, паче дерзаша за веру християнскую и за святые Божие церкви, за самодержца и за сродство свое агарен посекая, и умершвляя, и низлагая.

Пример о покорении язык християном. От плода правды сибиряном древо жизни растет. Уроженцы, творящие доброе, ищут благодать благу. Пришельцы, ищуще зла, не яко злая постигнет их, аще бы стрегли себе от приидущаго зла, но яко Адаму в раи вся тварь покарялася, тако яве и всякому християнину приятии Богу всинепорочнии путем. Корение благочестивых твердостне и не отимутся от них; сеяй правду, приимут мзду верну. Сын праведен раждается в живот, желание праведных всеблаго, неугодно праведну ничто же неправедно и лутче обрести благодать от Господа Бога, служити верно. Творяй же веру, приятен ему есть.

О мирном поставлении. О мирности упражняяся в пример словес в народ владении делнаго розговора, понеж благоухишренну мужу подобает ведати различныя обыкновения и разные сонмов уставы и законы, дабы могл лутши искуство прияти грады, и тверды, и похвалный устав о чинех установити, крест в мире, верность и ангелом радость.

Философие довлеет правду во всех делах хранити, от сего велия любовь межь всеми роды добре живет. И новых вещей не вносити, а пришлецов за рубежь высылати, обаче попечение имети должни есмы, да нашему сибирству во веки пребывати, дабы отчизна наша, когда тогда ныне требует совета и мудрости и подлинным советом здравым, а не спыльчивым что исцелити добрыми обрасцы, которыми мочно междуусобные и градские ухишрения и злобы утишити, ниже сокрушатися. От повестей не искуства смотрети подобает. Ведомо мирное поставление крепце в мире чисте, ини же не согласни, ине стоят крестопреступне, леть лесть в сердци, делаюшем злая; хранящеи мира возвеселятца. Конь познавается в день брани, от Господа же помощь.

О несчастии воинском. Истинная и пригодная мудрость: место дати иногда времени, а нужде всегда пособляти, паче в писание разум прилагати, зане ухищренный мужь не имать противитися нещастию, но парусы свои отпустивше, стояти до времени потребна, дабы возмогл после выправить якори и по той воде надежно плавати, которая прежде необычно волновалася. Хотя нагло, невинне потонет, ибо в разуме противитися ветром противным и зелным бурям и по небу ничего иного не бывает, токмо самовольне заранее в тихость стати и подлинному опасению вдати. Да по сем искусни доволне будем и изберем мудре сущим посредняя, и когда ни есть сызнова в тиски свое учение воинъское справлено буди, да от несоветов наших посторонные не смеялися, паче жь неприятели да не радовалися. И

несуменно тщателно, разумно, конечно в совете и в любви пребывати.

Положение святых отец о верных слугах. Во время видевше святии отцы греческую честь в тесноту достигше и пасти хотяще, советующе самодержцем о верном слуге, глаголюще: «Лутче един праведен, нежели 1000 прошаков, и лутче мудре укрепити единем, неже многим неразумством, той бо не лютым оружием посполитым плоти низлагая, но словом от Бога враги вскоре низлагаются и грады и многи тысящи своих спасены содевают». Яко мужь мудр, паче крепкаго мудрость имея и лутше тяжателя велика, с разумом сила, мужество глаголется; крепость душевная мудрость есть, побеждаяй видимыя враги, всячески победит и невидимы. Аще свой дом добре строит, то и все добре устроит. Прилепивыйся с Господем един дух имать. Мудрость укрепляет мудраго паче силных и лутче храбрых, храбръствующе без ума, мудраго дума паче многих рек, и тою просветитца лице его. Сего ради самодержцем мудрствовати подобает или мудрым последовати, похваляюще святии отцы, на них же воистину, яко на престоле, Бог почивает. Мудрость надо всеми добродетелми царствует и паче силных во граде обладает, и в сем царствует.

О храбрости воинской. Еще на подвиги привед, оружия предлежит златая требе есть, взяти сия в руку и действовати ими. Ты хощеши не славне спастися и ничто же благо соделати, рцы ми, аще брань стояла бы и царь был бы ту и овех убо видев, еже в самыя в полки супостат впадших и посекающих и ратная соделовающих тмами, друзих же на особь с собою борющихся. Инех на конех урышущих и похваляемых от царя, чюдимых, соплескуемых, венчаемых, других паки любезно вещь мнящим, аще ничто пострадавших зло и последний чин хранящих и в безмолвии седяших. Таже по скончании брани видим овых убо призывающих и почитающих великими дарми и проповедуемых, онех же ниже имени явленну бывшу. Зри, от коих чина служебник хощеши быти воздаяния? Аще бы и каменносердечен и нечювствен и бездушевных гнуснейше, паче жь ленив не бы вожделел тмами благих бо дарованну быти при очию похвално всенародне воздаяния благая и похвалу в роды, яко не обладают елени львом, но львы еленем.

Не влаятися семо и авамо, но царским путем идем. «Суета суетствий, всяческая суета, — глагола мудрец, видех бываемое под солнцем, — и се суета». На рати железо дражайше злата, а при животе нашем паче богатства, и сего ради лепо не уклонятися ни на десну, ни на шую, но царским путем да тецем жително, понеже в житии нашем ничто же стоятелно и ничто же утвержденно, но все прелагателно: от утра до вечера день пременяет, горняя бо не суть долу, а долняя горе. И сего ради довлеет ни во благопослушных веселитися, ни в неудобных испадати, паче быть во обоих кротку, ко единому солнцу тщатися. И нерастленное житие присвояет к Богу. Аще велик хощеши быти пред Богом и пред человеки, посему смирися, ино во всем прославишися. Небесная ради красоты, мирские хранится слепоты, понеже с премудростию зиждется храм, с разумом исправляется. Действием исполняются сокровища, от достигшаго богатства всекрасная слава. А неразумным юность и доброту телесную изменяет старость, а печаль — славу, а богатъство разоряет смерть и тля, и всякое веселие века сего с плачем скончается.

Правда же пребывает во веки. Тать ненавидит солнца, а гордый смиреннаго. Мудрый мужь смысленным друг, а несъмысленным враг. Идеже бо свары и рвения, оттоле удаляется Бог. Брате, буди слепым око, хромым нога, алчущим пища, нагим одежда, болным посетитель, от бед свободитель, от всех чести не ищи. И о сем дозде кончаем.

Се дозде доплывше, ветрила словес спустивше, в твердем пристанище истории охотне почием. Никто жь себе тако милует, яко жь всех нас Бог. Ты же, читателю, зря вышеписанное, вспоминай Бога паче дыхания, чти его делом, а хвали его словом и помыслы бойся его. Душу имей аки воеводу, тело аки воина, дабы воин воеводе во всем благопокорен, а не воевода воину, яко ества здравая из глинянаго блюда есть вкусна.

Аз же в Сибирьстей быти о единодушных казацех вкратце глаголал, налично

всположих в Тобольске граде всенародному зрению нескрытно, аще и языка светлоречиваго не стяжах, еже железным ключем отверзох, а златый впредь уготовах ко утешней всенародной ползе. Имя же мое знаком сим зовом, с природными прослытий в Сибирьсьтей стране в начальном граде.[6]

Летопись Сибирская краткая Кунгурская

Начало заворуя Ермака Тимофеева сына Поволскаго. В 7085 и 6-м (1577—78) годех воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и катарги, торговых караваны в скопе с 5000 человек, хотя итти в Кызылбаши для своей власти з донскими и еицкими. И прежде в те лета промчеся воровской слух его в Русии, в Казане и в Астрахане, и что кызылбашских послов пограбили Ермачко именем со многими людми, у него ж было в скопе на море 7000 человек. И то ж 86-го октября 1 день послан указ от великого государя со столником Иваном Мурашкиным по дороге и в Астрахань: где тех воров ни застанет, тут пытать, казнить и вешать.

Ермак же советом з дружиною услыша грозное слово и дело августа з 29 числа, и с возвратом здумали бежать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверх. И тот их государев указ на станах не застал, а коих схватали, тех и приказнили, и кои с ними думали. Ермака же и собрание воеводы не толико взяти, но и подумать — сами бежали прочь. И сентября 26 день объмишенилися, не попали по Чюсовой в Сибирь и прогребли по Сылве верх и в замороз дошли до урочища, Ермакова городища ныне словет; и идучи у жителей обира хлебы и запасы и тут зимовали, и по за Камени вогуличь воевали и обогатели, а хлебом кормилися от Максима Строганова. И в поход ходиша на вогуличей 300 человек и возвратишася з богатством в домы своя и на подъем в Сибирь и к тому приправиша вдоволь легких струг с припасы.

---

[6] Имена С. У. Ремезова и его близких, как принимавших участие в создании «Истории Сибирской» (отца Ульяна и сына Леонтия), так и хранивших рукопись (сыновей Леонтия, Семена, Петра и Ивана), зашифрованы в последнем рисунке рукописи (см. следующий рисунок).

Монограмма («знак») авторов и иллюстраторов «Истории Сибирской» .

И маия в 9 день доспели обещанием часовню на городищи том во имя Николы чюдотворца. Овии же поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чюсовой, овии ж остася на городиши том с женами и з детми, вечно оселишася. Ермак же з дружиною у усть Чюсовой, взявши у Максима запас на проем 5000 человеком и ружье, и молитъствова. В 87 (1579) июня 12 день поидоша по Чюсовой вверх до Тагилскаго волока з боем, и вожи ему были зыряне — добрии змерли, а иные бежали, а не знающие не попали в Серебренку в устие, прошли выше в вершину и многие мешкоты в повороте до самой осени. И дошед Серебренки идоша и тежелые суды покинуша на Серебренке и легкие струги таскали чрез волок на Тагил реку; и на Бую городище зимовали и кормилися вогуличами птицею, рыбою и зверием, яко ж и они. И многие бои улусы их погромили и рухледи много взяли, и многие суды легкие вновь доспели доволно. И те старые, где они лежат, сквозь их дна дерева проросли.

И в 87-м вниде в слух к самодержцу государю Иванну Васильевичю, что Максим Строганов тех пресловущих воров Ермачка Поволскаго с товарищи з запасы и с ружьем отпустил, и о том к Максиму об отъпуске воров слово писано в грамоте сице: «Мужик, помни, да как ты с таким великим и полномочным соседом ссоришь, и какая несостоятелная спона меж нами учинится, и не ведаешь, что я тебе за то учиню; а ежели доброе что в таком случае учинится безпорочно, не ведаешь, чем ты со своими пожалован будешь в твоем опасении». И то писание Максим радостно с печалию принял и прочел слезно, а к Ермаку в кровопролитии его невместно писать и не смел. Точно слыхом от приходящих пренесеся слово, како в воинстве и о всем слышно ему в удаче, и о том веселяшеся ему не всуе туне: запас, и ружье, и подмог, и пушки дал в отъпуск. А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взимая с пристрастием, а не вовсе в честь или взаимы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конец, и приступи к Максиму гызом. Максим же увещеваше их Богом и государем, что числом им запасов дати и о том прося у

них кабалы — егда возвратитеся, на ком те припасы по цене взяти, и кто отдаст точно или с лихвою. Из них же войска паче всех Иван Колцев сь есаулы крикнуша: «О мужик, не знаешь ли — ты и тепере мертв, возмем тя и расстреляем по клоку, дай нам на росписку по имяном на струги, поартелно 5000, по именом на всякаго человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья, три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти, колико масла пудов, и знамена полковые с ыконами, всякому сту по знамени».

Максим же страхом одержим и с подданными своими отворил анбары хлебные, и по именом полковых писарей и весом успевающе, дающе день и нощь коемуждо по запросу числом на струги. И струги их грузу знимать не стали и под берегом тонути. Они же приправили набой, излегчили приимать запасов помене по стругам, и управишася вси по совету в путь свой июня в 13 день смиренно, и обещася вси Максиму: «Аще Бог управит путь нам в добыче и здравии имать быти, заплатим и наградим по возвращении нашом; аще ли же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении; а чаем возвращеня ко отцам своим и матерям». На городище же Ермакове с женами зыряне и книги их писарей и память жилья их, кто имены и отчеством домов, и доныне у Строганова в казне взыскуется.

Было у Ермака два сверсника — Иван Колцев, Иван Гроза; Богдан Брязга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литавръшики и барабаншики, сотники и пятидесятники, и десятники с рядовыми и знаменшики чином, да три попа, да старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и каши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал. И указ на преступление чинили жгутами, а хто подумает ототти от них и изменити, не хотя быти, и тому по-донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок — в воду. И тем у Ермака вси укрепилися, а болши 20 человек с песком и камением в Сылве угружены. Блуд же и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а согрешившаго объмывши 3 дни держать на чепи.

87 году, бывше Ермаку з дружиною и виде многое собрание кучюмовьское стояще на Карачине озере обще и в зборе, аки вода колыбащеся, и згониша с острова мурзу Карачю августа в 1 день. И восхотеша возвратитися въспять в Русь, и погребоша вверх по Тавде реке, воюя с устия вверх обои Красноярскую и Калымскую волости и Лабутана со княжцы, и со всеми безотъступно бишася и безвозвратно до Паченки. И ту великий бой бысть, и раниша многих казаков, их же татар прибиша до единаго, и Печенега княжца убиша, и наполниша трупом езеро, и то словет и до ныне Банное Поганое, полно костей человеческих.

И оттоле погребоша вверх по Тавде, августа 6 день в Кошуни. Приидоша х Кошуку княжцу Ворлякову, и поимали перваго есаула Ичимка и допросиша: «Есть ли боевые люди?» Он же вся возвестил Ермаку. Ермак же овых из них убил и есак взял. Нападе же на них страх велий, и приходяще кланяхуся с есаком, и все те волости и с Чандыри покорил боем и доброволно со старейшинами их.

И в Чандырском городке великое болванское моление, что их абыз шейтаншик могуще демоном чинити дива призыванием жертв их: проклятаго связавше крепко и уткнут саблею или ножем в брюхо скрозь и держат связана, дондеже по вопросу всем скажет. И тогда выдернут из него нож или саблю, шейтаншик же став, наточит пригоршни крови своей, выпьет и вымажется, будет весь цел, что и язв не знать.

И про возврат Ермаку тот же шейтаншик сказал, что воротится на Карачино езеро зимовать и доидет до пелымского княжца, а «чрез Камень, де, хотя и думаешь, не пойдешь, и дороги нет, а поворотишься и победишь Кучюма и царство возмешь». И о том идолское пророчество збылося, а о смерти его не сказал. И взял есак, ехал. И идоша до городка Табаринца Бия, и ту бой на малые часы, потому что Ермак не становился долго и ворочатся за ясаком — что мимоходом урвал, то и наша добыча. И ту убиша багатыря две сажени высоты, и хотеша жива свести с собою, но не далъся — ухватом человек десять загребет и давит, и того застрелиша на чюдо.

И доидоша до Пелымскаго княжца Патлика и с ним велий бой починиша за многолюдство и пустой шум, ибо толико отобралися одне мужики на бой, а жены их и дети

свезены в разстояние на Конду реку в урочище неприступное, и едины бойцы осташася у рыбиных ловль. И тех Ермак с таварищи прибили до единаго. И по допросом пути нет за Камень в Русь. Возвратишася вниз по Тавде октября 4 день, обирающе хлеб в ясак, провадиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными и привозшиков, отпустиша их восвояси. И тот збор — первой ясачной хлеб в Тоболску. И доныне хлеб и денги и куны те — в месте Ермакова прибору.

И приехали на Карачино ноября 8 день и всегда покушашеся напустить на Кучюма, и час воли Божии по урадом не дошел, вси беша во опасении, и тако в помыслех и в походах озимеша, беруще ясак, рыбу и мяса на пропитание, скрывающее в улусех.

90 (1582), марта 5 день, послаша Ермак вниз по Иртышу реке в Демьянские и в Назымские городки и волости пятидесятника Богдана Брязгу с пятьюдесятью человеки все Назымские волости пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно. И приехав в первую Аремзянъскую волость, и городок крепкий взял боем, и многих лутчих мергеней повесил за ногу, и розстрелял, и ясак собрал за саблею, и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя, чтоб им служить и ясак платить по вся годы, а не изменить. И взяли у них в Сибирь ясак, и запас хлеба, и рыбы, и отослали в город. И того страху вси иноземцы ужаснулися. И за страх грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всей волости Надцынской. И добралися до Тургайскаго городища, и собранные ту учинили с ними бой, и того же часа побеждены суть, и с князьков их и с началных со всех ясак взят вскоре.

И доехали конми до усть Демьянки реки, до болшево их зборнаго княжца Демаяна. И город их велик и крепок, и в зборе 2000 татар и вогуличь и остяков. Приступали по три дни, не могли попасть в крепость горы, и хотяше возвратитися и думали: «Как взять, и се роспутица ходу и голод близ». И спрашивали у тех, кои приехали с ними в подводах и с есаком, како молятся. Един же в них, чювашенин, был у Кучюма рускаго полону, сказал: «Молятся де они рускому богу, и тот де руской бог литой золотой в чаше седит. И в ту де чашу наливши воды, пьют и зовут его Христом, а сказывают де, привезен от Владимерова крещения, и для того живут смело. Отпустите де меня к ним, и я де могу его унести, и что они думают, скажю вам все».

И в вечер дни пошел, и по утру рано в табары пришел, сказал: «Ворожат де и говорят: лутче де нам здатся живым, — и на том де у них и положено. А бога де их взять не мог, против де его вси сидят и молятся и стоят, а он де поставлен на стол и кругом горит жир, и курятся серою, аки в ковше».

Егда же начахом приступати ан на косогор, они же видя, мнози разбегошася с роды в домы своя, иных князей Романа Славнаго; и ту в городке шерстовали и есак взяли и весновали, а мольбища не сыскали.

И по поле воде доспели себе легкие струги, и поплыша вниз, с покорных беруще ясак. Роман же, князець их лутчей, бежал с жилья своего вверх по Ковде к Пелыми с родом своим лыжами и нартами. Егда же доплыша Рачева городища, и ту котелние шейтанъшики — збиратели со всех юрт на молбише к шейтану Рачю, и в зборе их многое, — вси утекоша в лес до единаго, в частой ельник, и жертву покинуша всю; и ждаша сутки и не дождався, ехали, собирающи ясак.

Прочие же скопишася между дву мысов горы Иртыша выше Цыньялы реки, злобящеся в уском месте, мняще, что Бог их, казаков, стругами не пропустит дале ехать вниз, ту остановит, да побьют всех. И умыслиша в ущине оружье себе коварно, крюки и укрюки, засеку и веревки, да удержат. Богдан же с товарищи, слыша скоп их зле, остановишася и молебъствоваша. И на всходе солнца пустишася напоплав и доплыша ту быстрины; остяцы же крюками своими и укрюками хотя хапати, они ж удариша вкруг из ружья на обе стороны, и повалишася, собою мятуще друг друга. И проплыша до Цыньялы и Нарымъскаго городка, а в городке точию жены их и дети и от страха омертвеша, плача, крыча и бегая. Тии же вымышленники в вечеру приходяще един по единому, оглядаяся и виде, яко не бьют жен их и детей, точию ласкают, во утрии собрашася с вси. Овии же разыдошася, оставшие же

любезно данью и есаком поклонишася.

Прияше же ясак майя в 9 день и поплыша вниз до Колпуховы волости и сотника их и молбища шейтанскаго, и учиниша бой часа с три, и видеша убиенных, и здашася, и ясак даша доволно. И того числа поплыша до Колпухова городка, беруще ясак з боем и без бою. И маия в 20 день доплыша до Самара княжца, и ту в сборе 8 княжцов, ждуще побити силою. Богдан же с таварищи, моляся Богу, в день неделный приплыша протокою под самой Самар, и засташа многих остяков на карауле спящих твердо без опасения. Егда же на стоящих удариша из ружья и убиша княжца Самару и с родом его, прочие же в собрании в разбех разлучишася по своим жильям. А жителей осталося малое число, и принесоша ясак с поклоном и шерстоваша ту. Богдан же поживе неделю и поставиша князя болшего Алачея болшим, яко богата суща, и отпустиша со своими честно.

И оттоль поидоша на Обь и виде много пустово места и жилья мало, и присташа на Белогорье; ту бо у них молбище болшее богыне древней: нага с сыном на стуле седящая; приемлюще дары от своих, и дающе ей статки во всяком промысле, а еже кто по обету не даст, мучит и томит, а хто принесет жалеючи к ней, тот пред нею пад умрет, имяше бо жрение и съезд великии. Егда же вниде им в слух приезд Богдана, велела спрятатися и всем бежати, и многое собрание кумирское спряташа и до сего дни.

Богдан же виде пустоту жилья, и размыслиша с таварищи ехать дале не по што, а возвратишася, пождав на месте три дни, в Сибирь град. А кои бои и были по дороге, на низ пловучи, и тех всех описать трудно подробну: вои убитых нет, а раненых — кажной многаши. И приехали в радости маия 29 день сь есаком, и едучи по погромленным городкам, смотря. Мнози утвердишася жити постоянно во всем покорни, стречаше и провожающе казаков и с провожатыми — честно, а егда же приносяще ясак, и приемъшики вси в наряде — в цветном платье, чтуще честь, царскаго величества славу. И со зборщиками доехавши к Ермаку здраво и в честности, в радости вси прославиша Бога.

По взятии Сибири 92-го (1584), августа 6 день, по ведомости оманшиков, поехали Ермак с казаки с тремя сты человек стретить прикочевных бухарцов со многими тавары, а Кучюм де стоит далече в урочище Вагая реки. Егда же поидоша вверх по Иртышу, и все волости покорни беша во всем, а слыху никакова о Кучюме и бухарцах не обретоша. И прогребли вверх по Иртышу до Сартезеря и до болшего князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великий бой со зборными тотары и с карачинцы; у Бегиша же две пушки железные из Казани привезены, их же казаки умолвиша, и не могоша лунуть на казаков вдругорядь, и спехнуша их прямо в Ыртыш под гору; и ту прибиша всех с ярости без остатку, а малое число утекли; и взяша имения много и закопаша в погребы с пожитки. И погребоша к Шамше и Крянчикам, и в Салахе беша малой бой; и погребоша в Каурдак, ту бо татара вси спряташася в темной елник и болота; и догребоша до старости древняго поставления царя Саргачика Ишимскаго, и з боем взяша его, смиряюще.

И оттоль до Тебенди, словет нижной городок князка Елыгая, и тут есаул в малолюдстве; и слыша и виде, что Ермак покорных не убивает, принесли дары и есак, что яко прежде требовал что доброе в честь; и привел ему прекрасную дочь свою в честь и в дар, Ермак же не приял и отверг и прочим запретил, ея же доступал Кучюм за сына своего взяти, та бо девка роду ханска Саргачика царя прекрасна. И оттоль погребли до усть Ишиму, и на усть Ишиму бой великой, яко не оружьем, но руками, кто кого может, и в том бою убито ермаковых казаков 5 человек, и одолеша бусурман, а своих погребоша. И от тех пяти человеках татара поют с плачем при беседах в песнех, припеваючи: «Яным, яным, бишь казак, бишь казак», — сиречь: «Воины, воины пять, пять человек победиша и разориша». И сия песня их словет царицын плачь.

И оттоль ехаша в городок Кулары, и той опасной крайной кучюмовской от калмык, и во всем верх Иртыша крепче его нет. И того Ермак, приступающе 5 дней, взяти не мог, и оставил, говоря: «Назад де воротяся приберем». И погребоша к Ташатканскому городку. И в том городке спал камень с небеси, величество как бы воз с санми, видом багров, и от него де временем возходит стужа, дождь и снег; и о сем Ермак с таварищи дивилися Божию деянию.

Сущи же жители во всем покорны и, еже требовал Ермак, всё отдали, потому что застращаны и бои вси на Сибири и под Чюваши видели, и бежали к сродичем, ту живущим. И размышляюще вси, яко не слыхали о Кучюме и бухарцах николи, и где бы весть перенять.

И поидоша до усть Шиштамаму и ту конечно обретоша беглецов и карачинцов, и кои беглецы были у Ермаку в полону, узнали его, что у него в стану жили. И та словет волость жителей — туралинцы. И видеша вси, яко зело скудни, и ничим их вредиша. И оттоле возвратишася на низ вскорости. И в Ташаткане сказали им, что пришли бухарцы в Сибирь, погребаючи все городки и волости до усть Вагаю реки. И погребоша вверх по Вагаю реке с поспешением до Агитъскаго городка в трудности, и ничто же обретоша, ни слыху, ни виду видеша. И изождав, поворотилися вниз до устия и остановится, не внимая назирателя Кучюма и Карачи, ведомых воров, стояще в прикрыте за речкою в трех верстах и менши, в темном диком суземье, при речке крутой и топкой велми. По ней же Кучюм учинил брод широкой, как в три или в четыре телеги проехать, в одном месте каменьем и песком засыпал плотно, а хто не угодает, утопает.

Приложение 3 СИНОДИК ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ[7]

В лето 7089-го (1581), при державе благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии, еже избра Бог и посла не от славных муж, ни от царьскаго повеления воевод очистити место святыни и победити бесерменскаго царя Кучюма, и разорити их богомерская и нечестивая капища, но и еще быша вогнеждение зверем и водворение сирином. Но на тех местех поставишася грады и соделашася святыя Божия церкви в прибежище православным христианом, а во славословие Отцу и Сыну и Святому Духу. Но от простых людей избра и вооружи Бог славою и ратоборьством и волностию отомана Ермака Тимофеева сына Поволъскаго со единомысленою и с предоблею дружиною храбръствовавьшею. Забыша века сего всю земную честь и славу и плотскую сладость, но подвигшеся и крепко вооружившеся сердцы своими на волныя раны и излияти кровь свою, и смерть в живот предложити. Но восприемше щит истинныя веры и утвердишася мужественно, и показаше храбръство свое пред нечестивыми, но вси глаголюще: «Достойни умрети за святыя Божия церкви и за православъную истинную християнъскую веру пострадати, и благоверному царю послужим, и всю надежду свою на Господа тверда положим, яко не во множестве воин победа бывает, но свыше от Бога, и может безспомощным помощи на противляющихся агарян». И вся сия совершишася Божиим промыслом.

И приидоша сии воини бестрашни в Сибирскую землю, в их нечестивыя улусы, и противнии собрашася агаряне и безбожныя татарове во уреченном месте у реки Иртиша на брегу под Чювашею. И насеяшеся множеством их, яко травы селныя. И бысть с ними первой бой охтебря в 26 день, и жнуще православное воинство Божиею помощию нечестивых, яко ж класы. И на том деле убиенным Околу, Ивану Карчиге, Богдану Брязге и с их дружиною веч[ная память] б[ольшая].

Тое же зимы бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день. И на том деле убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею и с их дружиною веч[ная память] с[редняя].

Тое же зимы Ермакове и дружине, безо опасения им идущим к рыбной ловле под Обалак декабря в 5 день. И внезапу приидоша на них нечестивыя воинством и побиша на том деле Окула, Ивана Карчигу, Богдана Брязгу и с их дружиною веч[ная память] м[алая].

Во второе же лето Сибирскаго взятья Божиею помощию еще храбръствовавши Ермаку своею дружиною и обнаживше мечи на нечестивыя, воеваше по Иртишу и по великой Оби, их нечестивыя улусы и городки татарския и остяцкия до Назима воеваше, и Назим, городок

---

[7] Печатается по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / Под ред. А.П.Окладникова, Б.А.Рыбакова. М., 1987. С. 380–381 (подг. текста Е. К. Ромодановской).

остяцкой, взяша со кнезком их и со многими их остяками, попленища и в плен поимаша. И на тех делех в хождении Ермаковым тов[а]рыщем отоману Никите, Тимофею, Ивану, Ананье, Анцыфору, Ивану, Григорию, Андрею, Алексею, Никону, Михаилу, Титу, Феодору, Ивану, Артемия, Логину и прочей дружине их, пострадавшим и избиенным и всячески нужно скончавшимся от нечестивых веч[ная память] с[редняя].

В третие же лето по сибирском взятье присылал нечестивый Корача, думчей царев, послов своих к Ермаку с товарыщи по люди, обороняти я от Казачьи орды. И по приговору всего товарства, а повериша их нечестивому безверному шерстованию и отпустиша к тому Кораче с приговору отомана Ивана Кольца, а с ним 40 человек товарства. И предашеся неволне судом Божиим в руки нечестивых. Отоману Ивану Колцу, Владимеру, Василию 2, Лукияну со всею дружиною своею, единокупно вси главы своя под меч положиша и живот свой скончаша в плену, вечная па[мять] б[ольшая].

В четвертое же лето по сибирском взятье августа в 6 день приидоша вестницы от бухарцев торговых людей к Ермаку с товарыщи, что их Кучюм не пропустит в Сибирь. И Ермак собрашася с невеликою своею дружиною навстречю бухарцев. И доидоша близ Вагайскаго устья и обночевашесь на перекопи; и подсмотриша нечестивыя, и нападоша на станы их нощию. Но посланием Божиим оготовавшися день и приближишася на воинов внезапная смерть, на Ермока и с его дружиною. Ужаснушася от нечестивых и в бегство предложишась, а инем на станех побитым и кровь свою пролияша. Якову, Роману, Петру 2, Михаилу, Ивану, Ивану и Ермаку, еже изволи Бог живот свой скончати и кровь свою пролияти от нечестивых з дружиною своею безвестно, ве[чная память] б[ольшая]. Конец.

Основные даты жизни Ермака Тимофеевича

1581, конец июня — Ермак Тимофеевич вместе с волжскими казаками принимает участие в походе царских воевод на Дубровну, Оршу, Шклов и Могилев.

1582, 1 сентября — выступление казаков в сибирский поход.

26 октября — бой на Чувашевом мысу. Вступление в столицу Сибири Кашлык.

5 декабря — бой под Абалаком, победа над царевичем Маметкулом.

1583, начало лета — отправка посольства в Москву. 1584 — гибель отряда во главе с Иваном Кольцо. 1585, 6 августа — гибель Ермака.

Словарь терминов

Атаман — предводитель казаков.

Боевые холопы — рабы, несшие военную службу в свите бояр.

Боярская дума — совет высших лиц государства (думных людей) при монархе, высший орган государства.

Вогуличи — племена манси, обитавшие на Урале и в Сибири.

Воровство — принятое на Руси название всякого рода преступлений, включая политические. «Ворами» называли всех, кто отказывался повиноваться царскому правительству.

Голова — командир отряда в русской армии.

Двор (Государев двор) — учреждение, включавшее Боярскую думу, верхний слой правящего дворянства и бюрократии.

Дети боярские — дворяне, служившие в Государевом дворе и по уездам. В массе — мелкие землевладельцы.

«Дикое поле» — наименование южнорусских степей, захваченных ордынцами в итоге Батыева нашествия.

Есаул — помощник атамана в казачьем войске.

Засека — укрепленная оборонительная линия на русских границах, включавшая валы,

рвы, крепостные сооружения, завалы из срубленных деревьев на дорогах. Свои засеки (сечи) казаки строили на островах.

Кабала — вид зависимости (по кабале должники работали на господина в счет погашения процентов с долга).

Казенный приказ — управление, ведавшее государственными сокровищами и финансами.

Казначей — глава Казенного приказа, член Боярской думы.

Казак — вольный человек. Этим словом обозначали вольных и служилых казаков, наемных работников, бурлаков и пр.

Карача — главный советник хана.

Коч — судно, приспособленное для плавания в северных морях; строилось поморами на Русском Севере. Мурза — знатный татарин.

Остяки — племена хантов, обитавшие на Урале и в Сибири.

«Опасный город» — татарское сторожевое укрепление.

Ополчение — нерегулярное дворянское войско, сформированное в полки на время похода.

Переволока — местность между Доном и Волгой, по которой казаки волоком перетаскивали свои суда.

Пищаль — ружье или легкая пушка (пищаль затинная).

Полк — Большой, правой и левой руки, сторожевой, передовой, государев — система построения русского войска на поле боя. Авангард — сторожевой и передовой полки; главные силы — Большой полк, государев полк; на флангах — полк правой руки и полк левой руки.

Поместье — государственная собственность, переданная помещикам на условиях обязательной службы царю.

Посад — город.

Посадские люди — горожане, платившие царскую подать. Приговор — решение царя или Боярской думы.

Пыточный двор — судебная палата для дознаний с применением пыток. Посольский приказ — высшее ведомство России, ведавшее иностранными делами.

Разрядные записи — распоряжения военного ведомства.

Сказки — свидетельские показания или донесения, адресованные властям.

Столичные гости — высший разряд московских купцов. Судебник — кодекс законов России.

Станица — так называли и отряд казаков, и казачье поселение. Тягло — система государственных платежей и натуральных повинностей.

Тяглые люди — посадские люди и крестьяне, платившие царские подати.

Улус — удельное княжество члена ханского рода либо владение татарского феодала.

Уезд — административная область. Холопство — форма рабства.

Черемисы — так в источниках XVI — начала XVIII века назывались марийцы и чуваши.

Черкасы — название украинских казаков.

Черные люди — плательщики царских податей (налогов).

Челобитная грамота — письменное обращение к властям с просьбами, объяснениями, предложениями и проектами.

Чайка — судно, приспособленное для речных и морских плаваний; использовалось запорожцами для дальних походов.

Шерть — обряд клятвы мусульман на Коране.

Шайтан — шаман в Сибири (колдун).

Югра — старинное русское наименование уральских и сибирских племен.

Юрьев день осенний — 26 ноября. Нормы Юрьева дня регулировали переход крестьян из одних владений в другие. Юрт — татарское владение. Ясак — дань.

Библиография

Адрианов С. А. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Апрель.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. Новочеркасск, 1891.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. 1. Иркутск, 1932.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. М., 1960.

Андриевич А. К. Исторический очерк Сибири. Ч. 1. СПб., 1889.

Анучин Д. Н.К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890.

Аполлова Н. Г.Хозяйственное освоение Прииртышья. М., 1976.

Багалей Д. М. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1880.

Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края // Ученые записки Молотовского университета. 1953. Т. 8. Вып. 2.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. М., 1955.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1888. Кн. 3.

Берх В. ^.Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

Боплан Г. Ф. Описание Украины. СПб., 1832.

Бояршинова З. Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству. Томск, 1957.

Бояршинова З. Я.Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961.

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых засельников. Харьков, 1889.

Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый архиепископ Киприан. Харьков, 1890.

Введенский А. А. Торговый дом Строгановых в XVI–XVII вв. Л., 1921.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.

Герцен А. И. Полное собр. соч. Т. 9. Пг., 1919.

Головачев П. М. Покорение Сибири и личность Ермака // Сибирский сборник. Т. 1. М., 1891.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. М., 1965.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. М., 1954.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака//Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. М., 1957.

Дергачева-Скоп Е. П. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.

Дмитриев А. А. Забытый труд Икосова о Строгановых и Ермаке. Казань, 1897.

Дмитриев А. А. История о родословии Строгановых (1791). Пермь, 1881.

Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Январь.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Дополнения к Актам историческим. Т. 1. СПб., 1848. Дулов В. П.Когда началось присоединение Сибири к России? // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1964. № 5.

Епифанов П. А. Войско и военная организация // Очерки русской культуры в XVI в. Ч. 1. М., 1977.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов. М., 1954.

Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.; Л., 1947.

История Сибири. Т. 1. Л., 1968.

История Сибири. Т. 2. Новосибирск, 1968.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. Карпов А. Б. Уральцы. Уральск, 1911. Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1982.

Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989.

Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. 1947. № 3.

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1880.

Лимонов Ю. А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1967. № 1.

Ломоносов М. В. Полное собр. соч. Т. 6. М., 1952.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1937.

Миненко Н. А. Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1984.

Миненко Н. А. Историография Сибири. Новосибирск, 1978.

Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960.

Наказ Польского приказа 1585 г. // Сборник Русского Исторического общества. Т. 129. СПб., 1907.

Никитин Н. И. «За други своя» // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.

Новицкий Г.Краткое описание о народе остяцком (1715 г.). Новосибирск, 1941.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948.

Огородников В. П. Очерк истории Сибири до начала XIX в. Ч. 1. Иркутск, 1920.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.

Оксенов А. В. Слухи и вести о Сибири до Ермака. СПб., 1887 (Приложение к Восточному обозрению. Вып. 4).

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1788.

Памятники дипломатических и торговых сношений России с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989.

Платонов С. Ф. Старые сомнения // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. 14. М., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М., 1987.

Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982.

Полосин И. И. Вводные статьи — в кн.: Штаден. Записки немца-опричника. Л., 1925.

Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869.

Потапов Л. ЖАлтайцы, народы Сибири. М.; Л., 1956.

Преображенский А. А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России // История СССР. 1984. № 1.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Радищев А. И. Полное собр. соч. Т. 1. М., 1941.

Разрядная книга 1475–1508 гг. М., 1966.

Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973.

Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак// История СССР. 1976. № 3.

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.

Русская историческая библиотека. Т. 13. Пг., 1922.

Русская историческая библиотека. Т. 18. СПб., 1898.

Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. М., 1947.

Сборник Русского Исторического общества. Т. 2. СПб., 1875.

Семенова Е. П.Русская общественная мысль первой половины XVII в. Л., 1982.

Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1.

Сибирские летописи. СПб., 1907.

Синяев В. С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. Сб. 2. Томск, 1951. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.

Скрынников Р. Г. Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака // Вопросы истории. 1979. № 8.

Скрынников Р. Г.Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4.

Скрынников Р. Г.Россия после опричнины. Л., 1975. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1976.

Скрынников Р. Г.Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

Словцов И. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1 (1585–1742). СПб., 1886.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 1947. Соловьев С. М. История России. Кн. 3. М., 1960; Кн. 4. М., 1960. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь. СПб., 1882. Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. Пг., 1922. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Трапезников В. Чудские идолы и пермские боги // Атеист. 1930. № 52.

Тушин Ю. П. Русское мореплавание. М., 1978.

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.

Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.

Фиалков Д. Н. О месте гибели и захоронения Ермака // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XVII вв. Новосибирск, 1969. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.

Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в. // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1978. Храмова В. В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М.; Л., 1966.

Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в. М., 1960.

Шаховской С. ЖДомашние записки // Московский вестник. 1830. Ч. 5.

Шейнфельд М. Б. Историография Сибири. Красноярск, 1973.

Шишопко В. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Ч. 1. Пермь, 1881.

Шляков Н. В. Ермак Тимофеевич летом 1581 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Июль.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832 гг. Иркутск, 1884.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII в. М., 1961.

Epstein F. Heinrich von Staden. Hamburg, 1930.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrov // A review of early cartography. Founded by Leo Bagrov. Supplement 1. Gravenhage, 1958.

Иллюстрации

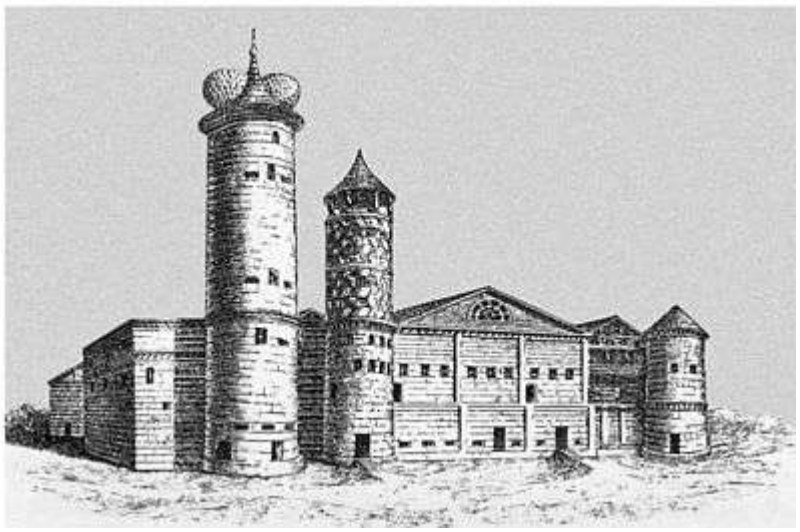
Ермак Тимофеевич. *Гравюра И. Розанова с портрета XVIII в.*

Царь Иван Грозный. *Надгробный образ. XVII в. (?)*

Русская конница в XVI веке. *Гравюра из книги С. Герберштейна.*

Молодость Ермака. *Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. 1689.*

Ермак. *Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Фрагмент.*



Палаты именитых людей Строгановых в Соли Вычегодской в 1565 году. *Рисунок XIX в.*

Ермак в вотчине Максима Строганова. *Рисунок из «Кунгурской летописи» С. У. Ремезова. Конец XVII в.*

Начало похода Ермака. *Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова.*

Представители сибирских народностей: A — якут; B — калмык; C — остяк; D — тангут. *Гравюра из книги Н. Витсена. 1692.*

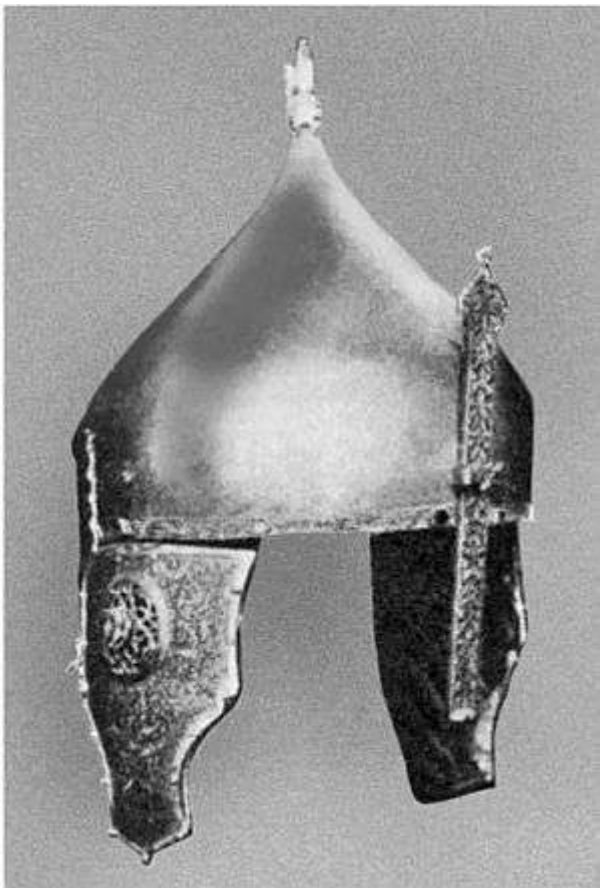
Езда на нартах с парусом и езда на собаках. *Гравюра из книги Н. Витсена.*

Ермак Тимофеевич. *Неизвестный художник. Первая половина XVIII в. Томский областной художественный музей.*

Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири. *Лубок. XIX в.*

Знамя Ермака.

Ермак в Чингиде (Тюмени). *Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова.*



Шлем Кучума.

Покорение Сибири Ермаком. Битва на Чувашьей горе. *Хромолитография по акварели А. Д. Кившенко. 1881.*

Гибель Ермака. *Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова.*

Расправа над Сеид-ханом и Карачой в Тобольске. *Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова.*

Ермак Тимофеевич. *Скульптура М. М. Антокольского. 1891.*

Памятник Ермаку в Новочеркасске. *Скульптор В. А. Беклемишев. 1904.*

Покорение Сибири Ермаком. *В. И. Суриков. 1895. Фрагмент.*